

**ХУДЖАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
АКАДЕМИКА БОБОДЖАНА ГАФУРОВА**

На правах рукописи

ИСМОИЛОВА МАШУРА БУХОВАТДИНОВНА
ИСТОРИЯ АНГЛО-РУССКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА
В СРЕДНЕЙ АЗИИ (1810 – 1896 гг.)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.2 Всеобщая история

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
Мамадалиев И.А.

ДУШАНБЕ – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА I. ИСТОКИ СТОЛКНОВЕНИЯ АНГЛО-РУССКОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА В СРЕДНЕЙ АЗИИ	24
1.1. Начальный этап англо-русского соперничества в Средней Азии.....	24
1.2. Усиление англо-русского дипломатического соперничества по среднеазиатскому вопросу	39
ГЛАВА II. ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ АНГЛО-РУССКОЙ ПОЛИТИКИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ	56
2.1. Роль и место Турции в англо-русском соперничестве по среднеазиатскому вопросу	56
2.2. Основные векторы в англо-русском соперничестве в системе «Большой игры»	76
ГЛАВА III. АНГЛО-РУССКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СРЕДНЕЙ АЗИИ	108
3.1. Англо-русская колониальная система (сравнительный анализ).....	108
3.2. Англо-русское торговое соперничество в Средней Азии	130
Заключение	168
Список литературы	174

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется тем, что среди многообразия международных событий XIX века, особый интерес представляет развернувшаяся в центрально-азиатском регионе «Большая игра». Соперницами являлись две крупнейшие империи того времени – Британская и Российская, основными объектами противостояния которых стали Персия, Афганистан и Памир. Эти районы рассматривались и Великобританией, и Россией как возможность усилиться самому и ослабить соперника и явились полем для военно-дипломатической игры.

Изначально хотим отметить, чтобы не вести в заблуждение знакомящегося с нашей работой, по некоторой тематической семантике, в этом ключе наши видения аргументируются следующими доводами: во-первых, в настоящей диссертации главный фокус отводится англо-русскому соперничеству в Средней Азии посредством Афганистана, а не «в» или «об» Афганистане; во-вторых, под Афганистаном подразумевается афганский город – Герат, который демонстрируется как «форпост», то есть передняя военная база, передняя линия или форт (значение, лат. *fortis* - «крепкий, сильный», большое замкнутое укрепление, составная часть внешней линии оборонных сооружений фортеции крепости с цитаделью) для английского проникновения в Среднюю Азию (аналогично – Оренбург был форпостом для Российской империи в проникновении в Среднюю Азию); в-третьих, чтоб историческая реальность была целостным, также рассматривается и российские контуры по среднеазиатскому вопросу, но из видения Запада; в-четвертых, данный вопрос рассматривается через призму западной советологии, а не советского западного видения; в-пятых, во избегании односторонности и для имперского компаратива, то есть сопоставления исторических событий используются классические источники и литературы дореволюционного, советского и постсоветского периода; в-шестых, в данной работе мы чаще используем географическое определение – Центральная Азия, потому что военно-политические горизонты выходят за рамки Средней Азии,

поскольку в этой геополитической сцене участвуют много акторов (как западные, так и азиатские страны) или же много объектов превратившиеся в основной фокус имперских притязаний.

Постановка проблемы актуализируется в контексте выражения известного писателя Редьярда Киплинга, который гласит: «Восток и Запад не сойдутся вовек», который много раз находило свое подтверждение, но много раз и опровергалось, особенно, исследователями нового и новейшего времени. И это понятно, потому что процесс самого интенсивного сближения, вернее активных контактов несмотря на то, что это было результатом кровавых войн, который начался в начале XIX века как расширение сферы влияния на Среднем Востоке, где главными акторами выступили Англия и Россия.

Актуализируется в историческом контексте с тем, что экспансия великих европейских держав, стремительно нарастающая в XIX в., вела уже не только к захвату, но и к переделу колониальных владений. В результате завязалось несколько узлов международных противоречий – на Балканах, Ближнем и Дальнем Востоке, в Центральной Азии, ведущую роль в которых играли Россия и Великобритания.¹

Данная тема актуальна еще тем, что современное положение центрально-азиатского региона для мировой политики далеко не однозначно. С одной стороны страны этого региона отличаются удивительной нестабильностью, взять хотя бы Афганистан, или среднеазиатские республики бывшего Советского Союза. С другой – Центральная Азия важна в стратегическом отношении – владея ситуацией на горных перевалах, можно контролировать события во всех прилегающих странах, а территория Афганистана, к примеру, является своеобразным перекрестком трансконтинентальных коммуникаций².

¹Данков А.Г. Отечественная и Британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии: XIX – начало XXI вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.09/А.К.Данков. – Томск, 2008. – с. 3

²Максименко В.И. Расширенные тезисы к дискуссии. Форум: Геостратегическое значение Средней (Центральной) Азии в международных отношениях начала XXI века. // Восток, 2003. № 3. – с. 73.

Настоящее исследование актуализируется не только в историческом, но и геополитическом, геоэкономическом контексте, поскольку в XIX веке не только Центральная Азия, а в целом Азия оказалась объектом напряженных взаимоотношений. В этом плане соперничества двух крупнейших колониальных держав – Великобритании и России в пределах Центральной Азии приобретает более пестрый характер. Именно англо-русское соперничество и определило судьбу центрально-азиатских государств, не только в тот момент, но и для будущего, для некоторых оно закончилось определением четких границ (на европейской манере в противоположность восточной традиции с ее нечеткими и размытыми границами), некоторые лишились даже той небольшой самостоятельности, которой обладали до тех пор, пока не попали в сферу действия одной из держав, некоторым пришлось изменить свои экономические приоритеты и, пользуясь современным термином, специализацию на мировом рынке. Результаты взаимодействия России и Великобритании во второй половине XIX в. определили во многом последующую историю развития не только самих этих государств, но и всего региона почти на сто лет вперед¹.

Н.И. Конрад писал: «История каждого народа всегда связана с историей его соседей... Поэтому в истории народов действуют факторы, создаваемые именно общностью исторической жизни»². Фактором такого сближения стало ослабление позиции Российской империи в жесткой конкуренции в мировой системе, ее экономика постепенно становилась все более не конкурентноспособным, а ее военная доблесть по сравнению с другими европейскими державами, такими как Великобритания и Франция, была сильно скомпрометирована после поражения в Крымской войне. Военно-политическая конъюнктура обязала Россию завоевать южную часть Центральной Азии, чтобы создать свободный рынок для своих

¹Смирнова Л. М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70-90-е годы XIX века: автореф. дис. ... кан. ист. наук: 07.00.03/ А. В. Смирнова. – Санкт-Петербург, 2004. – 32 с.

²Конрад Н.И. Запад и Восток: Статьи. М.: Наука, 1966. С. 17 (520 с.); (2-е изд.) М.: Наука, 1972. – 496 с.

производителей и обеспечить более надежные поставки хлопка-сырца для своей растущей текстильной промышленности. В результате этого процесса Центральная Азия была включена в периферию расширяющейся капиталистической мировой системы, в результате чего она претерпела ряд болезненных социальных и экономических преобразований, которые наблюдались в других странах, колонизированных европейскими державами¹.

Анализ мировых систем довольно сложная теория, здесь невозможно дать ее полное толкование. Таким образом, то, что последует далее, будет обязательно кратким обзором, за которым, в свою очередь, последует краткое обсуждение некоторых дебатов, связанных с подходом к мировым системам². Как и любая теория, пытающаяся объяснить мировую историю и критические моменты разрыва в ней, анализ мировых систем был предметом довольно ожесточенных дебатов. Критика, равно как и похвала, исходили из различных уголков академических кругов и высказывались людьми, представляющими очень широкий спектр теоретических традиций³.

Англичане на Среднем Востоке достигли своего кульминационного момента под предлогом демаркации русско-афганской границы расчленив, захватить значительные части территории Средней Азии. Это привело к резкому обострению не только англо-русских, но и русско-афганских отношений. Действительно, именно поэтому его система, казалось бы, раздражала так много ортодоксальных кругов. Альтернативы не было, поскольку уникальное европейское явление существовало уже в Китае или Индии, или в других местах задолго до того, как он развился в Европе. Надо сказать, что на протяжении тысячелетий существовала единая мировая

¹Alexander Morrison, *Russian Rule in Samarkand: A Comparison with British India*, New York: Oxford University Press, 2008. p.364

²The Modern World System, New York: Academic Press (I) 1974, (II) 1980, (III) 1989.

³Jason Moore makes this observation and provides a useful listing of the main texts forming this debate. See Jason Moore, "The Modern World System as Environmental History? Ecology and the Rise of Capitalism" *Theory and Society* 32, 3 (Jun. 2003), n.2 on pp. 359-360.

система и что Восхождение Европы в нем было в значительной степени случайным и обречено на недолгое существование¹.

История империи – это сложный пласт взаимодействий имперских властей и местных сообществ, то есть на окраинах. Чтобы понять эту эпоху, нужно воссоздать ее во всей полноте. Таким образом, актуальность избранной темы в наши дни очевидна и обусловлена следующими факторами:

- необходимостью дальнейшей разработки как проблемы в целом, так и ряда ее аспектов в частности, которые до сих пор слабо отражены в исторических исследованиях;
- всевозрастающей ролью управленческой науки, призванной изучать прошлое в области имперского управления;
- важностью применения исторического опыта при проведении научной экспертизы в период рассмотрения различных звеньев по изменению исторической географии.

Степень изученности проблемы. В течение двадцатого века на Западе было опубликовано немало исследований, монографий и статей, в которых анализировалось английское соперничество и Российская колонизация Средней Азии. Хотя не было недостатков у ученых, публикующих книги на эту тему, однако, никто не попытался провести исследования или сравнительный анализ на базе двух имперских систем (английской и российской) и колониальных режимов других европейских держав в XIX веке.

Параллельно с изучением Центральной Азии и различных аспектов соперничества России и Великобритании в регионе шло становление историографических исследований, изучение основных подходов и школ, которые сформировались к тому моменту в российской и британской исторической литературе, посвященной «Большой игре» в Центральной Азии.

Хотелось бы отметить, что автор настоящей работы держит такую

¹Willaim Darity Jr., "Review of The Modern World System III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730s-1840s by Immanuel Wallerstein," The Journal of Economic History, 52, 1 (Mar., 1992), pp. 261-262.

позицию, что для неё отдельно взятые исторические события являются частью целого исторического процесса. Происходящие исторические события никогда не зависели от человеческого сознания. Отметим, что в исторической науке кроме факта-события существует еще и факт-источник или исторический материал. Эти материалы содержат информации об исторических событиях. Есть и другой весьма существенный момент, что исторические материалы естественно интерпретировались человеком, а это само собой в определенной степени является субъективным, поскольку исторический материал по содержанию целиком зависит непосредственно от их создателя, то есть от его мировоззрения и социального статуса и др. Поэтому автор данной работы также не лишена от таких факторов, соответственно задача автора серьезно относиться к историческим материалам, которые дают сведения по избранной теме – насколько они объективны или субъективны, то есть использовать или нет, тем самым определяет свою позицию по отношению к каждому материалу.

Исходя из большого объема историографического багажа, мы были вынуждены классифицировать подручную нам источников и литератур в несколько группы, однако хотелось отметить, что имеется весьма огромный фонд исторических исследований, которых мы не в силах всех включить в работу и они выходят за рамки исследуемых нами вопросов, поэтому мы включили только те научные труды, которые отражают наш объект исследования.

В первую группу, мы включили труды западных ученых второй половины XIX и начала XX вв., то есть, которые были непосредственными соратниками, очевидцами или участниками происходивших событий. Отметим, что данные труды для нас являются весьма важными по той простой причине, что поскольку они имеют более оригинальность по стилю и изложению исторических фактов, соответственно они являются источниками. Отметим, что в западных исследованиях такие особые идеологические цели не ставились, главным фактором являлась политизированность каждого вопроса,

поскольку от этого следовал главный политический постулат каждого государства. К этой группе вошли труды авторов, которые были современниками, деятелями разных уровней и исследователями XIX века: A. de La Jonquiere, E. Ashley, W.F. Butler, A. Conolly, G.N. Curzon, J.T. Eckard, Even Kaye, M. Elphinstone, G.R. Elsmie, X.O. H.O. Dwight, Hamilton Charles, Hansard, O. Heyfelderin, C.M. MacGregor, H. Maxwell, A.D. Mordtmann, A. Vambery, Valentine Chirol, Pottinger Henry, F.H. Skrine, Schuyler Eugene, J.P. Ferrier, T.N. Waterfield, G. Forster¹.

Во вторую группу вошли зарубежные исследователи первой половины XX века, который было началом идеологических противостояний. Западные исследователи (как и советские исследователи), которые по большому счету старались навредить репутации новосозданной государственности в форме Советов путем историописания. Такая же картина происходила и в советской историописании, ярким тому примером можно видеть в становлении новой «покровской» исторической науки. Или же на тот момент такая форма исторического изложения с позиции советских исследователей назывался

¹A. de La Jonquiere, *Histoire de l'Empire ottoman* (2d ed.; Paris, 1914), II, 178; W. S. Blunt, *Future of Islam* (London, 1882), pp. 79-81; Butler W. F., *Life of Sir George Pomeroy-Colley* (London, 1899), pp. 180-83; Ashley E. *Life of Henry John Temple, Viscount Palmerstone*, London, 1876, II, 128-129; Connolly A., *Journey to the North of India*, revised London, 1838, Volume II, 327-9, 339, 349-53; №.8 of November 25, 1831, P/364. G. de Lacy Evans and Lord Ellenborough's important dispatch of January 12, 1830; Curzon G. N. *Russia in Central Asia in 1889*, London, 1889, pp. 316; Enikeev S. 1898: "Neskol'ko slov o narodnykh sudakh [Some Words on People's Tribunals]," *Turkestanские ведомости*, n° 86, 15 November, pp. 721-723; Eckardt J. T. "Pan- islamismus," *Deutsche Rundschau*, XCVIII (1899), pp. 61-63; Even Kaye, 'the paramount importance of Herat, as the "gate of India', *Edinburgh Review*, 1857, CV, p. 284; Elphinstone M. *An Account of the Kingdom of Caubul*, London, 1815, p. 205; Elsmie G. R. *Epitome of Correspondence regarding our relations with-Afghanistan and Herat*, Govt. Press Lahore, 1863, pp. 27-32; H. O. Dwight, *Turkish life in war time* (New York, 1881), pp. 53-54; Hamilton Charles, 1791: *The Hedaya, or Guide; Commentary on the Mussulman Laws: translated by order of the Governor-General and Council of Bengal by Charles Hamilton*, London: Bensley; Hansard, *Parliamentary debates* (3d ser.), CCXXXIV (London, 1877), pp. 156-166; Derby to Loftus, June 13, 1877, "Correspondence respecting Central Asia," P.P., 1878-79, LXXVI, C. 2164, pp. 111-13; Heyfelderin O. Hoetsch, "Russisch Turkestan," *Schmollers Jahrbuch* 38, tio. 3 (1913): 344-345; Maxwell H. The Honourable Sir Charles Murray KCB, London, 1898. C.37, 57, 79, 85; Mordtmann A.D. *Stamboul und das moderne Tiirkenthum* (Leipzig, 1878), pp. 129-30; Vambery A. *The Life and Adventures of Arminius Vambery* (London, 1914), p. 308; *Central Asia: Part 2, Afghanistan*, Calcutta, 1871, pp. 341-71; Vambery A. "Pan- Islamism, Nineteenth century, LX (1906), 547-49; Valentine Chirol, "Pan-Islamism," *Proceedings of the Central Asian Society*, Nov. 14, 1906, p. 6; Pottinger Henry, *Travels in Beloochistan and Sinde*, London, 1816 /<https://lib.ugent.be/catalog/ggc01:398799334>; Skrine F. H. and E. D. Ross, *The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan*, London, 1901, pp. 248-9; Schuyler Eugene, 1876: *Turkistan. Notes on a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja*, London: Sampson & Lowe, 2 vols; Ferrier J. P. Who visited Herat in 1845 in his *History of the Afghans*, p. 258 and his *Caravan Journeys and Wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan, and Beloochistan*, London, 1856, p. 173; Waterfield T. N. September 15, 1853, L/PS/3/39, 205 and 209; FO to IO, September 12; Forster G. *A Journey from Bengal to England*, Volume II, London, 1798, p. 120.

«буржуазная история». С другой стороны, для молодой государственности важно было создать собственную историю в отличие от «темного» и «имперского» прошлого, «новую» и «яркую» историю. В этот период внесли свою лепту в изучении имперской окраины, то есть Средней Азии следующие исследователи: P.P. Dodwell, J.H. Gleason, Hans Kohn, Harry B. Yosef, Habberton William, Ludwig Raschdau, Lothrop Stoddard, D.E. Lee, Wallace D. Mackenzie и C.K. Webster¹.

В третью группу вошли исследователи второй половины XX века, то есть после окончания Второй мировой войны с победой СССР, на Западе больше стали интересоваться Востоком, а именно в советском пространстве появился новый горизонт западной советологии. Как известно в мировой научной практике, побежденная идеология всегда старается копаться в истории, с целью понять глубину своих упущений или новых происков. С другой стороны, появление новой дилеммы на западном исследовании, так называемое «эдвардского ориентализма», который и положил новую интерпретацию западной ориенталистике. Надо отметить, что на фоне так называемого в прошлом «холодной войны» в изучении советского пространства были вовлечены не только сугубо историки, но и другие направления социально-гуманитарных наук. Важно отметить, что исследователи этого периода тщательно стали исследовать именно имперский характер Российской и советской истории. В эту группу вошли: G. J. Alder, M.K. Anderson, Mark Bassin, Elizabeth Bacon, R.A. Berkeley, S. Becker, R. Daniel Brower and J. Edward, Burbank Jane and David L. Ransell, Marco Buttino, Caro Olaf, Demko George, S.A. Dudoignon and F. Georgeon, Andrea Graziosi, Geoffrey

¹Dodwell II. "Central Asia, 1858-1918," Cambridge history of India, Vol. VI (1932), chap, XXIII; Gleason J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain, Harvard, 1950, Chapters 5-7; Hans Kohn, History of nationalism in the East (New York, 1929), chap, III; Harry B. Yosef. The Journal of Negro History Vol. 26, No. 1 (Jan., 1941), pp. 78-107 (30 pages); Habberton William. Anglo-Russian relations concerning Afghanistan, 1837-1907 ("Illinois studies in the social sciences," Vol. XXI, No. 4) (Urbana, 1937); Ludwig Raschdau, Ein sinkendes Reich (Berlin, 1934), pp. 64-65; Deutsche All- gemeine Zeitung (Leipzig), June 21, 1877, p. 1127; "Lettres de Turquie," Univers (Paris), June 11, 1877, p. 2; Lothrop Stoddard, New world of Islam, (New York, 1921), pp. 45-89; Lee D.E. Great Britain and the Cyprus Convention policy of 1878 (Cambridge, Mass., 1934), pp. 49-50; Mackenzie Wallace D. The Times Book of Russia (London, 1916), p. 13; Webster C.K. 'Urquhart, Ponsonby, and Palmerston', English Historical Review, I. (1947), pp. 327-51.

Wheeler, Gero Fedtke, Haim Gerber, B. Hallaq Wael, Mary Holdsworth, J.C. Hurewitz, Geoffrey Hosking, F. Kazemzadeh, W.E. Mosse, Adeb Khalid, Kugelgen A., M. Kemper and A. J. Frank, Jacob Landau, C.J. Lowe, George Makdisi, David MacKenzie, Messick Brinckley, Mehmet Saray, R. Peirce, S. Pushkarev, Catherine Poujol, Symons and L.C. White, G. H. N. Seton-Watson, John W. Slocum, S. Thompstone, A.J. Toynbee, Tucker Judith, Togan Zeki Velidi, Young Crawford, Young Louise, M.E. Yapp, D. Yaroshevsky, Francis Watters, Wheeler Geoffrey, M.H. Jenks, J. Whitman¹.

Исследование имперского периода продолжается с огромным энтузиазмом и по сей день. Поскольку эпоха центральноазиатской независимости дала новую возможность историкам работать за рубежом более широким размахом в недоступных и закрытых для иностранцев архивах, и библиотеках, где хранится огромный пласт первоисточников и литератур по

¹Alder G.J. *The Key to India? Britain and the Herat Problem 1830-1863 - Part 1*. Middle Eastern Studies Vol. 10, No. 2 (May, 1974), pp. 186-209 (24 pages) Published By: Taylor & Francis, Ltd; Anderson M. K. 1993: "Islamic Law and Colonial Encounter in British India", in J. CONNERS and Ch. MILLAT (eds.), *Islamic Family Law*, with a foreword of A. Allott, London: Graham & Trotman, pp. 205-223; Bacon Elizabeth, *Central Asians Under Russian Rule: A Study in Culture Change* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1980), 31, 38; Berkeley R.A. *Sentral Asia, 1867-1917*, 1960, pp. 17-18; Becker S. *Protectorates of Russia in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865-1924* (Cambridge, Massachusetts, 1968), pp. 11-13; Brower Daniel R. and Edward J. LAZZERINI (eds.), 1997: *Russia's Orient: Imperial borderlands and peoples, 1700-1917*, Bloomington: Indiana University Press; Burbank Jane and David L. Ransell (eds.), 1998: *Imperial Russia: new histories for the Empire*, Bloomington: Indiana University Press; Buttino Marco, 1991: "Turkestan 1917, la revolution des Russes," *Cahiers du monde russe et sovietique*, vol. 32, pp. 61-77. 2003: *La Rivoluzione capovolta: L'Asia centrale tra il crollo dell'impero Zarista e la formazione dell'URSS*, Naples: L'Anora del Mediterraneo; Caro Olaf, *Soviet Empire: The Turks of Central Asia and Stalinism* (London, 1967), pp. 5-6; Demko George, *The Russian Colonization of Kazakhstan, 1896—1916* (Bloomington: Indiana University Press, 1969); Dudoignon S.A. and Georcion F. 'Le Reformisme Musulman en Asie Centrale. Du "premier renouveau" a la Sovietisation 1788-1937', *Cahiers du Monde Russe*, 37, 1996, 1-2; Graziosi Andrea, 1999: "The New Soviet Archival Sources. Hypotheses for a Critical Assessment", *Cahiers du Monde Russe*, vol. 40, n° 1-2, pp. 13-63; Geoffrey Wheeler, *The Soviet Central Asia* (London, 1964), pp. 48-52; *Guerre d'Orient [Paris, 1877-78]*, I, 319-23); Gero Fedtke, 'Jadids, Young Bukharans, Communists and the Bukharan Revolution: From an Ideological Debate in the Early Soviet Union', in Von Kugelgen et al. (eds), *Muslim Culture in Russia and Central Asia. Vol. 2: Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations*, Berlin, 1998, pp. 483-512; Haim Gerber. 1999: *Islamic Law and Culture 1600-1840*, Leiden: Brill; Hallaq Wael B., [1994]: "From Fatwas to Furu': Growth and Change in Islamic Substantive Law", *Islamic Law and Society*, 53/1, pp. 29-65; Holdsworth Mary. *Turkestan in the Nineteenth Century* (London: Central Asian Research Center, 1959), 21-22; Hurewitz J.C. *Diplomacy in the Near and Middle East*, New York, 1956, p. 96. *The Anglo-Persian treaty of 1814*, p. 86; Hosking Geoffrey, 1997: *Russia: people and empire, 1552-1917*, London; Kazemzadeh F. *Russia and Great Britain in Persia, 1864-1914*, New Haven, 1968, p. 15; Mosse W.E. *Alexander II and the Modernization of Russia*. New York: The Macmillan Company, 1958. 191 pp; Khalid Adeb, 1996: "Tashkent 1917: Muslim Politics in Revolutionary Turkestan," *Slavic Review*, vol. 55, pp. 270-296. 1998: *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley: University of California Press; Kugelgen A., M. Kemper and A. J. Frank (eds.), *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries*, vol. 2, Berlin: Klaus Schwarz Verlag, pp. 354-384; Landau Jacob, 1990: *The politics of pan-Islam: ideology and organization*, Oxford: Clarendon Press; Lowe C. J. *The Reluctant Imperialists* (New York, 1967), p. 306; Makdisi George, 1981: *The Rise of Colleges. Institutions of learning in Islam and the West*, Edinburgh: Edinburgh University Press; MacKenzie David. "Kaufman of Turkestan: An Assessment of His Administration, 1867-1881, *Slavic Review* 26, no. 2 (1967):267-68, 271; Messick Brinckley, 1993: *The Calligraphic State: Textual Domination and History in a*

Центральной Азии.

К четвёртой группе относятся труды следующих исследователей: Ben-Ghiat Ruth and Mia Fuller, Beckert Sven, Brower Daniel R., Brower Daniel, Brower Daniel, Crews Robert, Crews Robert D, Dudden Alexis, Dudoingnon Stephane D, Eschment B. and H. Harder, Erkinov Aftandil, Gladwin Transl, Gerasi Robert, Hablemit oglu Necip and Timur Kosa oglu, Kappeler Andreas, Kemper Michael, Martin Virginia, Morrison Alexander, Mostashari Firouzeh, Virginia Martin, Miller Alexei and Alfred J. RIEBER, Naganawa Norihiro, Powers David, Palumbo Patrizia, Sahadeo Jeff, Sartori Paolo, Scott Alan Kugle, Frank Allen J., Scott Levi¹.

Выдвигаемая нами проблема пристально исследовалась и советскими учеными, поскольку именно в этот период была заложена та советская основа и видение по вопросу англо-русского соперничества в Средней Азии. Но надо

¹Ben-Ghiat Ruth and Mia Fuller (eds.), 2005: *Italian colonialism*, New York: Palgrave Macmillan; Beckert Sven, 2004. *Emancipation and empire: Reconstructing in worldwide web of cotton production in the age of the American Civil War*. *American Historical Review* 109(5): 1405-1438. Wood to Dalhousie, December 24, 1853, *Eur. Mss. F.78 LB IV*, 32; Brower Daniel R., 2003: *Turkestan and the fate of the Russian Empire*, London: Routledge Curzon; Brower Daniel, *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*, London, 2003, pp. 9-14; Crews Robert, 2004: "Islamic Law, Imperial Order: Muslims, Jews, and the Russian State," *Ab Imperio*, n° 3, pp. 467-490. 2006: *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press; Crews Robert, 2004: "Islamic Law, Imperial Order: Muslims, Jews, and the Russian State," *Ab Imperio*, n° 3, pp. 467-490. 2006: *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press; Dudden Alexis, 2005: *Japan's colonization of Korea: discourse and power*, Honolulu: University of Hawai'i Press; Eschment B. and H. Harder. 2004: *Cross-Cultural Perceptions in Central Asia and the Caucasus, Bengal, and Related Areas*, Wtirzburg: Ergon, pp. 75-90; Erkinov Aftandil, 2004: *Praying for and Against the Tsar. Prayers and Sermons in Russian-Dominated Khiva and Tsarist Turkestan*, (Anor; 16), Berlin: Klaus Schwarz Verlag; Gladwin Transl. F. Ayeen Akbery: *Volume 2: Or, The Institutes of the Emperor Akber* (Cambridge Library Collection - South Asian History) Paperback – Import, 2 January 2014. p. 201; Gerasi Robert, 2001: *Window on the East: national and imperial identities in late Tsarist Russia*, Ithaca, NY: Cornell University Press; Hablemit oglu Necip and Timur Kosa oglu. 2001: "Behbudi'nin Ttirakistan Medeni Muhtariyeti Layihasi," in Timur Kosa oglu (ed.), *Turkistan'da Yenilik Hareketleri ve Ihtilaller, 1900-1924: Osman Hoca Anisina Incelemeler*, Haarlem: SOTA, pp. 436-466; Kappeler Andreas, 2001: *The Russian empire: a multiethnic history*, London: Pearson; Kemper Michael, 2007: "Adat Against Shari'a: Russian Approaches towards Krausse A. S. *Russia in Asia: A Record and a Study, 1588-1899*, London, 1899, pp. 134-135; Martin Virginia, 2001: *Law and Custom in the Steppe. The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century*, Surrey Eng.: Curzon; Morrison Alexander, 2005: *Russian Rule in Samarkand, 1868-1910: A Comparison with British India*, doctoral thesis, Oxford University; Mostashari Firouzeh, 2006: *On the Religious Frontier. Tsarist Russia and Islam in the Caucasus*, London, New York: Tauris; Virginia Martin, *Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century*, London, 2001; Miller Alexei and Alfred J. RIEBER, 2004: *Imperial Rule*, Budapest: Central European University Press; Naganawa Norihiro, 2006: "Molding the Muslim Community through the Tsarist Administration: Mahalla under the Jurisdiction of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly after 1905", *Acta Slavica Iaponica*, 23, pp. 101-123; Powers David S., 2002: *Law, Society, and Culture in the Maghrib, 1300-1500*, Cambridge: Cambridge University Press; Palumbo Patrizia, 2003: *A place in the sun: Africa in Italian colonial culture from post-unification to the present*, Berkeley: University of California Press; Sahadeo Jeff, 2007: *Russian colonial society in Tashkent, 1865-1923*, Blooming- ton: Indiana University Press; Sartori Paolo, 2006: "Tashkent 1918: giurisperiti musulmani e autorita sovietii- che contro 'i predicatori del bazar'", *Annali di Ca 'Foscari, Serie Orientale* 37, vol. XLV, n° 3, pp. 113-139. 2008a; Scott Alan Kugle, "Framed, Blamed and Renamed: The Recasting of Islamic Jurisprudence in Colonial South Asia", in *Modern Asian Studies*, 35, 2001, pp. 257-315; Frank Allen J., 2001: *Muslim Religious Institutions in Imperial Russia. The Islamic World of the Novouzensk District & the Kazakh Inner Horde, 1780-1910*, Leiden: Brill; Scott Levi. *The Bukharan Crisis: A Connected History of 18th-Century Central Asia* (University of Pittsburgh Press, 2020); *The Rise and Fall of Khoqand, 1709-1876: Central Asia in the Global Age* (University of Pittsburgh Press, 2017).

отметить, что в советский период накоплено немало трудов и они имеют общий характер в том плане, что исследователи как колониального периода, так и периода англо-русского соперничества придерживались только классово-идеологическую позицию. Также хотим отметить, что нами использованы те труды, которые мы сочли нужным. К этой группе можно отнести следующие работы: Г. Сафарова, А.Е. Снесарева, Е.Л.Штейнберга, Х. Назарова, Г.А.Хидоятова, Н.А. Халфина, А.А. Аминовой, С.З.Мартirosова М.И. Вексельмана, М.П. Вяткина, П.Г. Галузо, Е.Н. Комарова, Н.И. Конрада, М.К. Рожковой¹.

В изучении исторического аспекта англо-русского соперничества сделаны очень много трудов и таджикскими учеными. Несмотря на существовавшее идеологическое табу, отечественные историки внесли неоценимую лепту. Да, конечно, в отечественной историографии как в советский, так и в постсоветский период исследован самый широкий аспект истории XIX – начала XX вв., но мы выборочно остановились на тех трудах, которые непосредственно относятся к нашему исследованию, например, труды Б.И. Искандарова, О.Б. Бокиева, Т.Г. Тухтаметова, Н. Касымова, Х. Пирумшоева, Р.М. Масова, В.В. Дубовицкого, Р.И. Хамдамовой, М.К. Джамаловой, М.М. Алимшоева, И.А. Мамадалиева и т.д.²

¹Сафаров.Г. Колониальная революция: (Опыт Туркестана). М.: Государственное издательство. 1921. 148 с.; Снесарев А.Е. Афганистан. – М., 1921.; Штейнберг Е. Л. История британской агрессии на Среднем Востоке. – М., 1951; Назаров Х. Взаимоотношения между Бухарой и Афганистаном (от середины XVIII в. до начала XX в.) (на таджикском языке). Душанбе, 1963. – 180 с.; Хидоятов Г.А Из истории англо-русских отношений в средней Азии в конце XIX века. –Ташкент, 1969.; Халфин, Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60-е 90-е гг. XIX в.) /Н.А. Халфин. М.: Наука. 1965. 468 с.; Халфин, Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке. (70-е годы XIX века) /Н.А. Халфин. – Ташкент: Издательство Среднеазиатского государственного университета, 1957. 251 с.; Аминова, А.А. Экономическое развитие Средней Азии. Ташкент: Госиздат Уз.ССР. 1959. 298 с.; Мартirosов С.З. Англо-русские противоречия в Средней Азии в дореволюционной и советской исторической литературе. – Ашхабад, 1962; Вексельман, М.И. Российский монополистический и иностранный капитал в Средне Азии (конец XIX-начало XX вв.) /М.И. Вексельман. Ташкент: Фан. 1987. 143 с.; Вяткин, М.П. Монополистический капитал в Средней Азии /М.П. Вяткин. Фрунзе: Изд. АН Кирг. ССР. 1962. 161 с.; Галузо, П. Г. Туркестан - колония: очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года [Туркестан, колония: история Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года], Москва: Издание Коммунистического университета трудящихся востока. 1929. 162 с.; Комаров, Е.Н. В России и Индии: из воспоминаний и наблюдений в Болонье. Москва. 1998. 192 с.; Конрад, Н.И. Запад и Восток: Статьи. М.: Наука, 1966. 520 с.; (2-е изд.) М.: Наука. 1972. 496 с.; Рожкова, М.К. Экономические связи России со Средней Азией (40-е гг. XIX в.) /М.К. Рожкова. М.: Изд. АН СССР. 1963. 237 с.

²Искандаров Б.И. Англо-русское разграничение 1872-1873 гг. //Вопросы истории Таджикистана. - Сталинабад, 1961. - С. 84-103; Восточная Бухара и Памир во 2 пол. XIX в. Ч. 1-2. - Душанбе, 1962-63; Из

Надо отметить, что имеются и диссертационные работы, которые близки к нашей теме, это связано с тем, что каждый исследователь описывая той или иной аспект колониального периода по неволе соприкасается выдвигаемой нами проблемой, соответственно они попутно отражают интересующие нас аспекты, к таким относятся работы О.А. Егоренко, И.А. Мамадалиева, Н.В. Терентьевой, В.В. Соколова, С.М. Шукуровой, М.Х. Пирумшоева, Б.А. Алимджанова, А.В. Сальниковой, Д.В. Васильева и Д.А. Сапунова¹.

истории Бухарского эмирата (Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX в.). - М., 1958; Бокиев О.Б. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и горного Бадахшана к России. - Душанбе, 1994; Тухтаматов Т.Г. Антирусские происки иностранцев в Бухаре и на Памире. Политические течения в эмирате //Вопросы истории Таджикистана. - Сталинабад, 1961. - С. 140-178; Международное положение Бухарского эмирата в конце XIX - нач. XX вв. //Ученые записки Ташкентского Гос. Пед. Ин-та. Вып. 4. Исторический. - Ташкент, 1957. - С. 329-350.; Касымов Н. Прогрессивное значение образование русских частей в городах Ходжента и Ура-Тюбе //Материалы по истории городов Таджикистана. – Душанбе, 1975; Пирумшоев Х. Российско-среднеазиатские отношения XVI - середины XIX веков в русской историографии. Душанбе: Маориф, 2000. –С. 335; Масов Р. М. Роль России в исторических судьбах таджикского народа и его национально -государственном строительстве //Мероси Ниёгон,- 2001 - № 5. С.8 - 14.; Пирумшоев Х., Маликов М. Россия – Таджикистан: История взаимоотношений. – Душанбе: РТСУ, 2009. – С.365-366.; Дубовицкий, В.В. Усмотрения корпусных командиров (или о мотивах и характере присоединения Средней Азии к России) /В.В. Дубовицкий. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.cac.org/datarus/dubovicki.shtml>; Хамдамова Р.И. Значение присоединения Средней Азии к России и его влияние на развитие культуры и просвещение таджикского народа. – Душанбе, 1987.; Джамалова М.К. Завоевание северного Таджикистана царской Россией: Дис... канд. ист. наук. – Душанбе, 1990; Алимшоев М.М. История взаимоотношений Российской пограничной службы на Памире с местным населением в конце XIX – начале XX вв.: Дисс... канд. ист. наук. – Душанбе 2003; Мамадалиев, И.А. России и Средней Азии: особенности колониально-административного управления (вторая половина XIX – XX вв.). Худжанд: Ношир. 2013. 406 с.

¹Егоренко, О.А. Бухарский эмират в период протектората России (1868-1920 гг.). Историография проблемы: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09/ О.А. Егоренко. – Москва, 2008. – 31 с.; Мамадалиев И.А. Присоединение Средней Азии к России и особенности ее административного управления: вторая половина XIX - начало XX вв.: Автореф. дис. ... док. ист. наук: 07.00.02/ И.А.Мамадалиев. – Душанбе, 2013. – 404 с.; Терентьева, Н.В. Советская историография англо-русского соперничества в Средней Азии в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09/ Н.В.Терентьева. – Нижневартовск, 2003. – 171 с.; Соколов, В.В. Туркестанский край в составе Российской империи, вторая половина XIX в. - февраль 1917 г.: Проблемы социально-экономического и общественно-политического развития: дис. ... канд. док. наук: 07.00.02/ В.В.Соколов. – Москва, 2002. – 526 с.; Шукурова, С.М. Освещение административно-политического устройства дореволюционного Таджикистана в трудах русских исследователей, конец XVIII - начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ С.М.Шукурова. – Душанбе, 1998. – 149 с.; Пирумшоев М.Х. Памир в русской историографии второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09/ М.Х.Пирумшоев. – Душанбе, 2011. – 218 с.; Алимджанов, Б.А. Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве: вторая половина XXI - начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03/ Б.А. Алимджанов. – СПб, 2016. – 376 с.; Сальникова, А.В. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в последней трети XIX - начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03/ А.В.Сальникова. – Иваново, 2009. – 24 с.; Васильев, Д.В. Становление и развитие системы управления Туркестанского края, 1865-1886 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Д.В.Васильев. – Москва, 1999. – 286 с.; Сапунов, Д.А. Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России: 40-90-е гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Д.А.Сапунов. – Челябинск, 2001. – 259 с.

Проблема англо-русского соперничества частично затрагивается также в трудах Э. Ходжибекова,¹ А. Ёрова,² А. Валиева³ и др. Данные авторы затрагивают англо-русские проблемы где пересекается с их темой исследования.

Отдельно следует отметить, труды отечественных исследователей, в которых отражается военно-политическая, социальная положения Афганистана, так или иначе затрагивающие темы нашего исследования. Например: Х.С. Саидова, Л. Темирхонова, К. Искандарова, Р.Ш. Нуриддинова⁴ и др.

Цели и задачи исследования. Главной целью настоящей работы является комплексное историко-правовое исследование эволюционного процесса геополитических притязаний в контексте «Большой игры» мировых держав в Центральной Азии. Русско-афганское разграничение – как своеобразная форма англо-русской борьбы за Средний Восток, не нашло еще достаточного отражения в исторической литературе, что и побудило автора избрать исследовательской темой и поставить перед собой задачу осветить некоторые стороны русско-афганского разграничения, как последствия английского соперничества и английской колониальной политики в Средней Азии в XIX веке.

Заключительный акт исследования достигается только путем обобщения необходимых исторических фактов, которые извлекаются из западных, российских (дореволюционных) и архивных источников, дающие основание для научных выводов по широкому спектру аспектов научного

¹Ходжибеков Э. Исмаилитские духовные наставники (пиры) и их роль в общественно-политической и культурной жизни Шугнана: Вторая половина XIX - 30-е годы XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. – Душанбе, 2002 – 167 с.

²Ёров А.Ш. Бухарский эмират на мировом рынке: Вторая половина XIX - начало XX столетия: дис. ...канд. истор. наук. – Душанбе, 2005. – 153 с.

³Валиев А. Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Душанбе: РТСУ, 2013. – 229 с.

⁴ Саидов Х.С. Афганистан в поисках путей национально-государственного развития - М.: РАГС, 2009. – 440 с; Темирханов Л. Восточные пуштуны в Новое время (этно-социальная характеристика) / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М.: Наука, 1984. - 88 с.; Искандаров К. Афганистан в период правительства национального единства. Политические процессы и проблемы безопасности. - Душанбе: Дониш, 2021. - 352 с.; Нуриддинов Р.Ш. Место и роль России в формировании новой геополитической системы международных отношений в странах Среднего Востока/ Р.Ш. Нуриддинов. — Новосибирск, 2009. — 170 с.

исследования с учетом применения различных теоретических подходов.

Поэтому настоящая работа ставит перед собой цель анализировать труды западных и русских исследователей, официальных и неофициальных документов (отчеты и исследования, основанные на результаты личных наблюдений послов, членов посольств, участников различных научных изысканий, экспедиций, путешествий, военных походов), отражающие основные принципы и направления английского проникновения в Среднюю Азию посредством Афганистана, англо-русское военно-политическое и экономическое соперничество в центрально-азиатской геополитике, характер имперских управлений.

Для выполнения нашего диссертационного исследования мы поставили перед собой следующие **задачи**:

- рассмотреть главные векторы англо-русского геополитического противоречия по центрально-азиатскому вопросу;
- осветить деятельность агентурных сетей;
- рассмотреть экономический фактор англо-русского противоречия;
- определение идейных основ англо-русских колониальных притязаний в контексте «Большой игры» в Средней Азии;
- выявление особенностей колониального управления Англии и России;
- провести двухмерное сопоставление имперского подхода.

Для достижения поставленной нами цели, предусмотрен также следующий инструментарий:

- максимально собрать фактический материал, имеющийся главным образом в западной историографии по английским проискаам в Средней Азии;
- провести анализ о главных векторах политической борьбы Великобритании, как исторический феномен во всех ее отношениях в условиях цивилизационной несовместимости;
- охарактеризовать основные контуры возникновения

соперничества двух сверхдержав (Англия и Россия);

- анализировать характерные особенности имперского колониального управления.

Источниковедческая база работы является весьма обширной и многообразной. Не менее ценными источниками являются различные по содержанию и уровню официальные документы, исходящие от правительств Великобритании и России по центрально-азиатскому вопросу, Министерства иностранных и внутренних дел и от военного министерства. Также предписания, инструкции, указания и исполнителей более высокого, среднего и нижнего по рангу – соответствующие поручения, приказы и уведомления, рапорты, донесения, отчеты и прочие.

В **первую группу** вошли, главным образом, архивные материалы Центрального Государственного исторического архива¹, материалы Государственного архива Российской Федерации² и материалы Центрального государственного архива Республики Узбекистан³.

Во **вторую группу** мы включили выборочные номера журналов, изданные в разные периоды, но в них содержатся весьма интересные рассудительные, позиционные, фактологические и цифровые данные. Естественно, возникнет логический вопрос – почему выборочный? Ответ очевиден – из-за большого массива материалов мы не были в силе включить все номера многочисленных журналов, в которых имелись сопутствующие материалы⁴.

¹ЦГИА, фонд 1396, опись 1, д. 437, д. 362, фонд 811, опись 1, д. 27.

²ГАРФ, фонд 954 (К. П. фон Кауфман), индекс 1, файл 112, фонд 102, Департамент полиции МВД, Особый отдел, фонд 1369, оп. 1, д. 264.

³ЦГА РУз., фонд - И-1, опись 1, дело. 63.

⁴Great Britain. Parliament, 1873: "Central Asia, No. 2; Correspondence Respecting Central Asia", London: HMSO. Great Britain, foreign office, Mohammedan history ("Peace handbooks," Vol. X, No. 57) (London, 1920); Baring Bros, Company Archives, Bishopsgate, London Credit Registers; Hunter J.B. A History of J & P Coats: A Study in Economic Development and Organization (Unpublished Company History, Glasgow, n.d.); Historical Journal, "The 'garbled' Blue Books of 1839 - myth or reality?" 1972, XV; Kleinwort A. & Co. Papers, Guildhall Library, London, Customer Reference Books; Russian-British relations in the Eighties, Slavic Review 3, №.7 (June 1924); Review, January 1857; Reports of international arbitral awards refuel des sentences arbitrates. Aitcheson Treaties, Volume XI; Journal of Modern History, VIII (1936); Journal of Asian History, 1972, VI; Baring Brothers, Company Archives, Bishopsgate, London Credit Registers.

В **третью группу** вошли материалы дореволюционной периодической печати и журналы, такие как «Исторические записки», «Исторический вестник», «Вопросы истории», «Туркестанский сборник», «Туркестанские ведомости» и «Голос». Во избежание однобокости наших суждений также были использованы дореволюционные источники: политиков, дипломатов, военных и исследователей. Эти материалы дали нам возможность более четко видеть историческую картину в полноте, хотя в постсоветском пространстве имеется бескрайний, весьма солидный научный, научно-популярный багаж, но мы ограничились только теми источниками и литературами, которых мы сочли важными и нужными для нашего исследования.

Научная новизна исследования состоит в постановке и разработке широкого круга проблем, которые ранее не становились предметом специального исследования. Новизна данного исследования состоит в том, что в нем впервые:

- рассматривается история англо-русского соперничества в Средней Азии в фокусе западных исследователей;
- вырабатываются концептуальные основы западных исследователей по англо-русским противоречиям в Средней Азии;
- делается попытка синхронизировать факто логический материал двух противоположных научных подходов с историческими событиями;
- делается попытка определить имперские подходы к колониальным владениям;
- делается переоценка экономического потенциала и экономической целесообразности на базе западных материалов;
- проведен критический подход анализирования и сопоставления сведений источников, с целью получения более достоверной информации о политической, экономической, социальной и культурной последствиях в период колониального управления.

Вышеназванные направления научного поиска предопределили основательное обновление исследовательской лаборатории исторического

знания и вывели его на новый уровень осмысления основных событий и процессов в жизни народов изучаемого периода.

Методологической основой исследования является подход к анализу имеющихся фактов на основе соблюдения принципа историзма. Использование принципа историзма позволяет рассматривать факты и исторические события в соответствии с конкретной исторической обстановкой в их диалектической взаимной связи и обусловленности. Системный подход к анализу явлений обязывает автора придерживаться максимально беспристрастного и объективного рассмотрения исторических событий. При характеристике любого излагаемого явления соблюдался порядок его последовательного рассмотрения с учетом особенностей природы его генезиса и развития под влиянием разнообразных внутренних и внешних факторов. При оценке анализируемых процессов также применялись (с известными оговорками) и цивилизационные критерии. Его следует воспринимать как особый стремящийся сохранить свое гомогенность, историко-социокультурный феномен, который со времени своего рождения в XIX в. стал важным фактором в мировой политике. В процессе исследования был сделан упор также на сравнительно-исторические и историко-теоретические методы, которые позволили наиболее максимально анализировать исторические события, происходившие в XIX веке.

В исследовании поставленных в диссертации проблем применялся исторический метод, который предполагает изучение исторических фактов и событий в причинно-следственной связи и последовательном развитии. Важным методом исследования являлся системно-структурный подход, базирующийся на том, что историческая реальность представляет собой совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих объектов, определенные целостные образования. Для анализа источников использовались общенаучные методы (обобщение, анализ, синтез); традиционные методы исторического исследования (описательный, компаративный, проблемно-хронологический).

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1810 по 1896 года, то есть с момента появления первого эмиссара в афганском Герате до завершения делимитации и демаркации на Памире, являвшийся заключительным актом англо-русского противостояния, или же данная хронология является периодом «Большой игры». В принципе, хронология является намного шире, поскольку один из главных моментов данного исследования включает геополитические противостояния, а данный аспект берет свое начало с 30-х годов XIX и заканчивается в 1907 году с оформлением «Антанты», где по неволе вражеские овраги превращаются на военно-политические мосты.

Объектом исследования являются противостояние и столкновение интересов между Великобританией и Россией по Центральной Азии – как объект целенаправленной большой или геополитической игры.

Предметом исследования являются проблемы противостояний, соперничества между Великобританией и Россией по центрально-азиатскому вопросу в XIX веке со всеми вытекающими отсюда последствиями, некоторые особенности имперских форм управления (сравнительная форма), экономический курс, характер колониальной политики, расширение как геозоны, так и акторов.

Основные положения, выносимые на защиту (основополагающие принципы):

- выявление главных векторов или контуров, которые стали факторами столкновения геополитических интересов мировых держав, главным образом Англии и России в среднеазиатском регионе;
- определение мотивации обострения геополитического противостояния по центрально-азиатскому вопросу с участием европейских и центрально-азиатских государств;
- определить буферную роль Российской империи в «Большой игре» в среднеазиатском вопросе;

- проследить общую картину англо-русского соперничества через призму западного историописания;
- выявить программный имперский подход к колониальному владению с учетом мирового видения имперской политики;
- определить главные мотивы усиления экономической политики Англии и России в Средней Азии;
- рассмотреть, явилось ли геополитическое противостояние Англии и России фактором обострения социально-политической нестабильности в Средней Азии.

Теоретическое значение диссертации заключается в том, что она представляет собой комплексное и всестороннее описание англо-русского соперничества в контексте «Большой игры». Соответственно, настоящая диссертация в теоретическом плане основывается на теорию фронта (фронтёр – граница, рубеж, пограничье, это политическая и географическая область вблизи или за пределами нечёткой границы различающегося населения. Фронтёр – это место встречи разных рас, различных религий, непохожих языков, противоположных образов жизни) и проследить как срабатывается данная теория в условиях Средней Азии при вмешательстве двух империй как Англия и Россия. Данные теоретические обоснования важны тем, что современные граничные вызовы как в пределах Туркестанского края, так и формирования афгано-русской границы берет свое начало с имперского периода, то есть Средняя Азия в составе Российской империи.

Или же к нашей теме можно применить – геополитические теории (географическая политика – концепция о контроле над территорией, о закономерностях распределения и перераспределения сфер влияния различных государств и межгосударственных объединений), которые раскрывают сущность выдвигаемой нами проблемы. Поскольку на постулатах геополитики в Центральной Азии сталкиваются интересы двух могущественных империй – России и Великобритании.

На основе анализа через призму вышеназванных теорий с учетом исторической реалии мы можем определить не только истоки формирования исторических границ, но и контуры современных границ, а также вся правда о конструкции имперских границ, которые в современных условиях становятся головной болью.

Практическая значимость работы заключается прежде всего в важнейших результатах, на основе апробированных материалов, рассмотрение в контексте междисциплинарной дисциплины, и временного и географического пространства. Поскольку в свете исторических свершений и процессы, происходящие в настоящее время, вполне вызывают академического интереса к истории. Практическая ценность многих исторических исследований часто состоит в тех уроках, которые извлекаются из событий и процессов истории и в опыте, которого приобретают в рамке имперской конструкции.

Широкий пласт материалов данной диссертации могут быть использованы при написании обобщающих трудов по всеобщей и отечественной истории нового периода, то есть имперского периода, при составлении учебников по отечественной и всеобщей истории для средних и высших учебных заведений и при составлении учебников и хрестоматий по международной и политической истории, а также истории дипломатии. А также можно широко использовать при подготовке лекционных курсов и спецкурсов.

Личный вклад соискателя заключается:

- в составлении библиографии западных исследователей и определении главных гипотетических основ западных исследований по вопросу англо-русского соперничества;
- в определении теоретических основ западного видения англо-русского подхода к Средней Азии;
- в изложении основных постулатов западной исторической науки по англо-русскому соперничеству;

- в апробации результатов проведенного исследования на различных конференциях и подготовке основных публикаций по отдельным вопросам выполненной работы.

Апробация исследования. Основные положения и результаты исследования были отражены в 5 статьях автора. Статьи опубликованы в рецензируемых научных журналах Высшей Аттестационной Комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации. Основные положения диссертации представлялись в виде докладов и выступлений на различных международных, республиканских и межвузовских конференциях и семинарах. Диссертация обсуждалась на расширенном заседании кафедры всеобщей истории факультета истории и права ГОУ «Худжандского государственного университета имени академика Бободжона Гафурова» (№5 от 29.12.2023 г.), а также на заседании кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Таджикского национального университета (№10 от 28.05.2024).

Структура, состав и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав с шестью параграфами, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА I. ИСТОКИ СТОЛКНОВЕНИЯ АНГЛО-РУССКОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

1.1. Начальный этап англо - русского соперничества в Средней Азии.

«Герат является, – писал Энгельс, – местом, которое в руках сильной державы может стать командным пунктом как над Ираном, так и над Туркестаном»¹. Учитывая это обстоятельство, правящие круги Англии стремились любой ценой обладать Гератом и закрепить свое влияние в этом районе. План захвата отдаленного города-крепости Герат обошелся Британии, прямо и косвенно, в две войны и в финансовом отношении более чем в 20 миллионов фунтов стерлингов. Однако, несмотря на все эти расходы и усилия, Британия не приблизилась к окончательному решению вопроса Герата.

Основные усилия России в Средней Азии были направлены на завоевания, на стремление овладеть рынками, которые имели престиж в англо-русском противостоянии. Это способствовало ускорению военной экспансии Российской империи в Средней Азии².

Безусловно, экономические факторы, такие как расширение российской торговли, получение дешевого сырья были весьма важны. Надо отметить, что военные планы имперской власти сыграли еще большую роль. География на самом деле благоприятствовала России, поскольку не было никаких серьезных препятствий для продвижения в Степной край вплоть до границы хребта Гиндукуш. Русские военные утверждали, что ограниченное расширение, которое сократит разрыв в его линиях, установит более короткую, более обороноспособную границу, защитит дружественных соплеменников от

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XI. Ч. I. С. 134.

²For Soviet and markets and Popov, "Iz istorii zavoevanii Srednei Azii", Istoricheskie zapiski, IX (1940), 1988; E. V. Bunakov "K istorii snoshenii Rossii s sredneaziatskimi xanstvami v XIX.", Sovetskoe vostokovedenie, II, 5 ff.; Aminov and Bobokhodzhaev, Ekonomicheskoe pozitsionirovaniye k Rossii (Tashk 580-81. The fuller Asia before the Srednei Azii 40 also emphasize the moves by England India," Istorichesk, Western account significant than to the problem is Foreign Policy, Pierce, Russian Schuyler, Turkist and Modern History of Mosse, Alexander chapter VII. See also R. A. Central Asia, 1867-1917 (Berkeley, 1960), pp. 17-18.

нападения и защитит торговые пути между Россией и Средней Азией. Самоуверенные генералы и местные губернаторы, которые использовали эти аргументы, стремились, как и их британские и французские коллеги, добиться личного продвижения и славы для себя и своей страны.

Между 1730 и 1850 годами Россия завоевала контроль над степью (имеется ввиду Степной край) к югу и востоку от Оренбурга. В 1850-х годах русские медленно продвигались на юго-восток вверх по реке Сырдарья, основав ряд фортов, и на юго-запад от Сибири. В 1854 году российское правительство решило, что в конечном итоге разрыв в несколько сотен миль в его степной обороне должен быть закрыт, но Крымская война задержала этот проект. К 1863 году казалось, что небольшие русские силы с превосходящим вооружением и лидерством добился впечатляющих успехов с минимальными затратами, не вызывая больше, чем обычные протесты со стороны других держав. Таким образом, с таким темпом русские могли приблизиться к горам Гиндукуша, откуда они могли угрожать Британской Индии.

Конечно, конфликты и кровопролитие не были новинкой в истории Герата. Древний город, с огромными укреплениями его массивной квадратной цитадели, все еще доминирующей над зеленой и плодородной долиной Хари-Руда, вероятно, сражался, осаждался, разрушался и перестраивался чаще, чем любой другой город в Азии. Его важность и его желательность основывались на ряде взаимосвязанных факторов. В стратегическом отношении Герат доминировал на самом легком подходе к Афганистану с запада по хорошо проторенной дороге между Мешхедом и Кандагаром¹.

Он также, вместе с Мешхедом и Мервом (Мары), защищал от вторжения с севера через единственную настоящую брешь в горах, которая охватывала Азию от Китая до Черного моря.

Коммерческое значение Герата, которое временами делало его крупнейшим торговым центром в Азии, проистекает из его положения в

¹Gladwin transl. F. Ayeen Akbery or the Institutes of the Emperor Akber, Calcutta, 1783-6, Volume II, p. 201-202.

центре караванных путей, идущих во всех направлениях, и из удивительного плодородия и богатства его речной долины, столь поразительного для любого, кто путешествует по бесплодным горам и пустыням, которые окружают его со всех сторон. Исторически Герат был спорным пограничным городом на древних границах между Ираном и Тураном, персами и афганцами, турками и узбеками, суннитами и шиитами. Поскольку среднеазиатские царства к северу и северо-востоку от него пришли в упадок после смерти Тимура, борьба за Герат с XVIII века все более определенно определялась как борьба между древним королевством Персия на западе и зарождающейся афганской монархией, непрочно спаянной гением Ахмад-шаха на востоке. Обе державы в разное время занимали и господствовали в Герате, и обе сохраняли нетронутыми свои древние притязания на него¹.

Неудивительно, что с 1798 года и до 1830-х годов первой почти инстинктивной реакцией Британии на угрозу вторжения была попытка укрепить доминирующее положение в Тегеране и создать в Персии барьер, столь необходимый на северо-западе. Афганистан, раздираемый почти непрерывной гражданской войной, был заброшен².

Таким же был и афганский город Герат. Конечно, до тех пор, пока Персия была (или казалась) эффективным барьером против соперников Франции или России. Стратегическая граница Великобритании в некотором смысле находилась к северу от Тегерана. Действительно, в 1808 году лорд Минто всерьез планировал встретить там наступающую французскую армию. В этой схеме Герат был просто важным фортом для любой армии на этом пути. Тем не менее довольно странно, что большинство британцев, которым удалось

¹It is based mainly on the following manuscript materials: at the India Office Library and Records, London the various series of correspondence in the Secret and Political Department (L/PS/), the papers of Sir Charles Wood (Eur. Mss. F. 78/) and Sir John Lawrence (Eur. Mss. F. 90/), the Home Miscellaneous series (H/) and the Political and Secret Proceedings and Consultations (P/); at the Public Record Office, London the Foreign Office correspondence to and from Persia (FO 60/) and the confidential print series (FO 539/), the private papers of Lord Granville (PRO 30/29/) and of Lord John Russell (PRO 30/22/); at the Scottish Record Office, Edinburgh the papers of Lord Dalhousie (GD 45/); at the Bodleian, Oxford the papers of Lord Clarendon (Mss. Clar. dep.); at Leeds Public Library the papers of Lord Canning (Can/); at Liverpool Record Office the papers of the 15th Earl of Derby (920/DER).

²Elphinstone M. An Account of the Kingdom of Caubul, London, 1815, p. 205.

проникнуть в Герат или написать о нем в это время, сделали это в удивительно случайных выражениях, которые, несомненно, озадачили бы тех из их преемников в 1830-х годах, которые утверждали, что нашли в его гигантских стенах ключ к Индии. Джордж Форстер, житель Бенгалии, совершивший необычное, хотя и разочаровывающе неинформативное путешествие по суше в 1783-1784 годах, на самом деле остался в Герате, но почему то, он вообще не упоминал о его массивных укреплениях и не сравнивал его по размерам с Кандагаром.

Хотя М. Эльфинстон, который не приблизился к Пешавару, однако он сумел написать книгу об Афганистане, которая оставалась стандартной работой, по крайней мере, до афганской войны, где описана «великолепие» долины Герат. Солдаты также не спешили признавать значение Герата. Первым из них, достигшим Герата в девятнадцатом веке, был капитан Кристи, который пробыл там почти месяц в 1810 году. Он восхищался размерами и процветающей торговлей города, и плодородием долины, но отвергал укрепления как «очень презренные»¹.

В течение следующих нескольких лет молодой и энергичный англичанин по имени Макдональд Киннейр исследовал как можно больше возможных путей вторжения в Индию, но плохое самочувствие и безапелляционный отзыв заставил его вернуться в Индию. Сам он никогда не добирался до Герата и использовал Форстера и Эльфинстоуна для получения информации о маршрутах в этом направлении. Хотя вывод его работы «О вторжении в Индию» состоял в том, что Россия, если она вообще попытается вторгнуться, несмотря на все трудности, сделает это через Персию (и, следовательно, Герат)².

Другой пилигрим Конолли в сентябре 1830 года проехал под великими западными воротами Герата – и родилась проблема Британии в Герате.

¹Macdonald J. Remarks on Lieut. Col. Evans' late work, March 1, 1830, no. 8 of July 9, 1830, P/358. John Malcolm, Bombay, 1830, pp. 33-67.

²Hurewitz J. C. Diplomacy in the Near and Middle East, i, New York, 1956, p. 96. The Anglo-Persian treaty of 1814 is *ibid.*, pp. 86-89.

Несмотря на вонь и антисанитарию, Конолли сразу понял значение Герата и его удивительно красивой долины. Он утверждал, что это было «место величайшей важности ... ключ к Афганистану, потому что его цитадель была неприступна для всех, кроме регулярных войск с надлежащим осадным поездом, а его долина была достаточно плодородной, чтобы содержать значительную армию» в течение многих лет. Кроме того, он подкрепил эту оценку некоторыми тревожными и, как оказалось, удивительно точными прогнозами того, как все может развиваться. Персия, утверждал он, теперь безвозвратно подпала под российское влияние, и это влияние было одновременно враждебным и агрессивным по отношению к Индии. Вскоре Персия с Россией, дергающей за ниточки, начнет новый, разработанный в первую очередь для того, чтобы вернуть Герат, древнюю столицу персидского Хорасана. Успех, по его мнению, был чрезвычайно вероятен из-за легкости дороги и вражды, отделявшей Герат, управляемый Саддозаем, от его соседей-баракзаев в Кандагаре и Кабуле¹. Конолли только намекнул на ужасы, которые могут последовать, но удивительно, как быстро его интерпретация была подхвачена в эпоху быстрорастущей русофобии и расширена до ее пределов.

Утверждалось, что Герат в руках персов может попасть под российское влияние и будет внедрен в Афганистан, который находится у самых ворот Индии сначала русским консулом, а затем российскими войсками. В любом случае, будь то интрига, вторжение или простая угроза, русские смогут поставить под угрозу всю основу британского могущества в северной Индии.

Книга Конолли появилась в 1834 году вместе с приложением, озаглавленным «Land invasion of India» («Сухопутное вторжение в Индию»), содержащим большинство панических взглядов на Герат, которые он

¹Journal of Modern History, VIII, 1936, 444 and the English Historical Review, LXII, 1947, 327 and M. H. Jenks, 'The Activities and Influence of David Urquhart', unpublished PhD thesis, London, 1964. The general growth of Russophobia in the 1830s is charted in J. H. Gleason, The Genesis of Russophobia in Great Britain, Harvard, 1950, Chapters 5-7.

сформировал в 1830 году. Все основные обзоры относились к работе серьезно, хотя в основном оставались прагматичными по поводу опасности вторжения¹.

Больше, чем кто-либо другой, Макнил превратил Гератский тезис Конолли 1830-х годов в почти неоспоримую публичную и официальную догму девять лет спустя. Но он и другие не смогли бы сделать этого, если бы события 1830-х годов не превратили предсказания Конолли в реальность².

В этот период Персия, казалось, становилась российской зоной, поскольку грозное российское посольство в Тегеране приступило к консолидации геополитических и коммерческих преимуществ, которые обеспечил Туркманчайский договор. Британские представители Джон Кэмпбелл, Макнил, Генри Эллис в свою очередь писали унылые письма, признавая несостоятельность британских позиций в Персии и подчеркивая этот момент, призывая к скорейшему созданию контрнаступления в Афганистане. Но еще хуже было то, что, как и предсказывал Конолли, почти в каждом сезоне кампании, начиная с 1832 года, появлялись тревожные признаки того, что Персия намеревалась приблизить свои границы и влияние к Индии, сделав ставку на ключевой афганский город Герат и интригуя с правителями Кабула и Кандагара против него. В ноябре 1837 года, при многих признаках явной и официальной поддержки России, большая персидская армия начала последнюю осаду Герата. Макнил, в свою очередь, пытался спасти город убеждением, угрозой и, наконец, посредничеством под самыми стенами осажденного города. И когда все они потерпели неудачу, он покинул страну, изложив в двух длинных публичных и частных письмах Пальмерстону свое взвешенное мнение о кризисе, с которым теперь столкнулась Британия в Азии. Это снова был Конолли, но уже не как «новое предположение», а как установленный факт. Он писал, - «Я не могу отделаться от убеждения, что, если мы не воспользуемся нынешней возможностью остановить продвижение

¹The London edition of 1836, pp. 124-127. Было переиздано в 1854 г.

²The London edition of 1836, FO 539/1,75-8.

Персии и закрыть перед ней дверь на стороне Афганистана, мы должны в ближайшее время подготовиться к встрече как с Персией, так и с Россией в этой стране ... ключом ко всему Афганистану на севере является Герат... Если Персии удастся взять Герат, в то время как Россия покорит Хиву и заставит Бухару подчиниться, я полагаю, что для нас было бы безнадежно пытаться сохранить опору в Афганистане или Персии ... короче говоря, Центральная Азия была бы потеряна для нас. Но если мы спасем Герат и обеспечим его безопасность, весь Афганистан будет в относительной безопасности за ним; и в этом случае, даже если Россия уменьшит Хиву, хотя это, несомненно, будет большим злом, мы все равно будем в сильной и очень прочной позиции)... Я могу заверить вашу светлость, что нет никаких препятствий, ни из-за физических особенностей страны, ни из-за нехватки припасов, для марша большой армии (я бы сказал, даже из ста тысяч человек) от границ Грузии до Кандагара или, как я полагаю, до Инда ... При таких обстоятельствах мне кажется, что было бы крайне рискованной политикой позволить Персии выступить в качестве пионера России и ... сломать главную оборону Афганистана и тем самым сделать эту страну для нас непригодной в тот момент, когда признается участие Персии и России в этих операциях. Герат, который осаждался персами, с 1817 года правил Саддозай-шах Камран, столь же враждебной братом Баракзаям в Кабуле и Кандагаре, как и самому персидскому шаху. Политика Окленда была направлена на то, чтобы одним ударом избавить Герат от обеих военных действий. Персия должна была быть вынуждена отказаться от своих амбиций путем диверсионных действий в Персидском заливе и прямых действий под стенами Герата, если это будет необходимо. Баракзаев в Кандагаре и Кабуле должен был заменить дяди Камрана, шах Шуджа, в надежде, что на него и на независимый Герат можно будет накинуть плащ британской защиты. На какое-то время гератское крыло этой политики, как это было в Кандагаре и Кабуле, блестяще преуспело, и персы сняли осаду в сентябре 1838 года. В течение короткого времени британцы были спасителями Герата, и британское влияние, по-видимому,

было там столь же велико, как и в других главных городах Афганистана. Инженерные офицеры посетили пострадавший город, чтобы дать советы по восстановлению и ремонту оборонительных сооружений, британское золото было влито, чтобы помочь в работе по восстановлению, и в августе 1839 года с Камраном был заключен договор¹, который дал Британии агента-резидента и контроль над внешней политикой Герата в обмен на наличные деньги и офицеров для обучения армии и ремонта оборонительных сооружений. Положение Британии в Герате зависело от благодарности Камрана, или, скорее, его могущественного визира Яр-Мухаммеда, и от постоянного потока рупий Компании. Ни один из товаров не был неисчерпаемым. Один британский агент за другим – Стоддарт, Элдред Поттинджер и д'Арси Тодд – безуспешно пытались стабилизировать ситуацию в Герате, и все они, в свою очередь, потерпели поражение от того, что они считали дьявольским предательством и интригой. В марте 1841 года д'Арси Тодд последовал за своими предшественниками и покинул город, настаивая на его насильственной аннексии владений шаха Шуджи дальше на восток, как единственная надежда сохранить там британское присутствие и спасти его от персидского влияния».²

Трудноразрешимость проблемы Герата и трудности любой попытки сохранить там британское влияние едва ли могли быть более красноречивыми, чем события последних двух лет. Правитель Камран, которого британцы послали в Афганистан, а затем в Персидский залив, чтобы спасти свое княжество от разрушения персидской армией, в течение нескольких месяцев отвергал британскую помощь, заявляя о своей верности все еще угрожающей Персии и угрожая маршем на восток, чтобы угрожать Шаху Шудже и британским позициям в Кандагаре. Кабинету вигов в Лондоне логика предложений Тодда казалась самоочевидной.

¹Secret] Committee] to Governor-] General], June 4, 1841, no. 746, L/PS/5/552. See also SC to GG, June 5, 1841, no. 750, *ibid.*; Palmerston to Hobhouse, June 1 and 3, 1841, Add. Mss. 46,915, 257 and 263; Hobhouse to Auckland, June 5, 1841, H/840, 130.

²Edinburgh Review, January 1857, CV, p. 285.

Герат не должен быть персидским. Поэтому он должен быть афганским. «Мы придерживаемся твердого мнения», – сказал Окленд своим хозяевам в июне 1841 года, – что «ничто, кроме оккупации Герата британским гарнизоном, не положит конец трудностям, в которые вы вовлечены в отношении этого государства», и были отданы приказы о его захвате и присоединении к остальной части Афганистана. К счастью, ничего не было сделано, так как в течение нескольких месяцев и Шах-Шуджа, и британская армия в Кабуле были уничтожены. Казалось, в мгновение ока все на поверхности стало таким, как будто афганской войны вообще не было. Обездоленный Дост Мухаммад вернулся в Кабул, а его сводный брат Кохундил-хан-в Кандагар. В Герате Саддозай Камран правил еще несколько месяцев, а затем в начале 1842 года его сменил Яр Мухаммад. Он дал Герату то, в чем он нуждался больше всего на свете, – десять лет мира и сильного правления. Англо-русские отношения в 1840-х годах были столь же сердечными, как и враждебными в предыдущем десятилетии, и британская русофобия угасла. Мысль о том, что Россия может вторгнуться в Индию и что Герат должен каким-то образом стать ее ключом, рассматривалась как фантазия больных умов. Все эти обесцвеченные кости индейцев на перевале Хурд-Кабул и русские трупы в пустыне по дороге в Хиву, казалось, доказывали эту ложь более убедительно, чем могли бы доказать аргументы. Макнил ненадолго вернулся в Тегеран, чтобы восстановить англо-персидские связи с помощью торгового договора, и в течение следующих нескольких лет британские отношения с Тегераном стали дружелюбными, если не дружественными. С Афганистаном у британцев вообще нет никаких связей. Что касается Герата, то, по словам Кея, «...мы беспокоились не столько о Герате, сколько о Гонолулу»¹.

Все было почти так же, как и до того, как Конолли въехал в Герат в сентябре 1830 года, все это – превосходство России в Персии и враждебность

¹Sheil to Palmerston, January 1, 1847, L/PS/9/86.

по отношению к Британии или Индии, подчинение персов России и агрессивность по отношению к Герату – казалось, так явно соответствовало политическим фактам. И наоборот, период англо-русской и англо-персидской гармонии, как в 1840-х годах, делал их абсурдными. Но если Персия возродит свои старые амбиции на восток, и хрупкая англо-российская Антанта снова столкнется с проблемой Турции, то старые последствия, предвиденные Макниллом и Конолли, если Герат попадет во враждебные руки, будут такими же опасными, как и прежде. Истинное значение афганской войны в этом контексте заключается не столько в том, что она разрушила выводы теории «Гератского ключа к Индии» – более того, в некотором смысле она их подтвердила, – сколько в том, что она продемонстрировала огромные трудности в том, чтобы что-либо с ними сделать. Война посеяла такие подозрения между британцами и афганцами, что поставила любую идею совместного сотрудничества в защите Герата от враждебных влияний запада почти вне досягаемости практической политики¹.

Это сделало Герат еще более, чем прежде, форпостом во враждебном афганском зоне и разрушило доверие к любой про британской политике в самом Герате. Как позже выразился торговый агент Яр-Мухаммеда, «хотя присутствие англичанина в дальнейшем могло бы быть приятным для этого Вождя, нынешнее состояние чувств в других частях Афганистана по отношению к англичанам подвергло бы его большему оскорблению, приняв британского агента в Герате, чем он был бы готов столкнуться, если бы не очевидное и настоящее преимущество»².

Очевидная легкость, с которой Персия перебросила большие силы численностью до 100 000 человек и удерживала их под стенами Герата в течение десяти месяцев, а также успешное сопротивление города таким силам

¹The desolation is vividly described by the French soldier, 'General' J. P. Ferrier who visited Herat in 1845 in his *History of the Afghans*, p. 258 and his *Caravan Journeys and Wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan, and Beloochistan*, London, 1856, p. 173. February 21, 1852, L/PS/5/559. Eye-witness accounts of the devastation in 1839 are in *Add. Mss.* 36,474,152 and 154 and paras. 5, 6 and 31 of Todd to Macnaghten, October 2, 1839, no. 3 of 11, L/PS/5/144.

²MacGregor C. M. *Central Asia: Part 2, Afghanistan*, Calcutta, 1871, pp 341-371.

с их хорошо обслуживаемыми орудиями и их русскими советниками, казалось, подтверждали, как стратегическую ценность долины Герата, так и относительную легкость маршрутов к западу. С другой стороны, длительная осада нанесла страшный ущерб некогда плодородной долине и укреплениям города.

Британские инженеры так и не смогли справиться с масштабной задачей приведения в надлежащий порядок оборонительных сооружений, и, по мнению одного из них, это место не могло долго продержаться против должным образом руководимой европейской армии, оснащенной осадным поездом. Действительно, Элдред Поттинджер который больше, чем кто-либо должен был знать, полагал, что при надлежащем руководстве и нескольких обученных саперах персы могли бы взять Герат штурмом в 1837 году в первый же день. «Неудача их усилий была вызвана ошибками их генералов. Мы никогда больше не сможем рассчитывать на это, и, если персы снова вернутся, они сделают это должным образом и просветят о причинах своей прежней неудачи». Таким образом, вся ситуация в Герате в 1840-х годах была для Британии потенциально такой же сложной, как и в предыдущем десятилетии. Только в одном смысле положение британцев улучшилось: аннексия Синда в 1843 году и Пенджаба в 1849 году вместе привели британские границы почти так же близко к Герату, как они были к Кабулу в начале афганской войны. Парадоксально, но это изменение и жгучий опыт самой афганской войны помогли разрушить старое единодушие 1838 года между Калькуттой и Лондоном относительно наилучшего способа решения проблем Герата и сделали его решение еще более трудным, чем когда-либо¹.

Но после афганской войны коллега Элдред Поттинджера столкнулся с таким сильным отвращением индийских властей к любой активной политике в Афганистане, что он предупредил Палмерстона, чтобы он держал Индию подальше от всего этого вместе и вообще не имел прямых отношений с

¹MacGregor C. M. Central Asia: Part 2, Afghanistan, Calcutta, 1871, pp. 341-371.

Гератом: «Если вы решите занять новую позицию, или, скорее, я бы сказал, вашу старую позицию в Тегеране, я был бы склонен рекомендовать вам сделать это, не выдвигая Индию на видное место или вообще не вовлекая ее в игру. Я полагаю, что вы ни при каких обстоятельствах не подумали бы о проведении военных операций в Центральной Азии»¹.

В июне 1851 года Яр Мухаммад дал Герату почти десять лет независимости и мира. Но его сменил некомпетентный, слабоумный сын, Сайид Мухаммад. Он, беспокоясь о своих соседях в Кабуле и Кандагаре, почти сразу же обратился за защитой к агрессивному молодому шаху Насир-уд-дину, который в это время был занят восстановлением своей власти в Хорасане.

Вскоре после того, как сэр Чарльз Вуд вошел в Правление, известие о соглашении Шейла с Гератом было получено в Лондоне, но Индия не была уведомлена даже об этом в течение полутора лет, пока это правительство, глубоко был погружен в переговоры с Кабулом. Это был поразительный пример – один из многих в истории отношений Британии с Гератом – когда левая рука не знала, что делает правая. Невежество индийского правительства было непростительно, особенно с учетом того, что стандартным ответом на непримиримость персов в Герате, как и в 1838 году, должен был стать индийский удар в заливе из Бомбея. Но это было еще не все. Возложив на Великобританию ответственность за сохранение независимости Герата от Кабула и Кандагара и признав право Персии отправиться туда, если кто-либо из них будет угрожать, соглашение Шейла предполагало, что между Индией и княжествами восточного Афганистана существуют хорошие отношения. Ничто не было дальше от истины. В некотором смысле соглашение Шейла затрудняло достижение хороших отношений с ними, потому что правители Кандагара и Кабула имели давние собственные планы в отношении Герата. Более того, соглашение Шейла обязывало Британию не только к идее независимого Герата, но и к разделенному Афганистану. Это, безусловно,

¹MacGregor C. M. Central Asia: Part 2, Afghanistan, Calcutta, 1871, p. 306.

отражало статус-кво в 1852 году, а также недавнее прошлое, но оно становилось все более непригодным в качестве объекта британской политики по мере того, как Британия и Россия вступали в войну, поскольку отношения Индии с Дост Мухаммедом из Кабула становились все более сердечными и, прежде всего, по мере того, как становилось все более очевидным, что Герат не может поддерживать подлинную независимость между верхними и нижними жерновами ее могущественных афганских и персидских соседей. Как только Британия захватила Пешавар в марте 1849 года, тем самым получив стратегическую границу на северо-западе и блокируя амбиции Дост Мухаммеда на юге, старая необходимость держать Афганистан слабым и разделенным в значительной степени исчезла. Теперь афганская сила и единство, вероятно, будут гораздо более ценны для Британии, чем афганская слабость, особенно с тех пор, как Туркманчайский договор (21 февраль 1828 г.) и все, что последовало за ним, имели тенденцию ослаблять британские позиции в Персии и укреплять русские. Согласие Шейла указывало как раз на обратное. Затруднительное положение Британии в Герате в течение следующих десяти лет было, в двух словах, проблемой того, как скорректировать старую политику в соответствии с этими новыми фактами¹.

Он знал по горькому опыту, что персы были такими искусными лжецами и интриганами, или, скорее, что их концепция этики в дипломатии настолько отличалась от концепции Западной Европы, что договоры и обещания сами по себе были плохими хранителями независимости Герата. В любом случае, конечно, ни один разумный правитель Герата не мог позволить себе отрезать себя от своего могущественного западного соседа. Сильное, если не доминирующее персидское влияние там было почти неизбежным.

В этих обстоятельствах неудивительно, что, когда Томсон возродил более раннее предложение Шейла отправить наемного британского агента в Герат, Министерство иностранных дел в Лондоне под руководством лорда

¹Sheil to Malmesbury, January 13, 1853, State Papers, Volume XLV, p. 707.

Кларендона было готово и даже стремилось принять эту идею. Вуд в Контрольном совете, похоже, отнесся к этому непредвзято, хотя гораздо более уверен, что индийское правительство должно установить более тесные отношения с Кабулом. Генерал-губернатор лорд Далхаузи спокойно отнесся к обоим предложениям и стремился избежать каких-либо осложнений в Афганистане любого рода.

Нет сомнений, что британская жесткость была гораздо больше ответом на сдерживающее влияние США – ситуация на Ближнем Востоке и попытка угроз удержать Персию от неминуемой войны, чем попытка сохранить верность Персии; обещания о Герате. Независимость Герата оставалась предметом озабоченности Министерства иностранных дел, и позже, в 1854 году, когда появились новые доказательства персидских интриг, Британия продолжала придирается к Тегерану, даже когда персидский нейтралитет в Крымской войне казался гарантированным. Этот второй небольшой Гератский кризис 1853-1854 годов, хотя он и не имел ничего общего с предыдущим кризисом 1852-1853 годов, действительно представлял собой прогресс с британской стороны, потому что на этот раз индийское правительство было полностью вовлечено и консультировалось. И почти сразу же на поверхность вышла скрытая напряженность между политикой независимости Герата, воплощенной в соглашении Шейла, и индийской потребностью в укреплении Афганистана. Далхаузи выступал против любой идеи постоянного представительства Великобритании в Герате. Сначала ему это не нравилось, потому что это было бы неловким обязательством, но позже, потому что это полностью противоречило политике более тесных отношений с Кабулом, которую он проводил с растущим энтузиазмом в 1854 году. К счастью, вопрос о Герате почти не участвовал в дискуссиях, которые привели в начале 1855 года к простому договору о дружбе с Кабулом¹.

¹Aitchison Treaties, Volume XI, p. 340.

Третий и последний из этих обостряющихся англо-персидских кризисов был похожим для других это сразу же подняло всю проблему Герата и отношения Британии к нему. Разница заключалась в том, что вместо того, чтобы британские предупреждения привели к быстрому урегулированию, они помогли привести в конце 1856 года к полномасштабной англо-персидской войне.

Перед отъездом из Лондона он провел ряд бесед с Вудом и Кларендоном, и оба они сказали ему, что британская политика по-прежнему заключается в сохранении независимости Герата от востока и запада в соответствии с соглашением Шейла. Письменные инструкции Мюррея не были очень конкретными по этому вопросу. Его просто предупредили, что удовлетворительная, но ненадежная позиция нейтралитета Персии по отношению к Турции, России и Афганистану, которую он должен поддерживать любой ценой, может измениться в любой момент.

Несмотря на опровержения в Санкт-Петербурге, практически все основные британские государственные деятели, участвовавшие в Лондоне, считали, что Россия каким-то образом стояла за непримиримостью Персии в отношении Герата¹.

Независимость Герата в то время казалась единственным решением. Все, что можно было сделать для удовлетворения точки зрения индейцев, – это гарантировать, что в мирном урегулировании не будет ничего, что, как Каннинг сказал Грэнвиллу за несколько месяцев до начала войны, «чтобы исключить возможность объединения Герата с одним или всеми афганскими княжествами, когда это может произойти в результате несчастных случаев в Центральной Азии»². К всеобщему облегчению, Коули после ряда активных дипломатических усилий 4 марта 1857 года в Париже добился соглашения с

¹Granville to Clarendon, September 18, 1856, FO 539/7, 168; Clarendon to Stratford de Redcliffe, December 12, 1856, Clar. Mss. dep. C.137, 416; Palmerston to Clarendon, February 17, 1857, *ibid.*, C.69, 137, cited E. Ashley, *Life of Henry John Temple, Viscount Palmerston*, London, 1876, ii, 128-9; Duke of Cambridge to Fox Maule, December 27, 1856, G. Douglas and G. D. Ramsay, *The Panmure Papers*, London, 1908, Volume II, p. 329.

²Letter of February 25, 1856, PRO 30/29/21, 99 cited E. Fitzmaurice, *Granville*, I, p. 155.

Фаррух-ханом по этим вопросам, и англо-персидская война 1856-67 годов закончилась¹.

К тому же, в начале 70-х годов XIX в., Англия приступила к подготовке захватнической войны против Афганистана которая должна была открыть колонизаторам дорогу в направлении Центральной Азии.²

В заключении можно сказать, из приведенных материалов становится очевидным, что Британское соперничество в Центральной Азии требовали создания определённого форпоста для дальнейшей координации своих действий и реализации своих масштабных планов. В этом случае, не случайно был избран город Герат, как в политическом отношении, так и в геостратегическом отношении, поскольку этот город являлся «ключом» к сердцу Азии в надвигающейся «Большой игре».

Делая вывод надо констатировать, что столкновения геополитических интересов в Центральной Азии ведущих колониальных стран, главным образом, Англии и России привело: во-первых, усилению дипломатических игр вокруг отдельно взятого стратегически важного города Герат, как ключ для входа в Среднюю Азию; во-вторых, на фоне Герата была создана «Афганский вектор» со всеми вытекающими последствиями; в-третьих, в-третьих, отдельные люди из числа туземцев втягивались в военно-политические интриги, где происходила настоящая борьба за сферу влияния; в-четвертых, к этой игре стали подключаться и другие приграничные и западные страны, что расширяло горизонт политических противостояний. Однако важно отметить, что несмотря на вышеуказанные факторы, к сожалению, проблема Герата оставалась открытым, то есть не завершённым.

1.2. Усиления англо-русского дипломатического соперничества по среднеазиатскому вопросу

¹The text of the treaty is Atchison, op. cit, Volume XII, p. 76; State Papers, Volume XLVII, p. 42.

² Темирханов Л. Восточные пуштуны в Новое время (этносоциальная характеристика) / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М.: Наука, 1984. – С.48

В конце XIX века, в то время как другие державы искали колонии за рубежом, Россия продвинулась на юг от Сибири и на восток от Каспийского моря до границ Афганистана, Ирана и Индии. В результате завоевательного продвижения России в Центральную Азию, в ее состав были включены четыре степные провинции – Уральск, Тургай, Акмолинск и Семипалатинск, юго-восточная часть Европейской России и Туркестанское генерал-губернаторство (Сырдарьинская, Ферганская, Самаркандская, Закаспийская и Семиреченская губернии), а также под протекции попали Бухара и Хива.

Помимо этого, Русский Туркестан включал в себя восточную горную область с обильной водой и плодородной лессовой почвой, а также западную пустыню и соляную степь, содержащую несколько богатых оазисов. В 1914 году только пятая часть из 655 427 квадратных миль казалась пригодной для развития. С гидрогеографической точки зрения, Туркестан представлял собой обширный бассейн без выхода. Две главные реки, Амударья и Сырдарья, впадали в отступающие Каспийское и Аральское моря; более мелкие реки впадали в пески пустыни. Континентальный климат обусловил резкие колебания температур.

Однако, русское представление о значении Туркестана развивалось в позднюю царскую эпоху. Первоначально считавшийся базой для дипломатического и военного соперничества с Великобританией, он позже рассматривался как резервуар сырья, рынок для промышленных товаров и убежище для голодных обезземеленных крестьян.

До 1850 года российские лидеры не рассматривали стратегическую ценность Центральной Азии. Они покорили казахскую степь (1730-1850) не для того, чтобы угрожать Индии, а для того, чтобы получить безопасные границы и доступ к восточным рынкам. На протяжении веков караваны привозили в Центральную Азию русский текстиль, изделия из металла и сахар в обмен на сырую шерсть, хлопок, ковры, драгоценные камни и предметы искусства. Эта торговля быстро росла до 1838 года, когда английская

конкуренция вызвала временный спад. Но британские индийские товары, затрудненные расстоянием и плохими коммуникациями, не смогли вытеснить российские товары из Центральной Азии. С 1851 по 1861 год торговля Средней Азии с Россией почти утроилась, а российский экспорт мануфактур увеличился в шесть раз¹.

Поражение России в Крымской войне повысило стратегическую и престижную ценность Центральной Азии. На западе русские двинулись вверх по реке Сыр; на востоке они построили форт Верный (1854) и двинулись против Коканда. В течение следующих полувека Россия использовала Центральную Азию для угрозы Британской Индии. Англия могла нанести удар по России где угодно, отмечал министр иностранных дел Н.К. Гирс: «Россия могла добраться до англичан только через туркестанские оазисы. Строительство железной дороги на восток от Каспийского моря, утверждал князь А.И. Барятинский в конце 1850-х годов укрепит экономическое и военное положение России и подорвет британское влияние. Чтобы задействовать коммерческий потенциал Центральной Азии, призвал Ю.А. Гагемейстера из Министерства финансов, который также указывал на необходимость завоевать мусульманские ханства Коканд, Бухару и Хиву. Однако генерал А.О. Дюгамель, генерал-губернатор Западной Сибири (1861-1866), предупреждал, что расширение в пределы Туркестан, «...только вызовет трудности и ослабит Россию». Поглотить его оазисы «...было бы похоже на Кавказ, пропасть, которая поглотит все наши доходы»².

В период с 1864 по 1868 год, игнорируя предупреждения министерства иностранных дел о том, что быстрая экспансия может спровоцировать кризис с Великобританией, небольшие русские войска начали захватывать мусульманские города туркестанских оазисов с незначительной ценой жизни и денег. Российские лидеры осознали потенциал Ташкента, главного

¹Becker S. Protectorates of Russia in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865-1924 (Cambridge, Massachusetts, 1968), pp. 11-13; Peirce, pp. 190-192; А. М. Аминов, Экономическое развитие Средней Азии (Ташкент, 1959), с. 66.

²"Russian-British relations in the Eighties", Slavic Review 3, No. 7 (June 1924): p.179-180.

торгового центра региона. Перед взятием Ташкента, Оренбургский губернатор писал: «В наших руках должны быть основные торговые, караванные и военные пути и проходы из Бухары и Коканда на север и северо-запад, а также из Кашгара через Алатау в Китай. Все наши усилия должны быть направлены на установление и укрепление благоприятных коммерческих отношений с народами Центральной Азии»¹.

Завоевание Туркестана, в Биржевой ведомости объяснялось следующим образом, что якобы данная коммерческая газета положила бы конец коканскому деспотизму, защитила бы купцов и принесла бы большую пользу России. «Сейчас в нашем распоряжении, – писалось, – находится регион, наиболее благословенный в мире по климату, почве и минеральным богатствам. Они утверждали, что-либо Россия должна эффективно управлять им, либо отказаться от всей территории за рекой Иртыш и Каспийским морем. Имея гималайскую границу и разумную администрацию, Россия могла бы строить железные дороги, способствовать колонизации и использовать богатства Туркестана»². С другой стороны, либеральная ежедневная газета «Голос» утверждала, что русские равнодушны к Туркестану. Наведение порядка там было всего лишь расчисткой пути для британских торговцев. Туркестан был возможно, выгоден в коммерческом смысле, но пока не укрепляет нашу политическую мощь. Могла ли Россия колонизировать Голодную Степь, когда Крым и Кавказ тщетно ждали переселенцев? Представьте себе железную дорогу в Ташкент, когда Москва не имела железнодорожного сообщения с Одессой! Туркестан следует безжалостно эксплуатировать: Если, подражая Англии, мы извлекаем из наших новых подданных максимальные выгоды для себя... наши новые завоевания принесут нам большую пользу; если мы, следуя злым советам англичан, соблазним себя

¹Голос, "По поводу присоединения Ташкента", № 289, 1866.

²Биржевые ведомости, "По поводу толкований иностранцев", № 302, 1866

на роль «цивилизаторов», такие завоевания будут только новым бременем для нас»¹.

Русские военные увидели стратегические выгоды от продвижения в оазисы. В конце концов, согласно секретному докладу, Россия должна аннексировать мусульманские ханства и доминировать в долине Амура. Между тем оккупация ущелья Джалан-Ута сделала бы Бухару беззащитной и помешала бы ханствам объединиться против России. Отряды в Джизаке, Ташкенте и Ходженге могли поддерживать порядок².

Россия получила немедленные экономические выгоды от завоевания. Аннексия Ташкента (1866) стимулировала торговлю России с ханствами и китайским Туркестаном и приблизила Россию к Бухаре, потенциальному источнику хлопка-сырца и шелка. Стремительный рост мировых цен на хлопок в 1860-х годах побудил российские концерны искать поставки хлопка из Центральной Азии³.

Большинство британских лидеров восприняли эти успехи России философски. Например, в 1864 году лорд Джордж Кларендон сказал: «Политика России в Центральной Азии строится так же, как и наша в Индии; она вынуждена постепенно двигаться с Севера на Юг точно так же, как мы были вынуждены двигаться с Юга на Север. Она оказывает услуги цивилизации, и нам все равно, даже если она возьмет Бухару»⁴.

Однако один британский консульский чиновник предупредил, что Туркестан станет российским Алжиром, «великой военной школой империи» Оказавшись за Аму, Россия может угрожать британским интересам в Индии и даже исключить Индию из торговли в Центральной Азии⁵.

Но и в самой метрополии российские лидеры расходились во мнениях о ценности Туркестана. Чтобы завоевать его, утверждал военный представитель,

¹Голос, "По поводу присоединения Ташкента", № 289, 1866. № 89, 1867.

²Глуховский М. Записки о значении Бухарского ханства в России (Санкт-Петербург, 1867).

³Рожкова М.К. "Из истории торговли России со Средней Азией", Исторические записки 67 (1960): С.187.

⁴Vambery A. The Life and Adventures of Arminius Vambery (London, 1914), p. 308.

⁵Public Record Office (London), Foreign Office, 85/869, Lumley's remarks, 15 June 1867.

потребовалось меньше времени карательные экспедиции, которые не создали ни мира, ни порядка. Теперь, когда казахская степь была защищена от внешнего нападения, Россия могла развивать свою торговлю и ресурсы Туркестана. Сокращение гарнизонов и расходов на содержание войск в Оренбурге и Западной Сибири с лихвой окупило бы затраты на завоевание¹.

Офицеры (Глуховский) подчеркивали стратегическую ценность Туркестана, а журналисты (Долинский) – его экономический потенциал. Критики (Дюгамель и Голос), ссылаясь на издержки аннексии, сомневались в их оправданности или возмещении. Военное министерство выступало за дальнейшее расширение в интересах безопасности и престижа; министерства финансов и иностранных дел в целом выступили против этого.

Санкт-Петербург выбрал постоянную администрацию на новой завоёванной территории. В июле 1867 года Александр II назначил генерала К.П. фон-Кауфмана первым генерал-губернатором Туркестана. Ему была дана полная военная, политическая и финансовая власть, чтобы связать эти земли с Россией².

Когда он прибыл в Туркестан, здесь царила беспорядки и нестабильность, российская политика зависела от соседних мусульманских правителей, и узбеки ждали освобождения. К.П. Кауфман доложил: «все это указывает на необходимость нанести удар по Бухаре, принудив ее силой оружия заключить мир, а затем одним ударом безоговорочно подчинить себе земли, занятые нами до сих пор, устранить всякую мысль или возможность подчинения другому, кроме Русского государства. А затем спокойно работать над реформами в регионе, необходимыми для того, чтобы построить здесь администрацию на более рациональных основаниях, чем раньше, и навсегда укрепить здесь российскую власть»³.

¹Быков В. "Беглый рассказ", Военный сборник 66 (апрель 1869) с. 306-308.

²Гейнс А.К. Собрание литературных трудов (Санкт-Петербург, 1897-98) с.2-5

³Там же: с.6.

Решительно разгромив мусульманские ханства и разрушив традиционный политический строй Центральной Азии, Кауфман расширил границы Туркестана и создал внушительный образ российской власти. Его военная администрация создала внутренний порядок, оставив местные обычаи и институты нетронутыми везде, где это было возможно.

Желая постоянного урегулирования в Центральной Азии, Лондон настоятельно призвал к немедленной делимитации афганских границ. Россия медлила, пока ее войска продвигались на юг. Русско-афганское столкновение при Пяндже (29 марта 1885 года) едва не вызвало англо-русскую войну, но Россия отступила и уступила стратегический Зульфикарский перевал Афганистану. Заполнив вакуум власти в Центральной Азии, Россия продвинулась настолько далеко, насколько это было возможно без войны. Урегулирование 1885 года положило конец острому англо-русскому соперничеству в этом районе.

С 1885 по 1905 год, хотя англо-русская конкуренция переместилась в Иран и на Дальний Восток, Туркестан оставался угрозой для Индии. В войне с Афганистаном или Индией, отмечал капитан Генерального штаба Скерский в 1891 году, Памирские горы дали бы России значительные преимущества: «... Независимо от того, действовала ли наша главная армия из Бухары ... или из Мерва отряд на Памире будет угрожать северному Бадахшану и северному Афганистану до такой степени, что значительная часть сил противника неизбежно будет отведена с главного театра военных действий». Соглашение 1895 года, уступившее России часть спорного Памирского региона, определило российскую и британскую сферы и оставило между ними полосу афганской территории. Тем временем российский генеральный штаб исследовал маршруты через горы. Россия, по-видимому, никогда не планировала нападать на Индию, но использовала эту угрозу.

Николай II хвастался в 1899 году, что он может решить англо-бурскую войну, телеграфировав своей туркестанской армии, чтобы она двинулась к индийской границе, но воздержался в основном быть, потому что Туркестан

еще не связан с внутренними районами России сквозной железнодорожной линией. Фундаментальное значение Индии для нас состоит в том, что «она представляет собой наиболее уязвимое место Великобритании, чувствительный нерв, одно прикосновение, к которому, возможно, может легко побудить правительство Ее Величества изменить свою враждебную политику по отношению к нам и продемонстрировать желаемую уступчивость по всем этим вопросам... наши интересы могут столкнуться»¹.

До русско-японской войны британские лидеры, переоценивая российскую мощь, опасались вторжения в Индию со стороны Ирана, находящегося под растущим российским господством. В 1895 году четверть действующей армии Англии находилась в Индии, что затрудняло любое вмешательство в европейские конфликты. Возможно, Англия могла бы вытеснить Россию из Центральной Азии, но в то же время присутствие последней напрягало финансы Индии и могло сделать ее неуправляемой. В ответ, сэр Генри Брэкенбери утверждал (начальник военной разведки), «... чтобы восстановить британское влияние в Иране, мы могли бы посмеяться над достижениями России в Центральной Азии. Железная дорога из Персидского залива в Тегеран позволила бы нам перехватить горло русских коммуникаций на Черном море»². Главной целью России, по его мнению, был Константинополь, ее деятельность в Центральной Азии была вспомогательной. Отвергнув предложение Брэкенбери провести четкую линию, не доходящую до Индии, Лондон решил в случае войны с Россией оказать сопротивление в самой Индии и нанести ответный удар в других местах.

Теперь царские лидеры осознали экономический потенциал Туркестана, потому что только Ташкентская выставка 1890 года показала значительный прогресс региона. После своего визита министр финансов И.А. Вышнеградский назвал Туркестан «жемчужиной в короне русского царя».

¹Lowe C. J. The Reluctant Imperialists (New York, 1967), p. 306.

²Greaves, pp. 11-13, 37.

Данное высказывание было утверждено и Бродовским, который писал, «колония, неразрывно связанная с империей», является естественным рынком для российских производителей и потенциальная зона расселения»¹.

В то время самый острый интерес проявлялся к Британии. К этому привело не простое любопытство, а вполне реальная тревога по поводу намерений России. Особенно остро встал следующий вопрос, представляет ли ее экспансия угрозу безопасности Индийской империи? Дело было в том, что российское имперское правительство не контролировало своих офицеров на границе, которые делали все, что хотели, и что их акты неподчинения, когда они были успешными, просто принимались центральными властями как свершившиеся².

На основании информации, полученной из Санкт-Петербурга, лорд Дерби заключил в 1874 году: «Император совершенно искренен, но слишком добродушен и..., позволяет своим офицерам на расстоянии форсировать его действия, не подчиняясь его приказам»³.

И это была точка зрения, с которой позже согласился Керзон. Из этих полуофициальных источников аргумент приобрел более широкое распространение, когда он был подхвачен сначала А.С. Крауссе, а затем Ф.Х. Скрином и Э.Д. Россом. Наконец, эта концепция получила научную форму благодаря профессору Самнеру в его книге «Россия и Балканы»⁴. Он очертил «неконтролируемую российскую армию», сосредоточившую в своих руках военную и гражданскую администрацию, вдохновленную собственной внутренней ревностью и далеко выходящую за пределы эффективного имперского контроля. В 1961 году Р.М. Слюссер в сборнике очерков о внешней политике России мог бы говорить о точке зрения, «которой обычно придерживаются историки... что экспансионистская политика была навязана сопротивляющемуся министерству своевольными офицерами, фактически не

¹Heyfelderin O. Hoetsch, "Russisch Turkestan" *Schmollers Jahrbuch* 38, ТПО. 3 (1913): pp. 344-345.

²Kazemzadeh F. *Russia and Great Britain in Persia, 1864-1914*, New Haven, 1968, p. 15.

³Peirce P.A. *Russian Central Asia, 1867-1917*, Berkeley, 1960, pp. 22-4.

⁴Sumner, B.H. *Russia and the Balkans 1870 - 1880*. Oxford. At the Clarendon Press. XII. p.724

подчиняющимися центральному правительственному контролю». Однако в том же томе очерков профессор Касемзаде выразил другую точку зрения. Он утверждал, что, будучи далеко не «независимыми сатрапами», центральноазиатские военные «жестко контролировались из Санкт-Петербурга, и все их действия решались на самом высоком правительственном уровне». Вместо картины измученных центральных властей, оторванных от местных событий, Касемзаде увидел решительного и англофобского военного министра, который доминировал над своими коллегами и императором и тесно сотрудничал с министром иностранных дел в духе конструктивной напряженности, которая «сделала российскую политику необычайно гибкой и энергичной»¹.

Таким образом, экспансия стала согласованной целью всех, преследуемой с большей или меньшей решимостью, зависящей от обстоятельств, но поддерживаемой с твердой последовательностью. Этот новый тезис был более или менее принят многими более поздними историками России XIX-го века и был подкреплён недавними работами советских историков.

В то время как предшественники старой точки зрения могут быть в некоторых отношениях сомнительными, повторный анализ доказательств, возможно, предполагает, что она не была неточной и что, хотя центральное правительство сохраняло свою власть над своими офицерами, у них были собственные сильные взгляды, которые они без колебаний навязывали своим начальникам, которых они часто убеждали. В одном отношении профессор Самнер был близок к истине, поскольку, как будет доказано позже, Министерство иностранных дел, по-видимому, на удивление мало контролировало события в Центральной Азии. Ещё в 1864 году канцлер, доктор медицины, А.М. Горчаков подготовил знаменитый меморандум о российской экспансии. В нём было очень мало конкретного характера и очень

¹Kazemzadeh F. *Russia and Great Britain in Persia, 1864-1914*, New Haven, 1968, p. 15.

много философских размышлений о причинах территориальной экспансии в целом. Он заметил: приезжайте в всегда... что интересы безопасности границ и торговых отношений требуют, чтобы более цивилизованное государство оказывало определенное влияние на соседей, что их кочевые и турбулентные нравы делают их очень неудобными... все (европейские державы с имперскими владениями) были предупреждены не знает, за собой следить, марш постепенно меньше-то, что *Pimperieuse rice oil* наибольшее затруднение-это знать, если прекратим¹.

В реальном смысле это было признание слабости его собственного служения и его неспособности контролировать события. Сменявшие друг друга британские послы Лофтус, Дафферин, Торнтон и Морье сообщали, что члены Министерства иностранных дел сообщили им, что российское правительство было вынуждено вмешаться в ситуацию местными военными представителями. Это была хорошая история прикрытия, чтобы объяснить пропасть между российскими обещаниями и реальными событиями.

В свете новых имеющихся в настоящее время доказательств точность объяснения может быть поставлена под сомнение. Хороший пример этого можно увидеть в Хивинской экспедиции 1873 года. Примерно с 1870 года мнение среднеазиатского военного командования было единодушным в том, что действия против Хивы необходимы. Генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман запросил разрешения петербургских властей на военную экспедицию, сообщив, что отношения между ним и хивинским ханом неуклонно ухудшаются. К 1871 году военный министр Д.А. Милютин убедился, что «решающий удар, который мы так долго стремились отсрочить даже в ущерб государству», теперь неизбежен. В марте 1871 года царь утвердил планы вооруженной разведки. Эта экспедиция под командованием полковника Маркозова отправилась из Красноводска в 1872 году и

¹Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения/МИД Российской Федерации: редкол. Примаков Е.М. и др. М.: Междунар. Отношения, 1998. с. 406

закончилась провалом. Далеким от успеха, уверенно предсказанного для него, природа и враждебные племена сговорились, чтобы привести к полному провалу. Удар по русской самооценке и военному престижу был значительным. Местное давление и военный престиж империи требовали полномасштабной военной экспедиции, и специальное совещание тех, кто наиболее тесно связан с военной и внешней политикой империи, под председательством лично царя, решило 13 декабря 1872 года начать ее, несмотря на противодействие Министерства иностранных дел всей идее. Затем были предприняты согласованные усилия по дипломатической подготовке почвы, и П.А. Шувалов был выбран в качестве эмиссара со специальной миссией в Лондон. В обмен на российские гарантии по Афганистану Шувалов должен был обеспечить России свободу действий в ее отношениях с Хивой. Трудно поверить, что такой влиятельный член окружения императора был бы выбран, если бы эти заверения не были искренними, и что сам Шувалов не согласился бы действовать бесчестно. Выбор Шувалова, который не был членом Министерства иностранных дел и никоим образом не участвовал в делах Центральной Азии, свидетельствовал как о гибкости, характерной для российской системы управления, так и о важности, придаваемой этому конкретному вопросу. Генерал Кауфман сам не решился дать указания об открытии отношений с афганскими властями, хотя это предложение вполне могло исходить от него. И хотя Столетов не носил с собой никаких официальных писем, у него было одно от Кауфмана, которое предполагало, что: Союз и дружба с российским правительством будут выгодны последнему и еще больше вам. Преимущества тесного союза с российским правительством будут постоянно очевидны¹.

Вряд ли можно сделать вывод, что это было сделано по собственному авторитету Кауфмана. Только после того, как стали очевидны окончательные печальные последствия этого непродуманного и плохо выполненного

¹"Central Asian Review", VI, № 2, Лондон, 1958. pp. 205-208

маневра, Министерство иностранных дел было призвано собрать осколки в результате неудачной попытки добиться британского признания полной независимости Афганистана в обмен на вывод российской миссии. К этому времени Министерство иностранных дел погрузилось на такую глубину, что офицеры, служащие в Туркестане, открыто презирали его и его действия¹.

Именно на этом фоне более или менее постоянной изоляции Министерства иностранных дел от контроля или влияния на отношения императора с государствами Центральной Азии следует рассматривать затянувшиеся переговоры в 1884-1887 гг. о делимитации русско-афганской границы. Успех Н.К. Гирса в их проведении и в отражении решительных усилий экспансионистов по торпедированию событий был значительным достижением. Несмотря на распространенное мнение, что Гирс не обладал ни одним из качеств, необходимых для министра иностранных дел², он добился большего успеха в отстаивании законных интересов своего министерства, чем его непосредственный предшественник или преемник. В течение более чем пятнадцати лет царь и его военные советники постоянно игнорировали Министерство иностранных дел при принятии решений, которые действительно входили в компетенцию Министерства иностранных дел. Объявление в феврале 1884 года о том, что туркмены Мерва были включены в состав империи, вызвало знакомую ноту³.

Верный своей форме, Гирс и его министерство были застигнуты врасплох и сочли это время крайне неудобным с дипломатической точки зрения. Но он отреагировал, широко намекнув на желательность делимитации границы между Россией и Афганистаном⁴. К маю 1884 года обе державы пришли к согласию.

¹Федоров Г.П. "Моя служба в Туркестанском крае 1870-1906" /Исторический вестник, СXXXIV, Санкт-Петербург, 1913, с. 33-55, 437-67.

²Kazemzadeh F. *Russia and Great Britain in Persia, 1864-1914*, New Haven, 1968, pp. 93-94.

³"Journal de St Petersburg" for February 14 in "Thornton to Granville", No. 45, February 15, 1884, in FO 65/1203.

⁴Thornton to Granville, No. 62, March 12, 1884, in FO 65/1204.

Однако теперь началась ожесточенная борьба между сторонниками делимитации и теми, кто выступал против нее. Последние, прочно укоренившиеся в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел и в Военном министерстве, могли затягивать дела, поскольку они предоставляли технические знания, необходимые для любой делимитации, в то время как местные офицеры в Центральной Азии продвигали свои собственные планы. Наместник Кавказа 41-летний генерал А.М. Дондуков-Корсаков был особенно откровенен в своей критике предлагаемых основ делимитации, и, поскольку он был в общем командовании Транскаспийским районом, где это должно было произойти, он был в сильном положении, чтобы задержать прогресс. Тем временем, на чисто местном уровне, командиры на месте выдвигали свои аванпосты и стремились заручиться лояльностью других местных племен.

Таким образом, сочетание постоянного противодействия со стороны центральных властей и продвижения местных властей успешно отложило начало делимитации на год, в то время как российские войска постепенно продвигались на юг. В марте 1885 года русские и афганцы наконец встретились в спорном районе Пянджа. Несмотря на строгие инструкции о том, что конфликта следует избегать или его можно разрешить только с явного разрешения верховного главнокомандующего, русские атаковали¹.

Битва оказалась скрытым благословением. Длительная задержка с началом делимитации оказала серьезное влияние на Британию, где росли подозрения в отношении России. Известие о сражении создало реальную опасность войны, и это, в свою очередь, сплотило умеренных в русском правительстве на сторону Гирса. Как только события в Центральной Азии серьезно угрожали всей империи, чаша весов склонилась в пользу министра иностранных дел. Никто не хотел войны, даже такой ярый националист, как Игнатъев, и министр иностранных дел вместе с министром финансов Бунге,

¹Vannovsky to Komarov, March 3/15, 1885, quoted in the "Ministry of Foreign Affairs", *The Afghan Agreement-Negotiations between Russia and Great Britain 1872-1885*, St. Petersburg, 1886, p. 65; Komarov to Vannovsky, telegram, March 19/April 1, 1885, *ibid.*, p. 215.

великим князем Владимиром и статс-секретарем Половцевым убеждали царя в необходимости войны. И морской министр, и военный министр были вынуждены признать, что вооруженные силы России не были готовы к действиям¹.

Таким образом, потребовался полномасштабный кризис с угрозой войны, достаточный для того, чтобы мобилизовать общественное мнение за спиной министра иностранных дел и убедить императора настаивать на делимитации границ. К осени 1885 года совместная комиссия приступила к работе. Однако даже сейчас обструкция местного военного лобби не была прекращена. К весне 1886 года комиссия остановилась из-за вопросов толкования. Трудное положение российского комиссара было признано его британским коллегой: Кульберг подчиняется военному министру, от которого зависят его перспективы, и, хотя он получил телеграммы от г-на де Гира, он, как я понимаю, не действует в соответствии с ними, пока они не будут повторены и, вероятно, изменены военным министром и Дондуковым-Корсаковым. Значительная группа в военных кругах надеялась, что Комиссия будет барахтаться и что где-то на линии границы останется дыра².

Только в июле 1887 года были окончательно устранены последние препятствия, и даже тогда это произошло только после упорного сопротивления И.А. Зиновьева, который тесно сотрудничал с военным министром и чьи возражения были преодолены только совместным шагом Гирса и британского посла, направленным на то, чтобы свалить вину за неудачу на Зиновьева. Окончательный успех Ф. Гирса в преодолении упрямой обструктивности военных ознаменовал утверждение его контроля над отношениями России с государствами Центральной Азии и окончание длительного периода военного господства над политикой империи в Центральной Азии³.

¹Министерство иностранных дел, Отчеты и бумаги, LXXV, Санкт-Петербург, 1873, с. 788-793.

²Curzon G. N. Russia in Central Asia in 1889, London, 1889, pp. 316-317.

³Krausse A. S. Russia in Asia: A Record and a Study, 1588-1899, London, 1899, pp. 134-135.

В течение этого периода не было таких простых отношений между центральным правительством и местными офицерами, которые подразумеваются в таких фразах, как «неконтролируемые» или «жестко контролируемые» военные. Местные офицеры не предпринимали экспедиций без специального разрешения, но они лоббировали их, и лоббировали усердно. Как только разрешение было дано, они, как правило, делали два шага, а не один разрешенный. Реальная власть местных офицеров заключалась не в их способности инициировать действия, а в их праве решать, когда остановиться, и в их монополии на информацию. Было чрезвычайно трудно устоять перед доводами в пользу действий, на которые настаивали эти офицеры, когда единственная доступная информация исходила и от них. Объединение гражданской и военной власти имело создатель ситуацию, в которой гражданские советники императора были лишены собственных источников информации, но сталкивались с почти непрерывными требованиями возобновления военных действий¹. Они имели чрезвычайное значение для подготовки на пути к новым движениям вперед, поскольку они подрывали сопротивление им и сеяли семена, многие из которых позже проросли².

Таким образом, делая вывод отметим, что как мировые империи, так и Россия со времен Петра великого начинают расширяться во все стороны, в отличие от мировых империй Россия была империей континентальной, соответственно она имела территориальные притязания главным образом по суше. Однако, в XIX в русской внешней политике вновь усиливаются акваторные требования, поскольку западные державы вовлекая в разные военные интриги в Европе старались ограничить русского присутствия в морской акватории.

¹See, for example N. V. Riasanovsky, *A History of Russia*, New York, 1963, p. 432; S. Pushkarev, *The Emergence of Modern Russia*, New York, 1963, pp. 339-43; G. H. N. Seton-Watson, *Imperial Russia, 1801-1917*, London, 1967, p. 441 ff. Interestingly, in a more recent work J. N. Westwood resurrects the older view, *Endurance and Endeavour: Russian History, 1812-1917*, London, 1973, p. 204.

²Skrine F. H. and E. D. Ross, *The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan*, London, 1901, pp. 248-9.

С другой стороны, Россия всегда внимательно следила за всеми происходящими в Центральной Азии, соответственно она также выдвигала свои притязания к этой гео-игре. Чем же оправдывается такая имперомания, во-первых, расширение границ, главным образом южных границ империи, тем самым обеспечивая собственную безопасность, как в настоящем, так и в отдаленном будущем, во-вторых, и это самое главное, экономический приоритет приобретенных территорий, поскольку эпоха капитализма с ее принципами, как внутренними, так и внешними, требовала удовлетворения. Все эти факторы побуждали Россию к активности и наступлению в этом тяжелом противостоянии.

ГЛАВА II. ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ АНГЛО-РУССКОЙ ПОЛИТИКИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

2.1. Роль и место Турции в англо - русском соперничестве по среднеазиатскому вопросу.

В июне 1877 года, после того как русско-турецкая война продолжалась почти два месяца, султан Абдул Хамид II решил отправить миссию к эмиру Афганистана с целью завоевать его симпатию и сотрудничество. Этот эпизод представляет интерес для истории панисламизма, а также для того света, который он проливает на британскую политику на Ближнем и Среднем Востоке, особенно на деятельность и взгляды этих двух энергичных и самоуверенных практиков дипломатии, А.Х. Лейарда в Константинополе и лорда Литтона в Индии. Обстановка для миссии султана сложна, поскольку она включает в себя религиозное происхождение и англо-афганские, англо-русские и англо-турецкие отношения.

Религиозным элементом, стоявшим за миссией, было панисламское движение, все еще смутное и зарождающееся в 1870-х годах, но, тем не менее, достаточно сильное, чтобы заставить турецкого султана почувствовать, что он может извлечь из этого политическую выгоду, утвердив свое лидерство в качестве халифа¹. Поэтому Абдул Хамид II предпринял попытку, когда в апреле 1877 года началась война с Россией, чтобы пробудить религиозные чувства и, как халиф, разослать призывы о помощи всем истинным последователям Пророка². Он не просто боролся с огнем, поскольку русские в своих военных манифестах и речах упоминали о крестоносном характере

¹See A. J. Toynbee, *Survey of international affairs*, 1925, I (London, 1927), pp. 32-40; Hans Kohn, *History of nationalism in the East* (New York, 1929), chap. III; Lothrop Stoddard, *New world of Islam*, (New York, 1921), pp. 45-89; Great Britain, foreign office, *Mohammedan history* ("Peace handbooks," Vol. X, No. 57) (London, 1920), pp. 44-50; A. de La Jonquiere, *Histoire de l'Empire ottoman* (2d ed.; Paris, 1914), II, 178; W. S. Blunt, *Future of Islam* (London, 1882), pp. 79-81; J. T. von Eckardt, "Pan-islamismus," *Deutsche Rundschau*, XCVIII (1899), pp. 61-63; A. D. Mordtmann, *Stamboul und das moderne Tiirkenthum* (Leipzig, 1878), pp. 129-30; and A. Vambery, "Pan-Islamism," *Nineteenth century*, LX (1906), pp. 547-49.

²Ludwig Raschdau, *Ein sinkendes Reich* (Berlin, 1934), pp. 64-65; *Deutsche All-gemeine Zeitung* (Leipzig), June 21, 1877, p. 1127; *Lettres de Turquie*, Univers (Paris), June 11, 1877, p. 2.

борьбы с Турцией¹, но также он пытался воспользоваться мусульманскими настроениями, которые медленно развивались. Его надежды нашли отражение в турецкой прессе, которая предавалась диким мечтам о тысячах добровольцев, которые придут из Туниса, Египта, Аравии, Центральной Азии, Индии и Китая². Несомненно, его беседы с такими азиатами в Константинополе, как племянник Якуб-хана Кашгарского, сын эмира Бухары и племянник Шир-Али из Афганистана, также побудили его поверить в возможность своего рода мусульманского союза против врагов ислама.³

Однако гораздо больше, чем религиозные мотивы, было связано с вопросом о Центральной Азии в целом и Афганистане в частности, поскольку этот регион был не только домом, по общему мнению, фанатичных мусульман, но и одним из главных яблок раздора в англо-русском соперничестве. Россия более десяти лет продвигала свои границы по Центральной Азии, между 1869 и 1876 годами, включив в свои границы или поставив в зависимость Бухару, Хиву и Коканд, таким образом, надавив на Афганистан с севера. С другой стороны, с приходом правительства Дизраэли в Англии и особенно с назначением лорда Литтона на пост вице-короля Индии в 1876 году Великобритания провозгласила «прогрессивную политику». Она заняла Кветту на юге Афганистана после заключения договора с ханом Калата в декабре 1876 года. В то же время она попыталась установить более тесные отношения с Шир Али из Афганистана, чтобы лучше остановить волну русского наступления в Индию⁴.

Это наступление двух великих имперских держав с обеих сторон, несомненно, встревожило Шир Али, который попытался сыграть одну против

¹See especially the proclamation of the Grand Duke Nicholas to the Russian troops as well as that of the tsar and the circular of Gorchakov (Ferdinand Lecomte, *Guerre d'Orient* [Paris, 1877-78], I, 319-23); and also H. O. Dwight, *Turkish life in war time* (New York, 1881), pp. 53-54.

²*La Jonquiere*, II, 69-70; Dwight, pp. 104-5. See *Pall Mall Budget* (London, weekly), June 23, 1877, and subsequent issues for useful summaries.

³Layard A. H. *Memoirs*, Vol. V, fols. 42-44, Add. MS 38,935; copy of letter to Lytton, June 14, 1877, Add. MS 39,130, fols. pp. 36-37.

⁴See H. H. Dodwell, "Central Asia, 1858-1918," *Cambridge history of India*, Vol. VI (1932), chap. XXIII; William Habberton, *Anglo-Russian relations concerning Afghanistan, 1837-1907* ("Illinois studies in the social sciences," Vol. XXI, No. 4) (Urbana, 1937), chap. III; and works cited by both writers.

другой. На протяжении долгих переговоров с индийским правительством, кульминацией которых стала Пешаварская конференция в феврале и марте 1877 года, он отказывался разрешить создание британского агента в Афганистане в обмен на обещание поддержки против России. В то же время он принимал послов от Кауфмана, русского генерал-губернатора Туркестана, и поддерживал с ним переписку. Лорд Литтон, и его советники истолковали ситуацию так, что это означало только одно: эмир тяготеет к русскому лагерю и таким образом передает ключ от Индии в руки врага. Однако они утверждали, что верят в то, что политика эмира, которого они обвиняли в попытке поднять священную войну против Англии, была личной, не поддерживаемой его фанатичными мусульманскими последователями, которые едва ли могли сотрудничать с властью, которая вела войну с турками-османами. Таким образом, хотя прямые отношения с эмиром были прерваны после Пешаварской конференции, можно было надеяться, что отношение его собственного народа вынудит его отказаться либо от пророссийской политики, либо от трона¹.

Таким образом, Шир Али стал ключевой фигурой в англо-афганских отношениях, которые к маю 1877 года практически достигли критической точки.

В то же время правительство Индии и паникеры в Англии убедились, что Россия планирует наступление на Мерв. Экспедиции 1876 года и весной 1877 года против туркменских племен на границе рассматривались как свидетельство намерений России. Переписка Кауфмана с Шир Али рассматривалась как доказательство того, что Россия намеревалась разорвать соглашение 1873 года с Англией. В июне 1877 г. настоящая буря поднялась из-за опасности для Индии русского наступления и утихла только после того, как стало очевидно, что война с Турцией потребует всего внимания и ресурсов

¹See also Government of India to Salisbury, May 10, 1877, pp. 160-72; Salisbury to Lytton, Oct. 4, 1877, pp. 222-24; Lady Betty Balfour, Lord Lytton's Indian administration (London, 1899), pp. 161-66. In a telegram to Layard, Simla, June 11, 1877 (copy, Add. MS 39,130, fol. 55).

России¹. Однако русско-турецкая война скорее усилила, чем ослабила англо-русскую напряженность, хотя точка напряжения была перенесена из Центральной Азии на Ближний Восток.

Правда, мнения в Англии относительно войны разделились между теми, кто хотел полностью держаться в стороне от борьбы, и теми, кто хотел поддерживать Турцию всеми возможными средствами, даже с риском войны². Среди последних не было никого более убежденного в том, что Великобритания должна активно защищать свои интересы как на Ближнем Востоке, так и в Азии, чем Остин Генри Лэйард, который был послан в Константинополь в апреле, как раз перед началом русско-турецкой войны. Нет никаких сомнений в том, что, хотя он сохранял «правильную» дипломатическую позицию и официально проводил нейтральную политику, объявленную его правительством, он свободно давал свои советы туркам и делал все возможное, чтобы помочь им³.

В сложившихся обстоятельствах не было ничего более подходящего для позиции и целей Лейарда, чем поддержка мусульманского движения, которое могло бы не только укрепить султана, но и усилить сопротивление Центральной Азии России. Более того, поскольку Великобритания сама была «мусульманской державой», он считал, что лучше присоединиться к панисламскому движению, чем казаться равнодушным или настроенным против него. Таким образом, хотя он не был очень оптимистичен по поводу результатов обращений султана к своим собратьям-мусульманам, Лейард с самого начала наблюдал за развитием событий с большим интересом⁴.

И он, и Литтон отметили некоторые из ранних попыток заручиться мусульманской помощью для Турции. 30 апреля Лейард сообщил, что шейх-

¹Lady Gwendolen Cecil, *Life of Robert Marquis of Salisbury* (London, 1922), II, 152-56; W. F. Butler, *Life of Sir George Pomeroy-Colley* (London, 1899), pp. 180-83; Hansard, *Parliamentary debates* (3d ser.), CCXXXIV (London, 1877), 1561-66; Derby to Loftus, June 13, 1877, "Correspondence respecting Central Asia," P.P., 1878-79, LXXVI, C. 2164, pp. 111-13; Argyll, II, 370; and *Times*, June 18, 1877, p.48.

²D. E. Lee, *Great Britain and the Cyprus Convention policy of 1878* (Cambridge, Mass., 1934), pp. 49-50.

³Там же: с. 44-49.

⁴Layard to Beaconsfield, June 20, 1877, *ibid.*, pp. 181-85; Layard, *Memoirs*, Vol. V, fols. 42-43, Add. MS 38,935. Layard wrote on July 3, 1877 (copy, Add. MS 39,130, fol. 56).

уль-Ислам попытался отправить афганца с письмом к эмиру, приглашая его воевать с Россией во имя ислама, и что он также призвал кашгарского посланника, племянника Якуб-хана, вернуться в Туркестан и поднять восстание населения против России. В начале мая Лейард отметил, что султан говорил с кашгарским посланником о необходимости объединения всех азиатских мусульманских государств для предотвращения российских замыслов в Турции и Азии и об их обращении к Англии за помощью и советом¹. 4 июня Лорд Литтон написал Лейарду что к эмирам Кабула и Бухары был послан специальный посланник с призывом напасть на Россию. Но, по его словам, поскольку посланник был бывшим слугой британского вакила в Кабуле, он считался британским шпионом и, следовательно, вряд ли имел какое-либо влияние. Литтон советовал, что, если султан действительно хочет обеспечить активное сотрудничество Афганистана против России, «он не должен терять времени и направить в Кабул Миссию, имеющую какое-то значение, во главе которой стоит человек более выдающийся». В этом случае, по его мнению, эмир не может пренебречь приказами из Константинополя, если они будут одобрены в Мекке и публично сообщены ему в открытом дурбаре, и сам Литтон возьмет на себя обязательство предоставить такую миссию беспрепятственного прохода через Индию².

8 июня, за несколько дней до того, как это письмо дошло до него, Лейард телеграфировал в министерство иностранных дел и лорду Литтону запрос от султана, спрашивая, будут ли какие-либо возражения против его отправки агента в Афганистан, миссия которого не будет противоречить британским интересам, но которому будет «поручено сделать все, что в его силах, чтобы содействовать им». Это сопровождалось просьбой великого визиря

¹Layard to Derby, Tel. No. 32, Pera, Apr. 30, 1877, deciphers, Public Record Office MSS, Foreign Office (hereafter cited as "F.O.") 78/2597; and Disp. No. 426, Constantinople, May 9, 1877, F.O. 78/2571.

²Lytton to Layard, private letter, Simla, June 4, 1877, Add. MS 38,969, fols. 113-15. The name of the envoy was Gholam Hussan, who was subsequently accused of persuading the amir that he had a grievance against the English on account of Quetta (Lytton's private secretary, O. J. Burne, to Layard, Nov. 23, 1877, *ibid.*, fols. 131-32). For other references to him, see P.P., 1878-79, LVI, C. 2190, pp. 138, 145; Kaliprasanna De, *Life and career of Cavagnari* (Calcutta, 1881), p. 29; and "News from India," *Times*, July 10, 1877, p. 11.

относительно отношения Великобритании к назначению Турцией консула в Пешаваре на северо-западной границе Индии¹.

Следует сразу отметить, что инициатива в предложении миссии была здесь, как и в последующей официальной переписке, приписывалось султану и то, что одной из целей миссии было продвижение британских интересов.

В то время как ситуация в Константинополе и предыдущие обращения к мусульманскому миру сделали желание султана отправить посланника в Афганистан вполне естественным, взгляды Лейарда, и его переписка предполагают, что он имел более чем небольшое отношение к первому запросу султана. Действительно, в частном письме Дизраэли от 20 июня Лейард взял на себя ответственность за то, что «побудил султана направить посланника в Афганистан, чтобы противодействовать российской политике Амира и содействовать политике Англии».

Какова бы ни была истинность этого утверждения, которое, возможно, было сделано для того, чтобы подчеркнуть влияние Лейарда на султана, более полное изложение как взглядов султана, так и амбициозных целей Лейарда содержится в письме Литтону, написанном всего через неделю после официального запроса относительно миссии в Кабул. Это стоит процитировать частично: Турецкое правительство, без сомнения, пытается создать своего рода лигу Мохаммедана или конфедерацию государств в защиту ислама и России. Она стремится направить с этой целью своих посланников в Центральную Азию. Сам султан проявляет большой интерес к этому вопросу и говорил со мной на эту тему. Вы узнали, что прошло по телеграфу. Он говорит, что очень хочет помочь поддерживать сердечную дружбу между Англией и Афганистаном, поскольку считает, что, если они поссорятся, Россия в конечном итоге утвердится в Афганистане и что дело ислама в Центральной Азии тогда будет безнадежным. Поэтому в интересах

¹Layard to Derby, Tels. Nos. 146 and 147, June 8, 1877, deciphers, F.O. 78/2598, and copies, Add. MS 39,130, fol. 55; and telegram to L3'tton, June 8, 1877, copy, Add. MS 39,164, fol. 8. This last reference is to Layard papers, Vol. CCXXXIV.

Англии и Турции, чтобы Амир не попал в руки России. Султан чувствует это так глубоко, что желает, чтобы Шейх-эль-Ислам издал своего рода отлучение от церкви против всех мусульман, которые будут помогать или подстрекать Шер Али в его политике против Англии и в пользу России. Я думаю, что я мог бы заставить его сделать все, что вы пожелаете, в отношении мусульманских государств и населения Центральной Азии, где султан как глава Веры все еще имеет большое влияние. Он, как вы знаете, был в косвенных отношениях с ними в течение некоторого времени Якуб-хан (кашгарский посланник) и другие, связанные с Центральной Азией, по-видимому, считают, что не было бы никаких трудностей в том, чтобы поднять всеобщее восстание против России, если бы Англия поощряла и отождествляла себя с ней, но что мусульманские князья и народ, находящиеся сейчас под русским правлением и влиянием, не колебались бы ответить на неподдерживаемый призыв, обращенный к ним Турцией. Пригласить мусульманские государства восстать против России, а затем бросить их на произвол ее мести было бы невежливо и жестоко. С другой, мы не должны скрывать от самих себя, что, если России удастся осуществить свои замыслы в конце войны с Турцией, наши имперские интересы будут самым серьезным образом поставлены под угрозу. Я убежден, что, если она присоединит Армению, наша Индийская империя подвергнется самой серьезной опасности. Север Персии должен последовать за ней, и если России удастся открыть для своего флота Босфор и Дарданеллы, наши дороги в Индию будут в ее власти, будь то через Суэц, Месопотамию или Герат.

В последующем письме от 12 июля 1877 года Лейард подытожил свои взгляды следующим образом: Султан по-прежнему оказывает очень большое влияние на мусульманский мир, и это в значительной степени отвечает интересам правительства, которое имеет около 40 или 50 миллионов мусульманских подданных, чтобы быть с ним в хороших отношениях. Нам не

составит труда дать ему понять, что у нас есть общие интересы в Центральной Азии, и мы должны иметь в его лице очень полезного и ценного союзника¹.

Таким образом, в этих цитатах мы имеем краткое изложение панисламских целей султана и причин, по которым Лейард был готов их поддержать. Лорд Литтон, хотя он, несомненно, разделял взгляды Лейарда на панисламизм, ограничился рассмотрением данного вопроса и с жадностью поддержал идею турецкой миссии в Кабуле. В ответ на сообщение Лейарда о расследовании султана он повторил телеграммой информацию, содержащуюся в его письме от 4 июня относительно предыдущей миссии, а также заверил, что разрешит посланнику проехать через Индию. Он подытожил свои прошлогодние предложения эмиру и заявил, что последний получил деньги от Кауфмана и обещания доли в Индии, если он предоставит России право доступа к ней через Афганистан. Но Литтон считал, что эмир был очень непопулярен, ему не доверяли его подданные и соседи из-за его интриг с Россией, и «без нашей защиты», скорее всего, «будет убит или убит». Вскоре его свергли. Литтон в то же время телеграфировал лорду Солсбери в индийское отделение, что, по его мнению, турецкая миссия была бы в высшей степени благоприятна для индийских интересов и что, хотя Англия не должна и не может способствовать провокации афганских военных действий против России, она не обязана предотвращать это. Далее он утверждал, что для эмира было бы лучше направить большую армию, которую он собрал, против России, а не против Индии, и ничто, кроме его низложения или обращения к нему султана, не могло помешать достижению взаимопонимания между эмиром и российскими властями².

Таким образом, в то время как Лейард был готов помочь султану в организации крестового похода против России в Центральной Азии и фактически рекомендовал эту политику Дизраэли³, Литтон преследовал

¹Copies of Layard to Lytton, private, Therapia, June 14, 1877, Add MS 39,130, fols. 36-37; and July 12, 1877, *ibid*, fols. pp. 65-67.

²Viceroy to Layard, two Tels., June 11, 1877, Add. MS 39,130, fols. 55-56; and to secretary of state, personal and secret telegram, June 10, 1877, Add. MS 39,164, pp. 161, 164-66.

³Letter of June 20, 1877.

меньшую цель – попытаться удержать Афганистан от попадания под влияние России. Другие официальные лица в Индии и в Лондоне заняли иную позицию, чем Лейард или Литтон.

Луис Каваньяри, комиссар в Пешаваре и человек, от которого в то время Литтон в первую очередь зависел в получении информации об Афганистане, считал, что миссия в Кабул и турецкий консул в Пешаваре не могут причинить вреда, пока Турция, несомненно, дружественна с Англией, но в целом он не доверял религиозным агентам и считал, что они мало помогают Англии. Кроме того, он чувствовал, что Порта имела преувеличенное представление о влиянии султана в этом регионе. Однако Каваньяри явно не решался выступить против турецких предложений и утверждал, что, если турецкий посланник сможет убедить мусульман в том, что он действительно послан султаном, независимо от британских побуждений, он может сплотить проанглийскую фракцию среди афганцев. Он пришел к выводу, что весь этот вопрос следует рассматривать осторожно, чтобы избежать усиления существующих трудностей с эмиром¹.

Продвижение России в Среднюю Азию, когда ее призвали ответить на вопросы в палате лордов в июне². 14 июня он сообщил министерству иностранных дел, что, по его мнению, нет никаких оснований для учреждения турецкого консульства в Пешаваре, и он не может поощрять миссию в Кабул или давать какие-либо обещания о согласии с ней со стороны индийских властей. Он указал, что британская ассоциация с миссией, целью которой, как можно предположить, является война между Россией и Афганистаном, может вызвать смущение не только потому, что Англия находится в мире с Россией, но и потому, что поражение в Афганистане может в конечном итоге вынудить Британию участвовать в конфликте³.

¹Copies of Lytton to Cavagnari, Tel., June 10, 1877; Cavagnari to Lytton, Tels., June 11 and 12, and two letters, June 11 and 19, 1877, Add. MS 39,164, fols. 9-10.

²Cecil, II, 124-25, 129, and 145-46; and Hansard, Parliamentary debates (3d ser.), CCXXXIV, 1564-66.

³Mallet to Tenterden, India Office, June 14, 1877, F.O. 78/2668.

Не дожидаясь официального одобрения или неодобрения Лондона, Лейард продолжил договариваться с Портой и Литтоном. 18 июня он составил меморандум, в котором советовал Порте направить миссию в Кабул¹, а 19 июня он телеграфировал, что султан выбрал «кадиаскера Ахмеда Хулуси Эфенди», брата бывшего великого визиря, возглавить миссию в Кабуле и что шейх-уль-Ислам дал строгие инструкции посланнику угрожать эмиру «отлучением», если он не перестанет доставлять неприятности англичанам. Миссия состояла также в том, чтобы передать письмо дружбы и подарки ахуну из Свата, аскету, который, как считалось, имел большое влияние среди мусульман Афганистана и северо-западной границы Индии. Лейард поговорил с великим визирем о ситуации в Кабуле и предложил инструкции для посланника. Он посоветовал Литтону проявлять к нему любое внимание, совместимое с британским нейтралитетом².

Литтон едва ли нуждался в этой подсказке, так как он телеграфировал, что индийское правительство будет относиться к посланнику султана как к своему гостю, но без показухи, и он настаивал, чтобы посланник путешествовал быстро, как можно скорее. Он продолжал объяснять, возможно, для информации Лейарда в разговоре с великим визирем, что, если посланник сможет получить согласие эмира на создание британских агентов в Кандагаре и Герате, которые, по мнению Литтона, должны находиться под британским контролем, он будет удовлетворен, не вмешиваясь в независимость Афганистана. Но если бы такое соглашение не было достигнуто, он был бы вынужден расстроить эмира, поскольку он не мог позволить себе ждать дольше, так как он ожидал, что русская оккупация Мерва произойдет менее чем через шесть месяцев. В то же время Литтон сообщил Солсбери, что индийское правительство «единодушно считает, что эффект миссии может быть благоприятным для наших интересов». Это могло бы

¹Draft of "Very confidential memorandum," communicated to the Porte, June 18, 1877, F.O. 195/1162.

²Layard to Derby, Tel. No. 178, June 19, 1877, decipher, F.O. 78/2598; Layard to Lytton, Tel., June 19, 1877, copy, Add. MS 39,164, fols. 11-12. Cf. Toynbee, I, 40.

отвлечь мусульманские симпатии от эмира и помочь положить конец российскому влиянию и интригам в Кабуле, дальнейшая терпимость к которым была бы опасной¹.

Приготовления к миссии султана были, таким образом, хорошо продвинуты, когда Лейард и Литтон были уведомлены из Лондона 21 июня, что это нежелательно и не может быть разрешено пройти через Индию. На самом деле постоянный заместитель министра иностранных дел лорд Тентерден написал Лейарду, что в этом вопросе «царит ужасная неразбериха». Выразившись довольно мягко, он продолжил объяснять: Литтон не имел полномочий санкционировать это, пока не было получено одобрение Индийского офиса. Индийское ведомство и правительство здесь решительно не одобряют эту меру, но, похоже, вы уже сообщили Порту с разрешения Литтона, что она была одобрена. Прямая телеграмма между посольствами достаточно плоха, но одному Аллаху известно, что произойдет, если наша внешняя политика будет направлена из Индии, а не из более умеренного климата Лондона².

Лейард и Литтон пытались оправдать свой поступок неоправданной задержкой в Лондоне с ответом на первые телеграммы, хотя ясно, что Лейард поступил довольно опрометчиво, получив личную поддержку Литтона. Последний в энергичной телеграмме лорду Солсбери попытался убедить правительство разрешить проход турецкой миссии через Индию, подчеркнув последствия отказа для индийских мусульман. Он заявил: Сильное волнение, которое недавно и быстро возникло среди наших магометанских подданных и феодалов, не опасно только до тех пор, пока оно свободно от подозрений, что мы находимся под влиянием российской агрессии против султана. Это волнение с каждым днем становится все более интенсивным и не лишено значительного влияния на остальную часть населения, особенно на

¹Viceroy to Layard and to secretary of state, Tels., June 19, and to Layard, Tel., June 20, 1877, copies, Add. MS 39,164, fols. 2-3 and 11. The last is given in the confidential print as dated the 19th (*ibid.*).

²Draft Tel. to Layard, June 20, 1877, F.O. 78/2560; secretary of state to viceroy, secret and personal, Tel., June 21, 1877, copy, Add. MS 39,164, fol. 12; and draft of Tenterden to Layard, F.O., June 21, 1877, F.O. 363/2.

индуистских вождей. Перед лицом этих фактов правительство Индии единодушно считает, что в прохождении Миссии через Индию нельзя безопасно отказать. Такой отказ был бы безошибочно расценен всей магометанской общиной, включая наших магометанских солдат, как враждебный акт по отношению к Турции, продиктованный страхом перед Россией.

Он заявил, что объявление о миссии уже было опубликовано агентством Рейтер и прочитано всеми мусульманскими «подданными, феодалами и союзниками». Далее он заявил, что, если Россия пожалуется на миссию, индийское правительство готово доказать, что его действия были оправданы серьезным характером действий России в Афганистане. И, наконец, он пришел к выводу, что отказ от миссии был настолько серьезен, что, если он будет продолжаться, правительство Индии не будет нести ответственности за «мир в стране, если не за безопасность Империи»¹.

Кабинет министров в Лондоне отменил свое решение наложить вето на миссию и сообщил об этом Лейарду 23 июня, а Литтону на следующий день. Причиной этого, однако, был не страх перед мусульманским гневом в Индии, на который Солсбери, по крайней мере, относился довольно беспристрастно, а тот факт, что Лейард уже связал себя обязательствами перед султаном, и при таких обстоятельствах кабинет не хотел показаться невежливым по отношению к турецкому государю. Было, однако, решено, что Литтону следует строго предписать, чтобы ни он, никто-либо в индийском правительстве не действовал по отношению к турецкому посланнику каким-либо образом, который мог бы отождествить британское правительство с ним, хотя они должны были обращаться с ним вежливо и быть вежливыми. обеспечьте ему беспрепятственный проход через Индию. Кроме того, необходимо было позаботиться о том, чтобы предотвратить демонстрации

¹Viceroy to secretary of state, Tel., June 23, 1877, copy, F.O. 78/2668. Layard's self-justification is contained in letters to Derby, June 27 and July 10, 1877, copies, Add. MS 39,130, fols. 46-47 and 60-61. For brief notice of the mission, see Times, June 20, 1877.

мусульман, устроив так, чтобы посланник отдыхал в местах, где мусульманское население не было преобладающим. Литтон был возмущен некоторыми ограничениями, наложенными на его отношение к миссии, и считал, что «предполагаемое недоразумение» по этому поводу привело к расколу в кабинете министров, в котором Солсбери играл позорную роль¹.

Как ни медленно британское правительство санкционировало миссию в Кабул, турки все же медлили с ее началом. Только 12 июля Ахмет Хулусси Эфенди, посланник султана, покинул Константинополь. Перед отъездом у Лейарда была возможность поговорить с ним, а также с султаном, великим визирем и шейхом-уль-Исламом и узнать его намерения и инструкции. Все настаивали на том, что посланник должен был убедить Шир Али не слушать Россию, а поддерживать самые дружественные отношения с индийским правительством. Эта политика, по мнению султана, была единственной, которая соответствовала интересам ислама, Турции, Центральной Азии и Англии. Сам посланник заверил Лейарда, что будет действовать в соответствии с любым его советом. мог бы получить от британских чиновников и вообще отдал бы себя в их руки².

Процедура работы посланника была изложена в его инструкциях в общих чертах. Через Индию до Пешавара его должен был сопровождать турецкий консул в Бомбее. Там он должен был послать членов своей миссии к ахуну Свата и к главным вождям и улемам, чтобы предостеречь их от России и склонить их подчиниться «августейшим приказам имама ислама и халифа». Подготовив таким образом почву, посланник должен был отправиться в Кабул, где он сообщит эмиру, что Россия является врагом ислама и намерена аннексировать Бухару, а затем Афганистан, и что, следовательно, эмир должен быть в мире с Англией, другом Турции. Он должен был указать, что султан,

¹Lytton to Layard, private, Simla, "2 June," 1877, Add. MS 38,969, fols. 109-12. (Tels. to Sandeman at Quetta and to Cavagnari, June 28, 1877, copies, Add. MS 39,164, fol. 14).

²Layard to Derby, Disp. No. 752, Therapia, July 10, 1877, F.O. 78/2576; Layard to Lytton, private, Therapia, July 12, 1877, copy, Add. MS 39,130, fols. 65-67. Layard had explained in a letter to Lytton of June 27 (copy, *ibid.*, fols. 48-49).

как халиф, предупредил эмира, что, слушая Россию, он передаст ей пять или шесть миллионов мусульман, навлечет разорение на соседние мусульманские государства и тем самым нарушит священный закон Пророка. Чтобы защитить ислам и сохранить свою независимость, эмир должен иметь армию в 150 000 человек. Посланник должен был, в общем, сделать все, что в его силах, чтобы возобновить дружественные политические отношения между Англией и Афганистаном, и должен был руководствоваться обстоятельствами. После завершения своей миссии он должен был покинуть Ахмет-Эфенди, члена миссии, в Пешаваре и вернуться в Константинополь¹.

Посланник султана отправился через Египет и там имел беседу с хедивом, на которого он, по-видимому, не произвел большого впечатления². По прибытии в Бомбей 9 августа он был встречен салютом из пятнадцати орудий и спокойно развлекался в течение двух дней. Затем в сопровождении турецкого консула он продолжил свой путь³. В Равалпинди он послал двух членов своей миссии к ахуну Свата, который, однако, отказался принять их, сославшись на то, что ему, аскету, не подобает принимать чисто политическую депутацию. Эта проверка не предвещала ничего хорошего для успеха миссии и подтверждала утверждение тех, кто заявил, что турецкий султан не имел большого влияния в этом регионе. После краткого пребывания в Пешаваре и после того, как он оставил там консула, чтобы продолжить связь с Константинополем, посланник отправился в Кабул 1 сентября, достигнув столицы Афганистана 8-го. Он пробыл там около месяца, а затем, вместо того чтобы вернуться прямо в Константинополь, отправился в Мекку, где пробыл несколько месяцев.

Сообщения о том, что произошло в Кабуле, противоречивы и по большей части не заслуживают доверия, особенно в отношении турецкого

¹Layard to Derby, Tel. No. 262, July 13, 1877, decipher, F.O. 78/2598.

²"Turkish mission to Kabul," Add. MS 39,164, fol. 102.

³"Turkish mission to Kabul," loc. cit., fols. 99-108. This summary of the whole subject, printed for the cabinet, contains the fullest account of the mission up to October, 1877, but news of it may be gleaned from the English newspapers, particularly the Times (July 14, p. 7; Aug. 10, p. 5d; Aug. 15, p. 5a; Sept. 3, pp. 4/and 5a; Sept. 19, p. 5e; Sept. 26, p. 4; Sept. 27, p. 6a; Sept. 29, p. 5f; Oct. 1, p. 5a; and Oct 6, p. 11a).

посланника, хотя они довольно последовательны в отношении слов эмира¹. Прежде всего, в то время как турецкая миссия была встречена салютом из семнадцати орудий и отведена в специальный лагерь, эмир, сославшись на недомогание, задержал собеседование примерно на пятнадцать дней. Истинная причина, без сомнения, заключалась в том, чтобы дать время посланникам вернуться из ахуна Свата, к чьему совету, как сообщалось, обратился Шир Али, относительно его отношения к возможным предложениям британского союза и военных действий в отношении России. Но в его случае, как и в случае с посланником, ахун перестраховался и заявил, что он заинтересован только в благополучии ислама и что эмиру лучше посоветоваться со своими собственными интересами².

Как бы много правды ни было сообщения о том, что произошло в Кабуле, противоречивы и по большей части не заслуживают доверия, особенно в отношении турецкого посланника, хотя они вполне соответствуют позиции и даже словам эмира. Прежде всего, в то время как турецкую миссию приветствовали салютом из семнадцати орудий и отвезли в специальный лагерь, эмир, сославшись на недомогание, отложил собеседование примерно на пятнадцать дней. Истинная причина, без сомнения, заключалась в том, чтобы дать время посланникам вернуться из Ахун Свата, к чьему совету, как сообщалось, обратился Шир Али, относительно его отношения к возможным предложениям о британском союзе и военных действиях против России. Но в его случае, как и в случае с посланником, ахун перестраховался и сказал, что его интересует только благополучие ислама и что эмиру лучше посоветоваться со своими собственными интересами. Неважно, сколько в этом правды и русские, и англичане продвигались вперед, и в связи с последними он в начале года много сделал для оккупации Кветты. У членов миссии сложилось впечатление, что это было большим препятствием на пути к соглашению с Англией, и они сообщили, что вывод англичан из Кветты был непрямым

¹Simla, Nov. 14, 1877, copy, Add. MS 39,164, fols. 77-85.

²Through Asiatic Turkey (London, 1878), II, 320-27.

условием любого англо-афганского союза. Сообщалось, что этот вопрос был одним из главных вопросов, поднятых в письмах и посланиях, отправленных эмиром в ответ на письма султана¹.

Если на Шир Али и произвели впечатление аргументы в пользу единства мусульман, то он выдвинул очень веские причины, по которым не мог помочь султану. Афганистан находился слишком далеко от Турции, чтобы помочь войскам султана в полевых условиях, и не был достаточно силен, чтобы в одиночку сражаться с Россией в Центральной Азии. Неизбежное поражение не принесло бы султану никакой пользы. Кроме того, спросил он, почему англичане не помогли ему, если они были его друзьями²?

Таким образом, поэтому, как и по другим вопросам, эмир, по-видимому, довольно убедительно и твердо ответил на вопросы и советы посланника. В целом его позиция означала провал турецкой миссии практически по всем важным вопросам, за исключением, возможно, установления более тесных отношений с султаном – халифом.

Причины неудачи не надо было долго искать. Отношение ахунда из Свата, вероятно, было серьезным ударом по престижу миссии. Кроме того, и Лейард, и Литтон придавали большое значение тому факту, что, по их мнению, Ахмет Хулусси Эфенди был слабым и фанатичным человеком, не имеющим дипломатического опыта или знания политики. Они также верили, что Лалл Шах, которого описывали как афганца Уроженец Равалпинди, «коварный человек миссии» и «интриган и предатель», оказал неблагоприятное влияние на посланника и в то же время сорвал попытки афганцев-англофилов установить более тесные контакты с миссией в Кабуле. Лейард безуспешно пытался избавиться от него через турецкого великого визиря³. Но, совершенно независимо от этих личных вопросов, очевидно, что никакое количество

¹Syud Lall Shah, loc. cit.; Bradford to Lytton, Nov. 14, 1877, loc. ext.; Lytton to Layard, Nov. 18, 1877, Add. MS 39,164, fols. 73-75; the same, Oct. 14, 1877, Add. MS 38,969, fols. 125-28; Burne to Layard, Agra, Nov. 23, 1877, ibid., fols. 129-38; and Balfour, pp. 163-64.

²Geary, II, p. 326-27.

³Layard, Memoirs, Vol. V, loc. cit., fol. 45; Balfour, p. 163; Burne to Layard, Nov. 23, and Bradford to Lytton, Nov. 14, 1877, loc. cit. For Lall Shah: "Turkish mission to Kabul," Appen. III, loc. cit; Layard to Lytton, Tel., July 20, 1877, copy, Add. MS 39,164, fol. 31; Lytton to Layard, Tels., Oct. 5, 15, and 20, 1877, deciphers, ibid., fols. 66, 68, 70.

проницательной дипломатии не могло изменить факты в ситуации, которая заставила Шир Али бояться и не доверять англичанам, а также русским и заставила его следовать политике, пытаясь уравновесить одно против другого¹. Почему он должен рисковать своей независимостью ради далекого султана, выступая против России и либо терпя поражение от ее рук, либо принимая удушающую помощь англичан, если, действительно, он мог рассчитывать на их помощь?

Тем не менее миссия имела определенное значение в связи как с панисламским движением, так и с трехсторонними отношениями Англии, России и Афганистана. Во-первых, история миссии подтверждает обычное представление о мотивах, методах и характере панисламизма. В своих обращениях к Афганистану, а также к другим мусульманским странам султан надеялся создать мусульманскую лигу с очень практической целью помочь победить Россию. С подачи Лейярда он попытался воззвать к чувству исламской солидарности и по этой причине выбрал для миссии в Афганистан муллу, а не политика, хотя Шир Али, по-видимому, был скорее раздражен, чем впечатлен этим выбором². Ибо, несмотря на акцент на религии, политическая ситуация русско-турецкой войны, с одной стороны, и англо-афганского отчуждения, с другой, в сущности, была определяющим фактором как на стороне султана, так и на стороне Шир Али. Однако, что нового в выводах, которые следует сделать из истории этой миссии, так это то, что это был важный этап развития от более раннего периода смутных панисламских устремлений до периода после Берлинского конгресса, когда султан всерьез попытался объединить и организовать силы ислама "для сопротивления давлению христианского мира"³.

Что касается непосредственного воздействия миссии на Афганистан или Индию, то трудно сделать удовлетворительный вывод. Ходили слухи, что

¹Bombay Guardian, Nov. 24, 1877, pp. 309-10; and *Times*, Dec. 18, 1877.

²"Why has the Porte sent me a Mulla? I want a diplomat" (Burne to Layard, Nov. 23, 1877, loc. cit.).

³Valentine Chirol, "Pan-Islamism," *Proceedings of the Central Asian Society*, Nov. 14, 1906, p. 6. Cf. Chirol, "The downfall of the Ottoman khilafat," *Journal of the Central Asian Society*, XI (1924), 231.

Шир Али послал своих агентов в Константинополь, когда турецкий посланник покинул Кабул, и что он рассчитывал основать свое решение относительно своей будущей политики в отношении Англии и России на их сообщениях¹. Кроме того, когда англо-афганская война 1878 года вот-вот должна была разразиться, Шир Али называл себя "вассалом" султана; и последний, по словам Лейярда, снова предложил использовать все свое влияние, чтобы убедить эмира в том, что он должен поддерживать дружеские отношения с Англией.² Об индийских мусульманах имеется мало свидетельств от самих мусульман и очень противоречивых свидетельств от английских авторов³.

Среди последних либералы почти всегда принижали идею о том, что Индия заинтересована в султани-халифе или находится под его влиянием, и сторонники правительства поддерживали ее – известный востоковед Арминий Вамбери, однако, протестовал против того, как Ахмет Хулусси Эфенди был спешно перемещен по Индии и ограничен в контактах с мусульманами, предупреждая, что распространяющиеся там "панисламистские" чувства не следует игнорировать⁴. Какова бы ни была истина по этому вопросу, ясно, что то, как Литтон и Лейард поддерживали миссию и выступали в ее поддержку, является еще одним доказательством в поддержку утверждения о том, что панисламизм в Индии был-по крайней мере частично—продуктом политики и пропаганды англичан⁵.

Что касается англо-российских отношений, то существует мало свидетельств того, что миссия в Кабул вызвала нечто большее, чем легкий

¹Lytton to Layard, Tel., Oct. 20, 1877, loc. cit.; telegram from Bombay, Pall Mall Budget, Nov. 24, 1877, p. 29; and extract from Peshawar newsletter, Jan. 28, 1878, P.P., 1878-79, LXXVI, C. 2164, p. 127.

²Further correspondence respecting affairs in Central Asia,"P.P., 1880, LXXXVIII, C. 2470, pp. 20, 23; Layard, Memoirs, Vol. VIII, Add. MS 38,938, fols. 16-17; Layard to Salisbury, Oct. 4, 1878, copy, Add. MS 39,131, fols. 179-81; Layard to Lytton, Jan 28, 1879, copy, Add. MS 38,971, fols. 111-17. Cf. Valentine Chirol, "Pan-Islam-ism," loc. cit., p. 12.

³Cf. Nord, June 29, 1877, p. 3. It is impossible to indicate all the literature on this controversial subject, but something of the character of the debate in 1877 may be gleaned from Hansard, Parliamentary debates (3d ser.), CCXXXIV (1877), 53G-57, 909-10, 1835-37, and the series of letters to the Times by George Birdwood and George P. Badger (July 9, p. 6e, to Oct. 18, 1877, p. 8/).

⁴Vamberry to the editor, Daily Telegraph (London), Jan 12, 1878, p. 3. It is interesting to note that this is perhaps the earliest appearance in English of any form of the word "Pan-Islam".

⁵Toynbee, I, 40-41; G. Wyman Bury, Pan-Islam (London, 1919), p. 13; Malcolm MacColl, "The Musulmans of India and the sultan," Contemporary review, LXXI (1897), p. 293-94.

переполох между Гирсом, главой азиатского департамента российского министерства иностранных дел, и лордом Лофтусом, британским послом в Санкт-Петербурге. В сентябре первый заявил, что он понимает цель миссии-проповедовать религиозный крестовый поход среди мусульманского населения Центральной Азии, и попросил Англию посоветовать эмиру Афганистана воздерживаться от любых действий, которые могут поставить под угрозу мир. Целый месяц спустя лорд Дерби уполномочил своего посла ответить, что у британского правительства «нет оснований предполагать, что целью этой миссии является проповедь крестового похода в Центральной Азии», и оно будет продолжать «использовать то влияние, которым они обладают на эмира Афганистана, чтобы побудить его поддерживать мир с Бухарой»¹.

Русских вряд ли удовлетворило такое двусмысленное заявление, но не было обнаружено никаких опубликованных свидетельств того, что их осведомленность о миссии имела какое-либо отношение к решению отправить Столетова в Кабул весной 1878 года. В одном из своих писем эмиру Столетов действительно предостерегал его от попыток англичан оказать на него давление через турецкого султана,² а известный русский юрист Мартенс утверждал, что жалобы англичан на миссию Столетова и шум вокруг нее в Англии кажутся странными в свете фактов, касающихся турецкой миссии в Кабуле³.

Наконец, история миссии заполняет значительный пробел в обычном описании англо-афганских отношений, поскольку до сих пор было очень мало сказано или известно о периоде от Пешаварской конференции в конце марта 1877 года до известий о миссии Столетова в Кабул в июне 1878 года. Русско-

¹Loftus to Derby, Sept. 12, and Derby to Loftus, Oct. 17, 1877, P.P., 1878-1879, LXXVI, C. 2164, pp. 121-122. Cf. Loftus to Derby, Oct. 23, 1877, *ibid.*, p. 123; and Anon., *Causes of the Afghan war* (London, 1879), pp. 288-289.

²Copy of Stolietov letter of Oct. 8, 1878, "Correspondence respecting affairs in Central Asia," P.P., 1881, XCVIII, C. 2798, p. 18; also quoted by Shir Ali, "Further correspondence concerning Central Asia, 1879," P.P., 1880, LXXXVIII, C.2470, p. 59.

³Copy of Stolietov letter of Oct. 8, 1878, "Correspondence respecting affairs in Central Asia," P.P., 1881, XCVIII, C. 2798, p. 18; also quoted by Shir Ali, "Further correspondence concerning Central Asia, 1879," P.P., 1880, LXXXVIII, C.2470, p. 59.

турецкая война, казалось, предлагала средство, с помощью которого можно было бы помешать русскому продвижению в Центральной Азии и соответственно продвинуть британские интересы. Таким образом, хотя султан направил одну миссию в Афганистан с просьбой о помощи, Лейард и Литтон поощряли его направить другую, главной целью которой, по их мнению, было вернуть эмира в британскую сферу влияния и добиться от него уступок Великобритании. Если бы их надежды оправдались и, если бы миссия султана в Кабуле была успешной в этом отношении, афганской войны 1878-79 годов вполне можно было бы избежать. Как бы то ни было, миссия представляла собой интересную, но тщетную попытку косвенно через османского султана добиться того, чего Литтону не удалось достичь путем прямых переговоров с Шир Али из Афганистана.

Делая вывод по данному разделу можно констатировать, что турко-русское соперничество не является случайным, ибо, во-первых, эта политическая игра является частью общей большой игры, затеянной другими мировыми державами, куда и была вовлечена Оттоманская Турция; во-вторых, султан Турции при поддержке и разжигания амбиции преследовал цель получить реванш за «балканскую развязку», обратите внимание, что этот вопрос только в XIX веке привела к четырем серьезным войнам между Турцией и Россией (1806-1812, 1827-1828, 1853-1856, 1877-1878 гг.); в-третьих, Оттоманская Турция, как ни как был заядлым целеустремляющим по созданию «тюркского халифата». В этом она поддерживалась со стороны мировых империй, но, до поры пока эта идейность не соприкасалась, и не становилась мешающим фактором в политических амбициях западных держав.

Надо отметить еще один важный момент, хотя Турция в центрально-азиатском вопросе не вел открытых военных операций, однако само присутствие в этой игре и ведение дипломатического диалога, с одной стороны, был неудобным моментом для России в много векторном отношении. С другой стороны, присутствие Турции в этом регионе был

удобным для нее развить идеологическую борьбу в форме, как – панисламизм и пантюркизм.

2.2. Основные векторы англо-русского соперничества в системе «Большой игры»

Если бы в Британском музее сто пятьдесят лет назад были реконструированы галереи, в которых хранится их коллекция классических древностей, открытие было бы ознаменовано Байроном и Китсом. Недавняя реконструкция прошла практически без регистрации. Поэзия и классика – это вкус меньшинства. На протяжении девятнадцатого века образованные англичане знали больше о Греции и Риме, чем о большей части Европы. О Ближнем Востоке знали только сказки. При рассмотрении «Большой игры» в Азии было бы глупо насмехаться над их невежеством и игнорированием географии; глупо было высмеивать их страх, то есть вторжения с суши. Они боялись того, о чем читали, – триумфа Александра и унижения Дария. Их память побудила их во время войны второй коалиции противостоять сухопутному вторжению в союзе не с Персией (прецедент был плохой), а с Афганистаном¹.

Российско-британские отношения в Центральной и Восточной Азии, вносит существенный, действительно впечатляющий и желанный, хотя временами затмеваемый и провокационный вклад в историческом исследовании «Большой игры», разыгранной на «шахматной доске» Азии Россией и Великобританией среди множества других поддерживающих, а также не очень поддерживающих актеров в XIX и начале XX веков. Работа помещена в первую очередь в области дипломатической истории и истории международных отношений, с вкладом в области военно-стратегической, (сравнительной) колониальной и постколониальной, транснациональной, мировой и глобальной истории, а также Ближнего Востока, в том числе в

¹Charles Weller, R. The Great Game, 1856-1907: Russo-British Relations in Central and East Asia, Baltimore, MD, John Hopkins University Press, 2013. P. 2-347 (552 pp.).

области центрально-азиатских, южно-азиатских и восточноазиатских исследований.

Надо отметить, что большая часть ученых по Большой игре возникла в результате холодной войны, повторное рассмотрение Большой игры посредством такого тщательного анализа источников оправдано, по мнению автора, не только недавним доступом к ранее недоступным архивам, но, что более важно, тем, что необходимость помочь исправить «искаженный образ России на Западе», а также «неточное восприятие западных стран многими россиянами» все еще сохранялась в постсоветский период. Это особенно верно, когда такие подходы оформляются как Хантингтонское «столкновение цивилизаций», «перманентная холодная война между славянством и Западом», истоки которой восходят к «драматическому» и явно непримиримому» различию между Русской и западной системы верований». Это справедливо, несмотря на утверждение автора о том, что «Великая игра заслуживает того, чтобы ее запомнили, поскольку она внесла весьма значительный вклад... в... общий контур мировой политики в двадцатом веке», а именно: «Давние политические союзы начали заменять хрупкие временные коалиции государств в международных делах, которые были типичными для так называемого Венского мирового порядка на протяжении всего XIX века». Это также помогло «прояснить географические мотивы в борьбе за мировое лидерство», укрепить «классификацию международных государственных систем», породить такие современные геополитические термины, как «буферное государство», «научная граница» и «сфера влияния» (или «интересов»)), а также «ввести в дипломатическую практику концепции разрядки и согласия»¹.

Поэтому предмет исследования не следует упрощать до его строго политических или экономических аспектов, рассматриваемого в первую очередь «через призму военного планирования или шпионажа», или «сводить

¹См. также: Charles Weller, R. The Great Game, 1856-1907: Russo-British Relations in Central and East Asia, Baltimore, MD, John Hopkins University Press, 2013. P. 2-347 (552 pp.).

к экспедициям» исследователей или разведывательных операций», как это было в большинстве работ «холодной войны» и даже в более поздних работах после «холодной войны». Феминистские подходы, которые изображают его как «сеть мужских клубов, укрепляющих пространственные и социальные барьеры, разделяющие пол», также недостаточны. Напротив, это сложный нарратив, который необходимо перестроить в соответствии с тремя, возможно, четырьмя «взаимосвязанными измерениями»:

1) «конкуренция за товары и капитальные вложения на доиндустриальных азиатских рынках»;

2) конкуренция между двумя отдельными «моделями ранней глобализации», а именно двумя основными империями России и Великобритании, которые обе стремились интегрировать «неевропейские декадентские общества» в свои области правления в социальном, политическом и экономическом плане;

3) «как сложная, многоуровневая деятельность по принятию и реализации решений, управляемая их правящими элитами»;

4) как важная эпоха в истории российско-британских отношений в Евразии, которая «ускорила их последующее сближение и военный союз в Первой мировой войне».

Что касается последнего из них, общие очертания российско-британских отношений в период после Крымской войны (т.е. после 1856 г.), отмеченный возобновлением напряженности с конца 1850-х до середины 1860-х годов (1). переходя к «мирному сосуществованию» к началу 1870-х годов, снова обострившись до точки, когда в конце 1880-х годов (особенно в 1877-1888 гг.) временами возник серьезный потенциал для войны. Затем отношения возвращаются к «мирному сосуществованию» в середине 1890-х годов, с «окончательным шатанием на грани войны» в начале 1900-х годов, что привело к их окончательному и прочному сближению между декабрем 1905 и

августом 1907 года, когда, по мнению автора, «Большая игра» официально подошла к концу¹.

На протяжении всего периода, несмотря на другие цели и мотивы, главной целью Британии оставалось сохранение «жемчужины в своей короне», Индии, в то время как Россия всегда держала в поле зрения доступ к стратегическим океанским водным путям, будь то через Черное море, Персидский залив или Тихоокеанский.

«Сочетание шести ключевых движущих сил запустило этот процесс»: прекращение Кавказской войны (1828–1859 гг.) с высвобождением российских войск в Среднюю Азию, «Мятеж сипаев» (1857–188 гг.) и его последствия, Второй опиумная война (1856–1860 гг.) в Китае, англо-персидская война (1856–187 гг.), конец британского и начало территориального экспансионизма России в связи с процессами индустриализации в середине 1800-х годов и Гражданская война в США (1861–1861 гг.), который отправил Великобританию и Россию на поиски альтернативных источников хлопка. Кроме того, «первый мировой экономический кризис 1857–1858 годов» подтолкнул Великобританию на азиатские рынки, «чтобы компенсировать британский дефицит в ее платежном балансе с континентальной Европой и Америкой»².

В течение двадцати пяти лет в конце девятнадцатого века все были уверены, что однажды Британия будет сражаться с Россией в Азии. Это была не только британская уверенность: никто не был уверен больше, чем Голштин и Бюлоу. Соответственно, британские государственные деятели были очарованы вопросом защиты Индии. Что может быть лучшей защитой, они никогда не могли решить, и они никогда не могли решить, насколько ближневосточные государства могут внести в нее свой вклад, и в частности,

¹Charles Weller, R. The Great Game, 1856-1907: Russo-British Relations in Central and East Asia, Baltimore, MD, John Hopkins University Press, 2013. pp. 298-343.

²Charles Weller, R. The Great Game, 1856-1907: Russo-British Relations in Central and East Asia, Baltimore, MD, John Hopkins University Press, 2013. p. 14-15.

может ли Афганистан внести больший вклад, чем Персия. Это была одна из самых знаменитых распрей между британскими генералами лордом Уолсли и лордом Робертсом. Они были согласны с тем, что Британия должна будет сражаться с Россией за господство над Азией, но в то время, как Робертс хотел воевать в Афганистане и Тартарии, Уолсли хотел воевать в Европе. Робертс утверждал, что только на востоке у Британии есть большая постоянная армия, способная сражаться с Россией: Уолсли ответил, что, ведя континентальную войну в Азии, британцы откажутся от стратегической мобильности, которую они получили от командования на море¹ предположили, что Робертс был оптимистичен, если только у британцев не было азиатского союзника; треть в Крыму, что и Уолсли, был таким же, если только у них не было европейского. Это было решающим ограничением. Начиная с наполеоновских войн, англичане постоянно предполагали, что в любом интересующем их вопросе какое-то континентальное государство будет более заинтересовано и будет на той же стороне.

К концу девятнадцатого века, когда русские аннексировали татарские государства и построили железные дороги до границы с Афганистаном, выбирать между Афганистаном и Персией практически не оставалось. По традициям Большой игры, когда одно оказалось ненадежным, британцы попробовали другое. В зависимости от того, что заставило британцев атаковать русский фланг. Преимущество боевых действий в Персии будет заключаться как можно дальше от Индии: боевые действия в Афганистане сократят британские коммуникации, но удлинит вражеские. У афганцев была вторая привлекательность. Возможно, они были менее подвержены давлению со стороны Санкт-Петербурга. Хотя в конце века это было сомнительно, в начале это было очевидно. Тогда преимущества Персии и Афганистана были очевидны; не то, чтобы это облегчало выбор между ними. Ни один из них не был клиентом русских, но в то время, как Персия имела преимущество перед

¹Greaves R. L. Persia and the Defence of India, 1884-1892, (London, 1959), pp. 3, 41.

правительством Индии в том, что она находилась как можно дальше, у Афганистана было преимущество перед советом контроля, заключающееся в том, что он находился вне политики Европы. Именно из-за того, что эти предположения подвергались сомнению, Пальмерстон в 1830-х годах начал беспокоиться. Персия вела себя как клиент русских, которые устранили первую альтернативу, в то время как Афганистан был втянут в европейскую политику, что исключило вторую¹.

Эти вопросы впервые возникли в 1798 году, после вторжения в Египет, когда противником была не Россия, а Франция. Не менее интересным последствием стало соперничество между Джоном Малкольмом, первым посланником Ост-Индской компании в Персии, и Харфордом Джонсом, их первым резидентом в Багдаде. Их враждебность стала печально известной, и в его житии Малькольм был увековечен сэром Джоном Кей². Вследствие этого вспоминают о Малкольме: до недавнего времени о Джонсе забыли³. Наследие Кея было несправедливо по отношению к ним обоим. Хотя каждый был занят своим собственным делом, часто по необходимости за счет другого, их мотивы не были исключительно личными. Малькольм представлял Уэлсли, который отвечал только за защиту Британской Индии. Уэлсли хотел вступить в союз с Персией. Джонс представлял Дандаса, который также был государственным секретарем по вопросам войны, и должен был убедиться, что оборона Британской Индии не должна противоречить второй коалиции. Дандас предпочел союз с Афганистаном. Малькольм был склонен к приключениям: Уэлсли не боялся вторжения. Джонсу нужно было быть осторожным. В результате эти двое мужчин по-разному представляли интересы Британии на Ближнем Востоке. Но миссия Малькольма в Персию была легендой. Вот рассказ Джонса.

¹Norris, J.L. *The First Afghan War*, (Cambridge, 1967). See also P. E. Mosely, *Russian Diplomacy and the Opening of the Eastern Question in 1838 and 1839*, (Cambridge, Mass., 1934).

²Kaye, J.W. *The Life of Major-General Sir John Malcolm*, (London, 1856).

³Yapp M.E. 'The Establishment of the East India Company Residency at Baghdad, 1798-1806', *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, VII (1959-60), pp.321-36.

Создание резиденции в Багдаде оказалось более спорным вопросом, чем оккупация Перима и Адена. Споры были частично административными, а частично политическими. Британцы всегда считали Ближний Восток двумя отдельными географическими областями. Государства Средиземноморья были бизнесом Левантской компании, государства Аравии и Персидский залив – Ост-Индской компании. Джонс вторгся в середину. Его вторжение вызывало возмущение отчасти потому, что он не отвечал, как агенты Левантской компании перед иностранным департаментом, ни как агенты Ост-Индской компании перед правительством Индии: он отвечал главным образом перед Дандасом в контрольном совете. Его назначение должно было разрешить разногласия между Дандасом и его коллегами. Когда летом 1798 года французы вторглись в Египет, британцы разошлись во мнениях не только о масштабах опасности для Индии, но и о ее природе. Контрольный совет спорил с министерством иностранных дел и правительством Индии о вероятности французского вторжения, а также с Ост-Индской компанией о том, каким путем пойдут французы, и о том, что нужно сделать, чтобы предотвратить их. Директора Ост-Индской компании согласились с тем, что Бонапарт может попытаться вторгнуться в Британскую Индию: они не ожидали от него успеха¹.

Харфорд Джонс был отправлен в Багдад в 1798 году, потому что Дандас и его главный советник Уильям Итон, публицист, который когда-то был голландским консулом в Басре, были убеждены, что французские силы, мобилизуемые в Тулоне, будут отправлены для нападения на Британскую Индию, и что они будут отправлены по суше. Ост-Индская компания полагала, что французы отправятся из Египта², а Дандас и Итон – из Сирии. Если да, то Дандас «не видел никаких оснований полагать, что цель достижения Индии не

¹Bosanquet to Duncan, June 1, 1798, The Despatches, Minutes and Correspondence of the Marquis Wellesley, K.G., During [his Administration in India, ed. M. Martin, (London, 1836-1877), i, 651. Grant to Scott, August 22, 1798, India Office Library, MSS. Eur. F.18, i, 99. Scott to Dundas, September 26, 1798, Melville Castle MSS., Scottish Record Office, GD 51/3/78.

²Bruce and Blair to Dundas, May 28, 1798, IOL Microfilm. MSS. 759.

может быть достигнута»¹. Его коллеги были нескорыми. Ни Гренвилл из министерства иностранных дел, ни Спенсер из адмиралтейства не верили, что французы нападут на Британскую Индию. Вкратце, когда они узнали, что султан Майсура предложил французам союз, Спенсер передумал. Если бы султан согласился отправить их из Суэца, французы нашли бы способ перебросить свою армию через Индийский океан². Поэтому Спенсер согласился отправить эскадру Бланкетта прямо из Англии для блокады Красного моря. Это удовлетворило Ост-Индскую компанию, потому что это остановило бы французов, если бы они прошли через Египет. Их ничто не остановит, если они пройдут по суше через Сирию. К сожалению, для Дандаса, чтобы остановить их прохождение через Сирию, потребовалась бы помощь министерства иностранных дел. Дандас хотел убедить турок напасть на французов и, если они откажутся, пригрозить им самим нападением со стороны России. Гринвилл отказывался верить, что французы сделают такую глупость, как отправятся в Египет или Сирию, где они не смогут повлиять на войну в Европе. Когда они все-таки ушли, он был в восторге и поэтому отказался помочь Дандасу, проявив необходимую инициативу в Константинополе и Санкт-Петербурге³. Этот отказ стал непосредственной причиной назначения Джонса.

Дандас и Итон разработали всеобъемлющий план защиты Индии, но Дандас должен был осуществить его, насколько мог, в пределах своих ведомств. Турки должны были стать лишь первым препятствием. Дандас предполагал, что, если французам удастся продвинуться к востоку от Турции, если они двинутся вглубь суши, эмир Афганистана нападет на них у Гиндукуша, тогда как если они двинутся вдоль побережья, амиры

¹Dundas to Grenville, June 13, 1798, Wellesley, I, 688. Dundas's analysis was based upon 'Memorandum by Eton on the practicability of the French finding their way to India by different routes', [May 1798], Melville MSS., SRO GD 51/1/768/10.

²Spencer to Christian, June 17, 1798, Private Papers of George, Second Earl Spencer, (Navy Records Society: London, 1913-23), IV, 171.

³Grenville to Buckingham, June 13, 1798, Duke of Buckingham, Memoirs of the Courts and Cabinets of George III, (London, 1852-55), II, 399. Dundas to Huskisson, August 27, 1798, Huskisson MSS., British Museum, Add. MSS. 38735, f. 110.

Белуджистана и Синда нападут на них у Инда. Наконец в случае, если все эти преграды рухнут, что само по себе может спровоцировать восстание британских подданных в Индии, Дандас планировал усилить индийскую армию 4000 европейцев. Это рассуждение показало, что британцы являются самыми глупыми и самыми мудрыми. Британцам пришлось приложить все усилия, чтобы отразить вторжение как можно дальше от Индии, потому что их подданные, вероятно, восстали. Не было оснований полагать, что индийские штаты помогут им отразить его. Дандас знал, что Земан-шах провел свое время, вторгаясь в Индию, и генерал-губернатор считал его врагом, если не сильным. Тем не менее Дандас предполагал со своей обычной уверенностью, что, если французы приблизятся к Афганистану, эмир поймет, что он так же сильно, как и британцы, заинтересован в их изгнании.

Ошибочность этого предположения была доказана Минто десятью годами позже. Посольства Минто в Лахоре, Кабуле и Синде показали, что ни одно из этих трех государств не интересовалось французами. Эмир Кабула искал союзника, который помог бы ему против его подданных; в то время как Ранджит Сингх, одновременно амбициозный и удивленный, согласился бы на союз, только если бы ему сначала разрешили аннексировать территорию между Сатледжем и Джумной, последним буфером между британцами и сикхами, и вторгнуться в Пешавар, который принадлежал Кабулу¹.

Британцы вели себя по отношению к индийским штатам так же, как они вели себя по отношению к ближневосточным штатам. Они пытались договориться о коалиции между тремя государствами, враждебными и враждебно настроенными по отношению к британцам, и всех не интересующихся их предполагаемым врагом. Местные государства помнили, что Персия конца девятнадцатого века, поощряя немцев, забыла, что лучшая гарантия их выживания была в качестве буфера между более сильными, но

¹Elphinstone to Minto, March 23, March 28, 1809, IO H/657, pp. 283, 367. Metcalfe to Edmonstone, September 20, September 24, 1808, IO H/593, pp. 37, 61.

враждебными державами. Если они не изгонят англичан, французское вторжение им вполне подходит.

Самой яркой особенностью этого плана было упущение Персии. О союзе с шахом Дандас ничего не сказал. Его причиной было отношение к России. Более десяти лет министерство Питта осыпало предложениями о союзе с Персией майором Джоном Моррисоном, офицером индийской армии, который нашел работу у монгольского императора. Когда Министерство иностранных дел проигнорировало Моррисона, он попытался заинтересовать торговый совет и Ост-Индскую компанию коммерческими перспективами¹. В 1796 году предложение Моррисона было рекомендовано Дандасу председателем Ост-Индской компании, но Дандас отклонил его. Моррисон утверждал, что правитель Фарса будет готов уступить Британии Бендер Аббас и острова Ормуз и Кишим, а также будет готов предоставить британцам обширные торговые права в Персии в обмен на оружие, боеприпасы и большую армию². Преимущества этого соглашения будут стратегическими. Помощь Британии позволила бы принцу Фарса выиграть гражданскую войну в Персии между Зандами и Каджарами; и пока столица страны оставалась в Ширазе, Персия была бы более восприимчива к давлению со стороны британцев, чем если бы каджары перенесли столицу на север. Даже если бы Занды не сокрушили Каджаров, пока Фарс оставался независимым государством, британцы имели бы преобладающее влияние в Фарсистане, Луристане и Систане, частях Персии, которые имели для них наибольшее значение³.

По мнению Дандаса, эти преимущества перевешиваются серьезными недостатками. Выбора между Зандами и Каджарами больше не было. Ранней осенью 1794 года Ага Магомет-хан Каджар, наконец, схватил Лютфа Али-

¹Morrison to Bland Burgess, September 9, 1789, Liverpool MSS., Add. MSS. 38409, f. 232. Morrison to Hawkesbury, January 26, 1790, *ibid.*, f. 252. Morrison later claimed that Pitt, Dundas, Leeds, and Liverpool, had all approved of his proposal, and that Pitt had promised it 'most serious consideration'. WO 1/623, p. 619. For a brief account of the career of Morrison, see Sir E. Cotton, 'Major John Morrison: Ambassador from the Great Mogul', *Bengal: Past and Present*, XLI (1931), pp. 71-73.

²Morrison to Lushington, February 20, 1796, WO 1/894, p. 25.

³Greaves, pp. 150-55.

хана, последнего из зандов, замучил его и предал смерти. Во-вторых, в их нынешнем виде правительство Персии находилось «на слишком ненадежной основе, чтобы дать разумную надежду на какие-либо постоянные связи»¹. Укрепление их могло быть провокационным. Помощь Зандам только привела бы британцев к конфликту с Каджарами: помощь Каджарам привела бы их к конфликту с русскими. Дандас понимал, что любое соглашение между правительством Индии и Персии будет осложнено отношениями Персии с другими державами Европы. Как только персидская армия будет восстановлена до подобия своей былой силы, они либо будут поощрены, а французы будут поощрять их выступить на Индию, либо, в качестве альтернативы, вести войну с большей энергией против русских на Кавказе. Что сдерживало Дандаса, так это передовая политика Екатерины II². Было бы неразумно со стороны британцев оскорблять русских союзом с Персией в то время, когда «каждый политический принцип, настоящий и будущий, указывает на Россию как естественный союзник Великобритании»³. Хотя Дандас хотел, чтобы русские оказали помощь против французов, хотя бы путем подстрекательства к туркам, переход через Россию на Ближнем Востоке мог не только подорвать коалицию, которая была для Дандаса жизненно важным национальным интересом, это могло также подорвать оборону Индии.

Эти приоритеты определили поведение Дандаса на протяжении лета 1798 года. Они объясняют его растущее недовольство Гринвиллом, который не соглашался ни с тем, что Британская Индия в опасности, а с тем, что ее защита была важнейшим национальным интересом. Когда Гринвилл отказался просить турок о сотрудничестве, Дандас решил обойти министерство иностранных дел, отправив Джонса в Багдад, чтобы побудить пашу и бейев Египта атаковать французов⁴. Итон предупредил Дандаса, что французы все

¹Dundas to Lushington, March 3, 1796, IO G/29/21. C. H. Philips, *The East India Company, 1784-1834*, (Manchester, 1961), p. 101

²Lang, D.M. *The Last Years of the Georgian Monarchy, p. 1658-1832*, (New York, 1957).

³Dundas to Pitt, December 1798, *The Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq., Preserved at Dropmore*, (Historical Manuscripts Commission: London, 1892-1927), IV, p. 433.

⁴Ramsay to Jones, July 5, 1798, IO Bombay SPP/380/73, p. 4240. Dundas to pasha of Baghdad, July 4, 1798, WO 1/358, p. 565. For a more detailed account of the manner of Jones's appointment, see below, Part IV.

равно продвинутся в Индию не по морю, а по суше. Однако, поскольку они не будут продвигать свои основные силы, пока не защитят свой фланг, захватив турецкие форты в Палестине и Сирии, при условии, что британцы смогут получить союзника, у них должно быть достаточно времени, чтобы победить французов где-нибудь в Леванте. Итон ничего не ожидал от турок, потому что Египет был не так важен для их империи, как Сирия, и они попытались бы игнорировать французов – самое мудрое, что они могли сделать, - а это означало, что британцам придется вместо этого полагаться на Русских, которых нужно убедить перехватить французов где-нибудь между Алеппо и Тебризом¹. Гринвилл, который был заинтересован только в коалиции, отказался от предложения России о союзе, если русские не смогут сначала завербовать австрийцев². Поэтому Итон предложил сам поехать в Санкт-Петербург, чтобы убедить царя помочь англичанам защитить Индию³. Дандас, рассерженный, согласился: «я его пошлю», - сказал он своему заместителю по войне, - «не обращая внимания на мнение кого бы то ни было из другого отдела»⁴. Итон, несмотря на это, в конечном итоге не ушел. Контрольный совет может законно заявить, что ему нужен агент в Багдаде: он может и не предъявить такого заявления в Санкт-Петербурге. Дандасу придется полагаться на старания Джонса.

Отказ Гринвилла означал, что Дандас не смог построить удовлетворительный барьер в Леванте. В сентябре он узнал, что, возможно, он также не сможет построить его, если это окажется необходимым в Гиндукуше. Дандаса предупредили, что Земан-шах никогда не будет помогать британцам защищать Индию, а вместо этого поможет французам атаковать ее⁵. Предлагаемое решение заключалось в российском влиянии в Персии, идея, которую также предложил Дандасу новый генерал-губернатор лорд Уэлсли.

¹Eton to Dundas, August 16, 1798, WO 1/1101, p. 525. David Scott was of the same opinion. Scott to Dundas, September 26, 1798, Melville MSS., SRO GD 51/3/3/78.

²Note by Lord Grenville on the heads of a conference with Count Vorontzoff, August 1798, Dropmore MSS., IV, p. 297.

³Eton to Dundas, August 22, 1798, Melville MSS., SRO GD 51/1/768/44.

⁴Dundas to Huskisson, August 27, 1798, Huskisson MSS., Add.MSS. 38735, f. 110.

⁵Sullivan to Dundas, September 11, 1798, Melville MSS., SRO GD 51/1/768/78.

Следует попросить русских убедить персидского шаха вторгнуться в Афганистан¹. Это предотвратит вторжение эмира в Индию в союзе с французами и Типу-султаном, и хотя это не помешает французам достичь Индии по суше, это предотвратит их вторжение в Индию. Наконец, если русские не будут делать ничего другого, было предложено разрешить британцам нанять 10 000 солдат для усиления своих армий на востоке. Дандас не стал бы вторгаться в Персию в одиночку, но он был готов сделать это с русскими. Совместное предложение вынудило бы русских признать, что французская армия на Ближнем Востоке угрожает им на Кавказе не меньше, чем британцам в Индии. К несчастью для Дандаса, это предложение было также направлено Гринвиллу, который язвительно заметил, что не может видеть, что «Россия (должна) делать, на кого она должна нападать и куда должна идти ее армия»². По мнению Гринвилла, опасность от эмира было мнимым, потому что Афганистан обычно восставал; в то время как персидский шах не обращал внимания на русских, пока Персия и Россия так часто воевали. Поскольку было трудно создать коалицию коренных государств для защиты Британской Индии, возникли политические трудности при нападении на нее. Сотрудничество одного государства на маршруте гарантирует вам неприязнь к другому.

Опасения Дандаса временно улетучились, когда он узнал, сначала о том, что русские и турки сотрудничают по собственной инициативе, а затем о победе Нельсона на Ниле. Будет время, обучая турок и пополняя их из Индии, чтобы победить французов в Египте, прежде чем они смогут продвинуться. Однако это временное затишье поставило Харфорда Джонса в Багдаде в неудобное положение. «Высадка французов в Египте, - сетовал он, - сделала миссию... гораздо менее важно»³. Джонс забыл, что, поскольку он не достиг Константинополя до середины августа и Багдада до 20 сентября, французы

¹Wellesley to Dundas, private no. 2, February 28, 1798, Two Views of British India: The Private Correspondence of Mr. Dundas and Lord Wellesley, 1798-1801, ed. E. Ingram, (Bath, 1970), p. 43.

²Grenville to Dundas, September 20, 1798, Dropmore MSS., IV, 319.

³Extract of Jones to Inglis, October 21, 1798, Melville MSS., Add.MSS. 41767, f. 35.

высадились в Сирии, как и ожидал Дандас, его миссия не имела бы никакого значения. Британцы, которые должны были узнать достаточно у офицеров, находящихся дома в отпуске, постоянно недооценивали время, необходимое для достижения ближнего востока. Адмиралтейство в результате самого впечатляющего просчета года завершило Дандаса, что эскадра Бланкетта может быть в Красном море к началу сентября. Они опоздали почти на девять месяцев.

У Джонса были причины для беспокойства. Его послали главным образом, чтобы убедить Пашу атаковать французов. После битвы на Ниле, как и большинство других людей, Джонс предвидел «полное крушение» Бонапарта¹. Он не верил, что французы попытаются вторгнуться в Индию по суше: если бы они это сделали, он не верил, что можно сделать многое из этого. Багдад, чтобы предотвратить их, жаловался «мы так же в неведении о действиях французов в Египте, как и о судебных процессах в Новой Земле, и ... люди здесь, кажется, почти так же заинтересованы в этом»². Для багдадского паши предложение британского союза означало помощь против его соседей в Персидском заливе. Он не хотел помогать британцам против французов: он хотел, чтобы они помогли ему против имама Омана³. Бонапарт просчитался, когда ожидал, что турецкие Паши воспользуются французским вторжением как возможностью заявить о своей независимости от султана. Англичане просчитались, ожидая нападения Пашей на французов. Паши понимали, что пребывание в полу независимости от султана было их идеальным положением с французами в Египте, но только в Египте, эта полу-независимость была обеспечена. Дальнейшая французская экспансия или решающая турецкая победа были бы одинаково катастрофичны. Тем не менее британцы оказались перед дилеммой. Утверждать, что ближневосточные

¹Jones to Kerig, October 21, 1798, National Library of Wales, Kentchurch Court MSS. 9211; hereinafter NLW KC.MSS.

²Jones to Tooke, November 28, 1798, NLW KC.MSS. 9211.

³Jones to Duncan, October 17, 1798, NLW KC.MSS. 9211. Jones to Duncan, October 19, 1798, IO Bombay SPP/380/73, p. 4379.

государства так же, как и сами британцы, были заинтересованы в изгнании французов, было явно нереалистично: признать, что они не были, вызовет серьезные осложнения. Если взаимопомощь против французов не была достаточным основанием для союза, британцы были бы втянуты в локальные ссоры на Ближнем Востоке, которые было невозможно разрешить, и ни одна из них не затронула их. Британский интерес к Ближнему Востоку был европейским или имперским: он никогда не был местным.

Причины назначения Джонса были исключительно стратегическими. На этот раз англичане даже не удосужились изобрести свой обычный коммерческий камуфляж. Их существующая торговля с Багдадом лучше контролировалась их нынешним резидентом в Басре, а в Багдаде не было даже возможности для частной выгоды: «не было ничего, что можно было сделать ... на пути торговли», - сетовал Джонс». ... и один полностью вне досягаемости всех хлебов и рыб на службе»¹. Причины назначения Джонса, однако, были не только непосредственными. То, что случилось однажды, может повториться. Дандас хотел, чтобы Джонс не только способствовал победе над Бонапартом, но и стал источником разведки и влияния, независимым от министерства иностранных дел, и предложил лучший способ навсегда укрепить оборону Индии², поэтому, зная об интересе Дандаса к Афганистану, Джонс отвлекся от Багдада и предложил себя в качестве посланника в Кабуле³. Это предложение, хотя и устраивало Дандаса, привело к немедленному конфликту Джонса с правительством Индии.

Несмотря на его неоднократные замечания Дандасу о том, что они так же отреагировали на французское вторжение в Египет⁴, генерал-губернатор Индии лорд Уэлсли отреагировал противоположным образом. Его не встревожило вторжение, но он почувствовал облегчение. Когда он впервые

¹Jones to Lennox, November 30, 1798, NLW KC.MSS. 9211.

²Dundas to Wellesley, private nos. 6, 11, March 18, March 23, 1799, Ingram, pp. 127, 141.

³Extract of Jones to Inglis, November 25, 1798, Melville MSS., Add. MSS. 41767, f. 39. Jones to Willis, October 25, November 19, November 30, 1798, NLW KC.MSS. 9211.

⁴Wellesley to Dundas, private no. 10, November 12, 1798, Ingram, p. 105.

услышал о французских приготовлениях в Тулоне, он опасался экспедиции в Индию традиционным переходом вокруг мыса Доброй Надежды. Французы не пойдут в Египет именно потому, что они не смогут вмешаться в Индию¹. Блокировать Красное море будет легко, и ни Уэлсли, ни губернатор Бомбея не верили, что французы смогут совершить путешествие по суше². Хотя Уэлсли не боялся европейского вторжения, хотя он знал, что Дандас был, и хотел расширить британские территории в Индии, это стоило его притворства. В начале девятнадцатого века правительство Индии обычно маскировало свою политику экспансии под защиту от вторжения. Эта привычка появилась у Уэлсли, когда французы вторглись в Египет. Попытка Веллесли навязать свою волю низаму, Типу Султану, пешве и визирю Ауда могла быть удовлетворительно замаскирована только как попытка предотвратить мощную коалицию между французами, Типу Султаном и Земан Шахом. «Ведение войны против нас», - утверждал Уэлсли, «было бы более неприятным или мучительным для наших ресурсов, чем совместная атака на Ауд и Карнатик»³. Уэлсли, естественно, не только изобрел врага, он изобрел их сплоченность и их силу. Вторжения Земан-шаха, которые предшественник Уэлсли понимал, были просто парадом⁴, имело три конкретных применения. Они послужили поводом для того, чтобы убедить Синдиа вернуться из Пуны, где он боялся пешвы, чтобы защитить свою территорию в Индустане: оправдание для требования захватить сначала армию, а затем и правительство Ауда, и, наконец, предлог для подготовки к получению влияния в правительстве Персии.

Осенью 1798 года, незадолго до того, как они узнали о французских приготовлениях в Тулоне, правительство Бомбея назначило нового жителя Бушира Мирзу Мехди Али-хана, перса, который много лет жил сначала в

¹Wellesley to Rainier, August 29, 1798, Wellesley, I, 248.

²Rainier to Spencer, December 1, 1798, Spencer, IV, 187. Rainier to Nepean, December 2, 1798, Adm 1/169, f. 247.

³Wellesley to Dundas, private no. 2, February 28, 1798, Ingram, p. 36.

⁴Shore to Dundas, private nos. 14, 17, September 9, 1796, January 27, 1797, *The Private Record of an Indian Governor-Generalship: The Correspondence of Sir John Shore, Governor-General, with Henry Dundas*, ed. H. Furber, (Cambridge, Mass., 1933), pp. 107, 121.

Бенаресе, а затем в Бомбее. Мехди Али Хан предположил, что он, возможно, сможет отвлечь Земан-шаха от Индостана, убедив шаха Персии вторгнуться в Хорасан¹. Уэлсли рекомендовал это Дандасу с мыса, но затем предположил, что будет разумнее подойти к шаху через Россию. Уэлсли теперь проигнорировал это ограничение. Он согласился позволить Мехди Али приблизиться к шаху, и он предложил взамен снабдить шаха оружием и боеприпасами и, в случае если это оскорбит русских, призвать британское правительство использовать свои добрые услуги в Санкт-Петербурге для урегулирования споров².

По мнению Уэлсли, предложение Мехди Али было наиболее подходящим. Это позволило бы ему продемонстрировать, насколько серьезно он относился к опасности, исходящей из Афганистана, и, если бы Земан-шах только угрожал вторжением, а на самом деле не должен был этого делать, к опасности вторжения можно было бы отнестись серьезно. Таким образом, миссия Мехди Али Кана укрепила аргументы Уэлсли с Дандасом и визирем Ауда. У Уэлсли не было местного интереса к Персии и имперского интереса к защите Индии: его интерес к Персии был индийским.

Когда Харфорд Джонс в Багдаде впервые услышал, что шах Персии готовится вторгнуться в Хорасан, он не поверил этому. Когда он узнал, что Уэлсли подбадривает шаха, он оспорил «его ошибочную политику»³. К соглашению с Персией у Джонса были два возражения, оба из которых разделял Дандас. Во-первых, правительство Персии не было достаточно организовано, чтобы быть полезным союзником: посылка персидского шаха для нападения на Афганистан, предположил Джонс, «не сильно отличается от посадки быка для нападения на льва»⁴. Каджары выжили в Персии до тех пор, как садозаи были изгнаны из Афганистана в начале девятнадцатого. Шах

¹Duncan to Wellesley, private, September 5, 1798, Wellesley MSS., Add. MSS. 13695, f. 17.

²Wellesley to Duncan, October 8, 1798, Wellesley, I, 286. Duncan to Mehdi Ali Khan, November 2, 1798, IO Bombay SPP/380/73, p. 3851.

³Jones to Lushington, April 14, 1799, IO Secret Letters Received (Various)/6.

⁴Jones to Willis, April 14, 1799, NLW KC.MSS. 9211.

Персии умер на троне в 1834 году, а Земан-шах был изгнан в 1801 году. На протяжении девятнадцатого века Персия была единой, в то время как в большей части Афганистана не было. Эти последующие события создают ложное впечатление. После падения Сефевидов Персия была в смятении. Надир-шах и Карим-хан установили индивидуальное превосходство, но не смогли передать его своим наследникам. Джонс не доверял относительно спокойному вступлению молодого шаха во власть: он «еще не в состоянии эффективно сыграть отведенную ему роль»¹.

Малейшее несчастье спровоцировало бы гражданскую войну. Для сравнения, Афганистан был достаточно сильным и обоснованно заселенным на протяжении большей части восемнадцатого века. Джонс признал, что по запутанным отчетам невозможно сказать, насколько силен Земан Шах на самом деле; но именно этому могла научиться миссия в Кабуле. Только в том случае, если миссии не удалось найти друга для эмира, британцы должны были ухаживать за шахом.

В отличие от Уэлсли, Джонс также разделял предположение Дандаса о том, что британские интересы на Ближнем Востоке носили имперский характер; им нужен союзник, который мог бы предотвратить вторжение европейской державы в Индию по суше. Непосредственной опасности не было. Если французы в Египте не будут подкреплены, они в конечном итоге потерпят поражение от турок. Но потенциальная опасность сохранялась, потому что, если французы попытаются вторгнуться, они двинутся через Сирию и Персию². Имперская цель миссии и разница между Джонсом и Уэлсли неявно заключались в способе выполнения миссии быть запущенным. Джонс хотел оставаться под властью правления, а не передавать его правительству Индии. Он утверждал, что это было бы вполне осуществимо, потому что можно было бы организовать пост для доставки инструкций из

¹Jones to Willis, May 16, 1799, NLW KC.MSS. 9211.

²Jones to Duncan, January 31, 1799, IO Bombay SPP/381/1, p. 1105. Jones to Page, February 10, 1799, NLW KC.MSS. 9211.

Лондона в Кабул через Константинополь, Тебриз и Йезд через четыре месяца¹. Во-вторых, союз с Афганистаном, а не с Персией позволил бы британцам согласовывать свою политику с турками: не будет конфликта между их европейским и индийским альянсами. Султан и шах были традиционными врагами, но, будучи духовным лидером суннитов-магометан, обращение султана к эмиру имело силу «приказов папы ... к народу и правителям Европы в четырнадцатом веке», приказ не ослушаться принца, но рисковать его короной»². Поэтому Джонс предложил совместное посольство с турками. В середине апреля 1799 года он сказал Дандасу, что у него есть возможность начать подготовительную неофициальную переписку с министром Земана. И он попросил Дандаса, если он согласен с предложением, прислать ему подробные инструкции, чтобы он мог отправиться в Афганистан, не вызывая его в Лондон³.

Весной 1799 года Дандас, похоже, разделял точку зрения Уэлсли на Индию, в частности, на Земан-шаха. «Некоторое время назад было принято, - заметил он, - на мой взгляд, слишком много недооценивать угрозу Земан-шаха ... долго думал, что заручиться поддержкой Земан-шаха станет материальной частью плана»⁴. Дандас согласился, что одним из способов противодействия этому плану является поощрение восстания в Афганистане. Опасность для эмира была вызвана возможностью французской помощи, и он не был полностью удовлетворен тем, что союз с шахом будет лучшей защитой. Он мог бы удовлетворить местные потребности правительства Индии: он не разрешил бы имперское затруднительное положение совета контроля. Союз с Персией не был препятствием для вторжения. Таким образом, в то же время Дандас рассматривал альтернативу Джонса. В середине февраля он обсудил это с Уильямом Итоном, который согласился с Джонсом, что призыв султана

¹Jones to Dundas, October 31, 1798, IO G/29/23.

²Jones to Lushington, April 14, 1799, IO Secret Letters Received (Various)/6.

³Jones to Dundas, private, April 17, 1799, Melville MSS., Add. MSS. 41767, f. 47.

⁴Dundas to Wellesley, private no. 6, March 18, 1799, Ingram, p. 126.

будет иметь большое значение для эмира¹. Дандас был достаточно впечатлен, чтобы рискнуть попросить Гринвилла рассмотреть возможность подхода к туркам². Тем не менее этот вопрос не был актуальным, потому что весной 1799 года Дандас считал, что «мало причин опасаться какой-либо опасности для Индии со стороны французских войск ... в Египте». В то время как британский флот командовал Средиземным морем, французская армия не могла быть усилена, а если это не так ... я надеюсь, что русские, турки и арабы распорядятся сухопутными войсками так же полностью, как лорд Нельсон³. Дандас был неизлечимо оптимистичен: он все еще надеялся, что даже без британской помощи турки смогут, а русские будут готовы атаковать французов в Египте.

Эта надежда была грубо разбита. В конце января Бонапарт вторгся в Палестину, вскоре после этого захватил Эль-Ариш и 18 марта осадил Акко. Причины этого движения всегда оспаривались. Холланд Роуз предположил, что Бонапарт хотел захватить Бейрут и Александрию в качестве прелюдии к сухопутному маршу в Индию⁴. А.Б. Роджер не согласился: «любой наземный поход против Индии с материально-технической точки зрения исключен»⁵. Было ли осуществимо вторжение в Индию по суше, не имеет значения; хотя, наверное, так и было. Следовательно, независимо от того, точно ли отражал Бонапарта «Холланд Роуз», он точно отражал Дандаса. Вторжение в Палестину возродило в Дандасе все его страхи предыдущего лета. Они были острее, потому что в этот же момент из Бреста вырвался французский флот. Бонапарт мог еще попытаться нанести удар по Индии с суши, и он еще мог получить подкрепление.

¹Eton to Dundas, February 15, 1799, WO 1/1103, p. 403.

²Dundas to Grenville, February 23, 1799, FO 78/21.

³Dundas to Wellesley, private no. 11, March 23, 1799, Ingram, p. 141.

⁴Holland Rose, J. 'The Political Reactions of Bonaparte's Eastern Expedition', *English Historical Review*, XLIV (1929), 55. Earlier Holland Rose had suggested that Bonaparte merely wanted to defeat the Turkish army in Syria before their fleet could land another one in Egypt. 'Napoleon and Sea Power', *Cambridge Historical Journal*, I (1923-24), 144.

⁵Rodger, A.B. *The War of the Second Coalition*, (Oxford, 1964), pp. 127-28.

Британское правительство отреагировало на эти два события так же, как и прошлым летом. Гринвилл был невозмутим. Французы не пойдут в Индию, и наилучшим использованием их флота будет снятие блокады Кадиса, что, как считал Гринвилл, ничего не зная о военно-морской тактике, будет затруднительно. Однако, если французский флот направится к восточному Средиземному морю, они собираются не подкреплять Бонапарта, а спасти его¹. Гринвилл не мог поверить, что французы будут упорствовать в своих усилиях, которые он всегда считал глупыми. Несмотря на то, что Спенсер был обеспокоен легкостью, с которой французы вторглись в Палестину, сухопутным вторжением он тоже был невозмутим; но, как и прошлым летом, он был готов к защите от нападения с моря. Если французский флот выйдет в Атлантику, он был готов послать такое же количество в погоню на случай, если французы встретят Бонапарта в Суэце².

Таким образом, предотвращая сухопутное вторжение, Дандасу снова пришлось действовать самостоятельно: однажды и снова его главным средством была турецкая армия, а в случае неудачи – Харфорд Джонс.

К середине мая французский флот из Бреста достиг Тулона, где к нему присоединился испанский флот из Кадиса. Несмотря на уверенность Гринвилла, французы преуспели в снятии блокады Кадиса, потому что лорд Кейт, который блокировал, следовал установленной военно-морской тактике преследования более мощных сил противника. Это событие сразу же подействовало на Джонса: он «не должен бояться», - прокомментировал его друг из Ост-Индской компании, «... поскольку флот Бреста ушел в Средиземное море, но его еще не отозвали»³. Обсуждая предложение Джонса о союзе с Афганистаном с секретным комитетом, они решили отправить Джонса в Кабул⁴. Вскоре после этого они отложили миссию⁵ с Бонапартом в

¹Grenville to T. Grenville, May 3, May 8, 1799, Dropmore MSS., V, 38, 45.

²Spencer to Grenville, private, May 7, 1799, Dropmore MSS., V, 42. Spencer to St. Vincent, May 14, 1799, *Spencer*, III, 50.

³Griffith to Jones, n.d. [1799], NLW KC.MSS. 8304.

⁴Bosanquet to Jones, June 1, 1799, NLW KC.MSS. 6057. Mrs. Jones to Jones, June 11, 1799, *ibid.*, 7759.

⁵Minutes of the secret committee, June 12, June 14, 1799, Ю L/PS/1/9,

Сирии и объединенным флотом противника в Средиземном море. Джонс понадобится в Багдаде по той причине, по которой он был послан. Если Бонапарт попытается атаковать Индию по суше, Джонс станет его внешней защитой. Эта честь не была уникальной. Прошлой осенью, когда губернатор Бомбея узнал, что французы отступили в Египет, он отправил своего военного секретаря, капитана Сэмюэля Уилсона в Мекку, чтобы убедить арабов сопротивляться французскому наступлению, «которому капитан Уилсон будет уполномочен противостоять открытой силой». Одни на своем крейсере и одни в Багдаде, Уилсон и Джонс будут сдерживать Бонапарта.

Соответственно, роль Джонса зависела от ситуации в Средиземном море. Вскоре Дандас решил возобновить миссию в Кабуле. К концу июня объединенный вражеский флот, сдав инициативу англичанам, вернулся из Средиземного моря в Кадис. Это не полностью успокоило Дандаса. Французский флот больше не мог укрепить Бонапарта, но Дандас, считавший, что Бонапарт все еще находится в Палестине, все еще боялся, что он может нанести удар по Индии в одиночку. Если он это сделал, то, похоже, было мало шансов остановить его в Турции. Джонс был встревожен «идиотским состоянием этой империи ... мы здесь так тихо, - сообщил он, - как будто французы вторглись в Канаду, а не в Сирию, и ... все мысли этого правительства поглощены изобретением средств, вместо того, чтобы выполнять приказы, которые они могли ожидать получить из Константинополя»¹. Если турки его подведут, Дандасу понадобится его союзник в Гиндукуше, и это казалось благоприятным моментом для переговоров с Земан-шахом. Дандас недавно узнал, что Мехди Али Хану удалось отвлечь эмира из Индии. Поэтому 20 июля Дандас сказал Джонсу написать, как он и просил, министру Земана. При положительном ответе Джонса следует отправить в Кабул²: «намерение (секретного) комитета, с

¹Jones to Tooke, April 26, 1799, NLW KC.MSS. 9211.

²Dundas to Jones, July 20, 1799, NLW KC.MSS. 5977. Also Ramsay to Cabell, July 13, 1799, Melville MSS., SRO GD 51/1/768/97.

полного одобрения г-на Дандаса, направить англо-турецкую миссию к Земан-шаху под вашим руководством»¹.

Эти инструкции поставили Джонса в неприятное положение по двум причинам. Ему очень хотелось найти более постоянный пост в Кабуле, но он знал, что не сможет начать переговоры с Афганистаном, пока не узнает, что Мехди Али предложил Персии. Поэтому он косвенно попытался вызвать у министра Земана какие-то признаки интереса и попросил разрешения, если ему это удастся, немедленно отправиться в Константинополь, чтобы встретиться с посланником султана².

К сожалению, эти планы провалились, потому что Дандас также поручил Джонсу получить подтверждение Веллесли. Это спровоцировало жестокое столкновение, потому что в тот самый момент, когда Дандас решил отправить Джонса в Кабул, Уэлсли решил отправить Джона Малкольма в Тегеран. В отличие от Дандаса и вопреки общепринятой интерпретации, это решение не было «серьезно встревоженной ... немедленной реакцией»³ на продвижение Бонапарта в Палестину. Уэлсли знал, что Бонапарт снял осаду Акко, еще до того, как назначил Малькольма⁴. Задолго до того, как он составил свои инструкции, он знал, что Бонапарт вернулся в Египет, «но, несмотря на эти сообщения, я все же считаю необходимым послать посольство в Персию»⁵. Посольство Малькольма в Персии не было связано с французами: оно было связано с визирем Ауда. Как заметил Дж. Б. Келли, большинство инструкций Малкольма относились к Афганистану и очень мало – к французам⁶. Уэлсли все же предлагал использовать угрозу Земан-шаха для оправдания аннексии Ауда. Вдобавок он предложил использовать его, чтобы замаскировать свой

¹Willis to Jones, July 23, 1799, NLW KC.MSS. 6181. Dundas clearly considered that he could send Jones to Afghanistan because Mehdi Ali Khan had completed his mission in Persia. Dundas to Duncan, July 23, 1799, Melville MSS., John Rylands Library, Eng.MSS. 693, no. 3058.

²Jones to Willis, September 19, October 4, 1799, NLW KC.MSS. 9212. Jones to Dundas, September 23, 1799, Melville MSS., Add.MSS. 41767, f. 61.

³Rodger, p. 128, relying upon Holland Rose, 'Political Reactions', p. 56.

⁴Rainier to Nepean, July 23, 1799, Adm 1/169, f. 500.

⁵Postscript, September 5, to Wellesley to secret committee, September 3, 1799, IO Secret Letters from Bengal/I/3, p. 265.

⁶Kelly, J.B. Britain and the Persian Gulf, 1795-1880, (Oxford, 1968), p. 69.

интерес к выяснению силы Персии. Персия была бы на краю империи, расширяющейся изнутри; это была не первая защита от вторжения извне. Однако, чтобы удовлетворить Дандаса, Веллесли представил, как имперское, так и индийское объяснение возможности защиты Индии в союзе с шахом. Как обнаружил Уэлсли, именно к этому Дандас не был готов.

Уэллесли не утверждал, что переговоры о союзе с Афганистаном будут невыполнимы: министр Земана уже обратился к губернатору Бомбея¹. Это было бы прискорбно. Вражда Земан-шаха была предпочтительнее. Уэлсли утверждал, что назначил Малкольма, потому что, несмотря на успех Мехди Али Хана, Земан Шах, как сообщалось, снова планировал вторжение². Летом 1799 года Уэлсли подходил для утверждения, что эмир достаточно силен, чтобы быть угрозой. Три месяца спустя он начал утверждать обратное. В ноябре он сопротивлялся предложению Джонса на том основании, что Земан-шах не мог сравниться с шахом как союзник: «максимальная мощь Земан-шаха значительно уступает силе Персии»³ вторжение, чем в Афганистан. Тем не менее, в гневе Уэлсли сказал Дандасу, что надеется, что Джонс «не допустит, чтобы ... (себя) беспокоили какие-либо ложные сигналы тревоги»⁴. Это было редким признанием истины. Если перспектива европейского вторжения теперь была ложной тревогой, то перспектива афганского вторжения была еще более ложной. Как понимал Дандас, только перспектива французского союза представляла для эмира угрозу. Критикуя Джонса, Уэллесли нечаянно снял маску, что его политика экспансии была необходимой защитой от вторжения. Если не было перспективы вторжения и не было необходимости в союзнике для его отражения, расширение Уэлсли было ненужным вкладом в оборону Индии.

¹Enclosure in resident in Sind to Duncan, October 29, 1799, IO Bombay SPP/381/7, p. 5967.

²Wellesley to Duncan, August 5, 1799, Wellesley, II, 110. The governor of Bombay, on the other hand, refused to believe that Zeman Shah would advance farther east than Sind. Duncan to secret committee, November 19, 1799, IO Secret Letters from Bombay/ 1/1» p. 217.

³Duncan to Jones, November 20, 1799, IO G/29/21.

⁴Wellesley to Dundas, private no. 20, November 29, 1799, Ingram, p. 212.

Когда в начале декабря Джонс узнал о назначении Малкольма, он понял, что действовал слишком медленно; что это «положит конец всем мыслям об англо-турецкой миссии в Кабул»¹. В результате его положение снова стало опасным. Как только Бонапарт ушел из Сирии, необходимость в Джонсе уменьшилась: если бы конвенция Эль-Ариш была ратифицирована, Джонс опасался, что его бы отозвали для защиты Индии, но для того, чтобы сообщать о событиях в Персии и влиять на них, контролировать наземные перевозки и вносить вклад в стабильность Багдада. Тем не менее он знал, что настоящей целью Дандаса на Ближнем Востоке были не местные интересы, а имперские интересы. Поэтому, хотя он сказал председателю, что будет выполнять приказы Уэлсли и воздержится от общения с Кабулом², Джонс продолжал намекать, что персидские связи станут помехой, и что правительство Индии будет разумнее вести переговоры с Афганистаном³.

Джонс, как и Дандас, считал, что ее слабость – не единственная вина Персии. Турки поддержат любые переговоры Великобритании с Афганистаном: переговоры с Персией могут саботировать англо-турецкий союз. Назначение Малькольма оскорбило багдадского пашу. По словам Паши, поскольку Мехди Али Хан имел дело с Земан Шахом, у Малькольма должны были быть другие дела, как, конечно, он имел. В частности, Паша опасался, что Персия воспользуется любым оружием, поставленным Великобританией, для нападения на Багдад. Правительство Индии всегда было готово поставлять оружие и боеприпасы своим союзникам: они полагали, что они могут определить, как их следует использовать. «Никакие обязательства по оказанию военной помощи не могут быть заключены с Персией, – предупреждал Джонс, однако, – которые не вызовут крайнего недоверия в Константинополе и которые ... не могут в конечном итоге нарушить мир в этих странах»⁴. Полагаться на Персию в защите Британской Индии заключалось в

¹Jones to Willis, December 2, 1799, NLW KC.MSS. 9212.

²Jones to Willis, May 11, 1800, NLW KC.MSS. 9212.

³Jones to Lushington, February 14, 1800, IO Secret Letters Received (Various)/6.

⁴Jones to Dundas, private, April 21, 1800, Melville MSS., Add. MSS. 41767, f. 96.

том, что главный азиатский союзник Британии будет традиционным врагом ее партнеров по второй коалиции. Для Дандаса это было бы особенно неудовлетворительным, потому что турки и русские должны были быть внешней защитой Британской Индии. Против того, чтобы полагаться на Афганистан, не было аналогичных возражений.

Джонс обнаружил изъян в рассуждениях Уэлсли. Если миссии Веллесли в Персию относились исключительно к Афганистану, они были слишком великолепны, и «я не могу не думать, – заметил Джонс, – но кто-то или другой заинтересован в увеличении опасности, которую предстоит задержать от Земан-шаха»¹ притворяясь тревожным. Не обращая внимания на красочный язык Джонса, он никогда не утверждал, что эмир достаточно могущественен, чтобы быть опасным для британцев, только то, что он могущественнее шаха. Джонс утверждал, что Уэлсли просто использовал Земан-шаха, чтобы замаскировать аннексию Ауда, и аннексию Ауда, чтобы замаскировать свои приготовления к нападению на маратхов². С другой стороны, если миссии Уэлсли в Персии не касались исключительно Афганистана, отношения с Персией должны были быть подчиняться существующим отношениям Великобритании с Османской империей; именно поэтому Персия не могла внести такой же вклад, как Афганистан, в защиту Британской Индии. Джонс подразумевал, что его предложение посольства в Кабуле удовлетворяет обоим этим требованиям, помогая внушать страх маратхам, если Компания желает, чтобы правительство Индии сделало это, не обижая Турцию. И, по словам Джонса, возможность еще оставалась. В мае 1800 года Джонс сказал Дандасу, что его агент в Кабуле запросил дополнительные инструкции, и он, в свою очередь, спросил Дандаса, как ему ответить³.

Когда Уэлсли узнал, что багдадский паша пожаловался на миссию Малькольма, он пришел в ярость не на пашу, а на Джонса. Жалоба, как он

¹Jones to Willis, April 18, 1800, NLW KC.MSS. 9212.

²Jones to Willis, May 11, 1800, NLW KC.MSS. 9212.

³See Haji Mahomet to Jones, May 2, 1800, Melville MSS., Add.MSS. 41767, f. 78.

настаивал, была придумана – «тщательно продуманная речь, не имеющая никакого сходства ни по стилю, ни по ходу рассуждений с тем, что можно было ожидать от предполагаемого оратора»¹.

Англо-персидские отношения не должны были беспокоить Турцию: турки не могли возражать против использования Британией Персии против Афганистана. Уэлсли предполагал, что отношения с Турцией и Персией можно разделить, причем одно, как всегда, является делом Лондона, другое – Калькутты. В мае 1799 года губернатор Бомбея послал сержанта снабжения с двумя помощниками для обучения армии Паши. Однако их интерес к политической стабильности Багдада ограничивался защитой наземного поста. У Уэлсли была неутолимая жажда новостей², но граница Индии находилась в Басре. Тем не менее, в течение двух месяцев после своего взрыва Уэлсли был вынужден обратить внимание на последствия своей политики в Персии в Турции. Малькольм узнал, что, как и предсказывал Джонс, шах Персии готовился атаковать Багдад. Уэлсли сразу же посоветовал Малькольму отговорить его и «прививать в каждом удобном случае преимущество гармонии и доброго взаимопонимания между властителями Турции и Персии»³. Вот свидетельство Джонсу: если британцы вступят в союз с Земаншахом, эта проблема не возникнет. Уэлсли, однако, был осторожен. После того, как министерство иностранных дел возьмет на себя прямой контроль над политикой в Турции, что само по себе является признаком растущего интереса Великобритании, как узнали преемники Уэлсли, если их внешняя политика вступит в противоречие с политикой Лондона, они будут контролироваться более пристально. Потребности Британской Индии не должны ограничивать вторую коалицию.

¹Drafts of Wellesley to Elgin, July 13, 1800, Wellesley MSS., Add.MSS. 13792, ff. 9, 105.

²Wellesley badgered Dundas to improve the overland post and to send him a monthly bulletin. Wellesley to Dundas, private no. 8, September 4, 1798, and 'Memorandum of points hitherto unanswered by Mr. Dundas', [January 1800], Ingram, pp. 66, 222.

³Kirkpatrick to Malcolm, December 28, 1800, IO Bengal SPP/79, December 30, 1800, no. 113.

К несчастью для Джонса, он больше не получил поддержки из Лондона. В начале 1800 г. будущее резиденции в Багдаде было пересмотрено, поскольку «отступление французов из Сирии и их почти полное уничтожение в Египте, – предупреждал Джонс, – сделают вашу резиденцию в Багдаде почти ненужной»¹, французы шли по суше в Индию, а к лету Дандас планировал экспедицию в Египет, Джонс уже не понадобился бы в Багдаде. Точно так же, хотя у правительства Индии был Малкольм в Персии, контрольный совет не мог отправить Джонса в Кабул, потому что «прямое общение отсюда могло вызвать затруднения в других кварталах»². Были ли эти кварталы в Тегеране или в Калькутте, не уточнялось, но несомненно в обоих. Непосредственная цель миссии Джонса подошла к концу: выполнение общей задачи было невозможно. Даже британцы знали, что нельзя дружить и с Афганистаном, и с Персией. Выбор может быть трудным, но выбирать нужно было. В этом случае Дандас и Джонс уступили Уэлсли и Малкольму: они действовали первыми. Может быть, поэтому восемь лет спустя Джонс и Дандас не стали подчиняться Минто и Малькольму. Когда Малькольм в раздражении удалился из Персии, Джонс поспешил из Бомбея, чтобы заставить Минто замолчать, первым достигнув Бушира.

Хотя Уэлсли не позволил Дандасу и Джонсу заключить соглашение с Афганистаном, он не смог помешать Малькольму превысить свои инструкции в Персии. Задача Малькольма заключалась в том, чтобы выяснить, сможет ли Уэлсли впоследствии, как он явно желал, заключить общее соглашение с Персией. Единственная конкретная цель, оправдание, а не цель этой миссии, заключалась в том, чтобы убедить шаха отвлечь эмира еще на две зимы, в то время как Уэлсли, которому было трудно убедить визиря уступить дорогу, удалось аннексировать Ауд. Малькольм, однако, сразу же, чем Уэлсли, был встревожен потенциальной опасностью, исходящей от европейских держав на Ближнем Востоке, и пришел к выводу, что невозможно защитить Индию в

¹Willis to Jones, October 1, November 1, 1799, NLW KC.MSS. 6022-23.

²Inglisto to Jones, private, April 13, 1800, NLW KC.MSS. 6041.

союзе с Персией, если британцы не будут полагаться на слабость, а не на силу страны.

Персия. Сама дезорганизация и бедность Персии могли задерживать захватчика достаточно долго, чтобы позволить британцам атаковать его фланг. Атака, конечно же, будет осуществляться из крепости в Персидском заливе, которой будет командовать Малькольм¹. Несмотря на эти взгляды, Малькольм заключил с Персией гораздо более широкое соглашение, чем предполагал Уэлсли, которое обязывало персов помочь британцам против французов и афганцы навечно и подразумевали, что Британия постоянно была заинтересована в благополучии шаха². Это, как знал Дандас, однажды запутало Великобританию в вопросе о русско-персидской границе в Кавказ. Сэр Генри Роулинсон раскритиковал договор Малькольма за то, что он показал, что правительство Индии опасалось вторжения³. Они не боялись: для Уэлсли и губернатора Бомбея договор был ненужной защитой от несуществующей опасности.

Дандас послал Джонса в Багдад для оценки британских интересов на Ближнем Востоке от имени контрольного совета, потому что министерство иностранных дел игнорировало защиту Индии. Поскольку идеи Джонса отражали собственные идеи Дандаса, он обращал на них внимание. Уэлсли знал об этом, и из-за этого позже он пытался помешать продвижению Джонса по службе. Поскольку Дандас не одобрял миссию Малькольма; и его возражения были представлены Джонс. Если миссия Малькольма относилась исключительно к Афганистану, это было излишне дорого. Мехди Али Хан сделал и мог сделать все, что требовалось⁴. Их нельзя было приносить в жертву местной политике Форт-Уильяма. Дандас прекрасно осознавал, что в то время, естественно или нет, Россия оказывалась равноправным союзником

¹Malcolm to Wellesley, February 26, 1800, IO G/29/22, p. 53.

²For the text of Malcolm's treaty, see J. C. Hurewitz, *Diplomacy in the Near and Middle East*, (Princeton, 1956), I, 68.

³Rawlinson, H.C. *England and Russia in the East*, (London, 1875), pp. 8-10.

⁴Secret committee to governor-general in council, September 10, 1800, IO Board's Drafts/2.

потенциальной опасности на Ближнем Востоке. В случае возникновения чрезвычайной ситуации он мог бы сотрудничать с Россией в защите Британской Индии, но он боялся будущей политики России так же, как и нынешней политики Франции¹.

Одно было явно необходимо, чтобы помочь британцам победить другого, но, когда Лорд Элгин наконец прибыл в Турцию в 1799 году, Дандас сказал ему внимательно следить за признаками передовой политики России на Кавказе. Весной 1800 года Элджин ответил, что русские, похоже, планируют расширяться². Как Дандас ответил Моррисону, в переговорах о союзе с шахом британцы не могли игнорировать русских.

Ведя переговоры о союзе с шахом, англичане также не могли оставить без внимания турок. И здесь взгляды Джонса не остались без внимания. «Что хорошего может сделать Малькольм в Персии, - спросил временный губернатор Бомбея, - кроме как тревожить и возбуждать зависть турок?»³. А что, если другие будут эксплуатировать турок? Опасность этих демонстративных наступлений на Персию, жаловался Дандас Уэлсли, заключалась в их вероятном воздействии на другие магометанские государства, «которыми могут воспользоваться более чем одна держава»⁴. По иронии судьбы, когда царь Павел разорвал дипломатические отношения с Великобританией в октябре 1800 г., он послал Орлова и казаков для вторжения в Бенгалию. Однако не столкновение интересов в Азии разрушило англо-русский союз, а их расходящиеся интересы в Европе спровоцировали столкновение в Азии.

Настоящая опасность миновала. Пол был убит, был отозван Орлов, французы были изгнаны из Египта, а Земан из Кабула. В Афганистане годами продолжалась гражданская война, и договор Малькольма, казалось, истек. Тем не менее, чтобы противостоять опасности, британцы впервые были втянуты на

¹Dundas to Wellesley, private no. 6, March 18, 1799, Ingram, p. 127.

²Elgin to Dundas, private, February 2, 1800, WO 1/344, p. 155.

³Griffith to Jones, August 20, October 29, 1800, NLW KC.MSS. 6478, 6216.

⁴Dundas to Wellesley, secret [and confidential], July 11, 1800, Ingram, p. 269.

Ближний Восток. Они были втянуты в Багдад и Персию, как в Аден и Перим. Чтобы предотвратить повторение кризисов, британцам вскоре придется решить, с какой из группы взаимно недружественных государств подключиться и которые могут наилучшим образом удовлетворить их имперские и индийские потребности, не нарушая баланса сил в Европе. Дандас не сомневался в преимуществах дружбы с Афганистаном. Земан-шах был индийцем и принцем ближнего востока. Влияние в Кабуле усилило бы влияние Великобритании в Индии, и именно поэтому Уэлсли не интересовался. Уэлсли хотел не влияния, а власти. В качестве врага амир был гораздо полезнее. Кроме того, поскольку у эмира не было ни европейских соседей, ни европейских связей, влияние в Кабуле не усложнило бы британскую политику в другом месте. Дружба с Персией не могла иметь такого благотворного эффекта в Индии и могла иметь столь же губительный эффект в Европе. Дандас считал, что в результате союз с Персией был собственно делом иностранного ведомства¹, и их приоритеты не принадлежали ему.

Подводя итог, можно сказать, что, если британцы должны были полагаться на Персию, их первоочередной задачей должно было быть предотвращение столкновения между своими обязательствами перед Персией и своими обязательствами перед султаном и царем.

Таким образом, если бы миссия не относилась исключительно к Афганистану, она бы, как всегда, бывало в союзе с Персией, поставила бы в неловкое положение как внешнюю политику Великобритании в Европе, так и защиту страны Индии.

Таким образом, термин «Большая игра» был придуман в XIX веке и популяризирован в 1901 году Редьярдом Киплингем для описания соперничества между Британской и Российской империями за Афганистан, затем распространенного на соседние государства в Центральной и Южной

¹See Morrison to Hawkesbury, January 26, 1790, Liverpool MSS., Add. MSS. 38449, f. 252.

Азии. Это включало постоянную напряженность с Россией и Великобританией, играющими на шахматной доске Центральной Азии; разразилось несколько войн. Считалось, что Большая игра закончилась в 1895 году; в свете многочисленных тектонических потрясений XX века, особенно подъема и завоеваний Советского Союза, она, казалось бы, была отнесена к анналам истории.

Однако Центральная Азия явно стала и будет все больше становиться ключевой глобальной геополитической ареной; Большая игра вернулась, хотя и с другим набором игроков.

ГЛАВА III. АНГЛО-РУССКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

3.1. Англо-русская колониальная система (сравнительный анализ)

Историки долгое время считали затруднительным проводить осмысленные сравнения между Российской империей в Азии и западными колониальными империями девятнадцатого века. Несмотря на огромные территории, которые она контролировала, населенные народами, чуждыми славянам по расе и религии, аргумент о том, что имперская Россия не была «колониальной» державой в том же смысле, что Британия или Франция, остается привлекательным. Было что-то особенное, симбиотическое, в отношениях между русскими и турками, персами, грузинами и армянами, что отличало их от отношений между французами и арабами или британцами и индийцами¹.

Российская аристократия полностью ассимилировала татарское, польское и грузинское дворянство (обычный пример-грузинский князь Багратион, возглавивший царские армии против Наполеона в 1812 году). Россия не была «завоевательной» или «империалистической» державой в том же смысле, что и западные державы: (Россия) либо оккупировала пустошь, или историческим путем ненасильственной ассимиляции соединила с собою такие племена, как чудь, весь и меря, или, как ныне, зыряне, черемисы и мордва, не имевшие ни зачатков исторической жизни, ни стремления к ней; или, наконец, взяла под свое покровительство и защиту такие племена и народы, которые, окруженные врагами, уже потеряли свою национальную независимость или не могли уже ее защищать, как армяне и грузины².

Русская и Британская азиатские империи, в конце концов, связаны. Обычно утверждается, что, в отличие от западноевропейских империй,

¹Rudyard Kipling, "The Man Who Was," in *Life's Obstacle*, London, 1903, p. 97.

²Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому (1871), Москва, 2003.-с132

Российской империей правила многорасовая элита, включавшая русских, украинцев, белых русских, балтийских немцев, грузин, армян, татар, а в Средней Азии – хивинского хана, бухарского эмира и их государственную службу. Эта наднациональная элита разделяла, в большей или меньшей степени, высокую культуру, которая была чужда как русским, так и тюркским крестьянам. Политические права и другие привилегии зависели не от расы, а от положения или статуса в табели о рангах Петра Великого.

Таким образом, признавая, что ситуация, возможно, была иной в Центральной Азии, Хоскинг пишет о российской имперской экспансии, что «все это происходило без какой-либо презумпции превосходства простых русских над другими народами империи», в то время как «отношения между различными народами были заметно менее расистскими, чем, скажем, в Британской империи». Хотя и более изощренная, она похожа на советскую интерпретацию, которая господствовала со Второй мировой войны до перестройки, российской империи, основанной в основном на классовой иерархии. Эта точка зрения проистекает отчасти из скудости исследований тех областей Российской империи, которые больше всего напоминали другие европейские колониальные владения, в первую очередь Туркестан, а отчасти из отсутствия сравнительной работы по западноевропейскому и российскому империализму.

В последние годы появился ряд превосходных работ, посвященных заброшенному имперскому прошлому России. Книга Андреаса Каппелера «Российская империя: полиэтническая история», первоначально опубликованная в 1991 году, но только недавно переведенная с немецкого, была одной из первых книг, в которой была предпринята попытка восстановить баланс между центром и «пограничьем» среди общих работ о царской империи. В книге «Русский восток», изданной издательством Университета Индианы, содержится несколько чрезвычайно глубокомысленных работ, посвященных развитию идеи имперского гражданства, а также ранним колониальным этнографическим усилиям и

местной реакции на завоевание Центральной Азии, среди прочего. Однако книги, основанные на подробных архивных исследованиях в бывшем СССР, редки, а книги, посвященные Российской империи в Центральной Азии, еще реже.

Новаторская работа Дэвида Шиммельпенника по российской имперской идеологии имеет огромную ценность, но относится главным образом к Дальнему Востоку. Пол Верт, Роберт Джерачи, Майкл Ходарковский и Аллен Франк внесли значительный вклад в наше понимание отношений между российскими властями, Православной Церковью и мусульманскими и анимистическими народами Средней и Нижней Волги, Оренбурга и окраин Степей, но их работа имеет лишь косвенное отношение к Туркестану.

Юрген Пауль, Анке фон Кюгельган и другие опубликовали несколько превосходных работ о мусульманах в царской и до имперской Центральной Азии, которые являются чрезвычайно ценным вкладом в востоковедение, хотя и редко с акцентом на имперскую историю. История мусульманских реформаторов-джадидов Бухары и Ферганской долины – это, пожалуй, единственный аспект Туркестана девятнадцатого века, который адекватно рассматривается в существующей литературе, в частности Адибом Халидом¹.

Работа Вирджинии Мартин о казахах Средней Орды в колониальный период очень ценна своим четким пониманием того, как адат или обычное право менялись в ответ на давление России, несмотря на внешнюю преэминентность².

Джефф Сахадео³ и Дэниел Брауэр – единственные историки, которые до сих пор пытались сделать нечто подобное для оседлых регионов Центральной

¹Adeeb Khalid, *The Politics of Muslim Cultural Reform*, Berkeley, CA, 1997; S. A. Dudoignon and F. Georgeon (eds), 'Le Reformisme Musulman en Asie Centrale. Du "premier renouveau" a la Sovietisation 1788-1937', *Cahiers du Monde Russe*, 37, 1996, 1-2; Gero Fedtke, 'Jadids, Young Bukharans, Communists and the Bukharan Revolution: From an Ideological Debate in the Early Soviet Union', in Von Kugelgen et al. (eds), *Muslim Culture in Russia and Central Asia. Vol. 2: Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations*, Berlin, 1998, pp. 483-512.

²Virginia Martin, *Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century*, London, 2001.

³Sahadeo J. F. *Creating a Russian Colonial Community: City, Nation and Empire in Tashkent, 1865-1923*, University of Illinois at Urbana-Champaign unpublished PhD thesis, 2000 (hereafter, *Creating a Russian Colonial Community*);

Азии, основываясь на архивных источниках. В недавнем докладе последнего «Туркестан и судьба Российской империи» рассматриваются неудачи России в Туркестане в контексте общей неудачи Империи в модернизации до 1917 года. Брауэр также делает некоторые предварительные сравнения с британской и французской имперскими идеологиями и ссылается на интерес России к другим имперским моделям¹.

Если для историков Российской империи все еще необычно проводить расширенные сравнения с другими европейскими империями того периода (одним заметным исключением является Доминик Ливен), то для них еще менее привычно изучать современные российские взгляды на имперские стратегии и методы своих французских и британских соперников. Если провести сравнение, то, возможно, областью под европейским влиянием, которая больше всего напоминала русский Туркестан, был французский Алжир, однородно мусульманская территория, которая административно была частью метрополии и в которой было большое количество поселенцев. Некоторые русские офицеры, в частности князь А.И. Барятинский, даже обращались за вдохновением к французским кампаниям в Северной Африке во время войн на Кавказе в 1850-1860-х годах².

Однако такие упоминания о французском империализме оставались относительно редкими в трудах русских солдат и администраторов в XIX веке: для них сравнение Российской и Британской Азиатских империй казалось гораздо более уместным. Это была мощная тема литературы о «Большой игре» девятнадцатого века с обеих сторон, когда участники и комментаторы рассматривали две империи, противостоящие друг другу на Памире и в Афганистане. Русские стремились к мировому господству, и им помешала Британия. Ключом к могуществу Британии, по всеобщему признанию, была

id., 'Epidemic and Empire: Ethnicity, Class and Civilisation in the 1892 Tashkent Cholera Riot', *Slavic Review*, 64, 2005, 1, pp. 117-39.

¹ Daniel Brower, *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*, London, 2003 (hereafter, *Turkestan*), pp. 9-14.

² Yaroshevsky D. 'Empire and Citizenship', in D. R. Brower and E. J. Lazzarini (eds), *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700-1917*, Bloomington, IN, 1997, pp. 69-70.

Индия, и поэтому именно на Индию обратили свое внимание российские военные офицеры и чиновники, ища слабые стороны, чтобы использовать, и сильные стороны, чтобы подражать, и создавая богатую литературу об Индии, которая, в отличие от англоязычных отчетов о путешествиях в Центральной Азии, остается в значительной степени неиспользованной.

Слабость русского присутствия всегда была очевидна правителям Туркестана с тех пор, как этот регион был завоеван полвека назад, как и непохожесть его коренного населения. Русские всех мастей регулярно сравнивали российское присутствие в Туркестане с британским в Индии или французским в Индокитае. Куропаткину было ясно, что Ташкент – столица русской колонии, и революция подчеркнула этот факт.

То, что было так очевидно современникам – что Туркестан был колонией, непосредственно сопоставимой с заморскими владениями других европейских империй, было предано забвению более поздними поколениями историков. Все началось с окончания англо-русского соперничества после Первой мировой войны, которое отодвинуло на задний план самую непосредственную точку сравнения. Позже, в двадцатом веке, представления о собственной инаковости и отличии России от «Европы» стали доминировать в мейнстрим-мышлении до такой степени, что стало трудно представить, что русские могли участвовать в упражнениях, общих для всех европейцев. Тем не менее, мало что о Туркестане можно понять, не признавая его колониальности. Чаяния «туземных» элит, сформулированные в 1917 году, а также их образ действий коренились непосредственно в колониальных реалиях Туркестана. Джадиды, модернистские мусульманские интеллектуалы, которые стали претендентами на лидерство в 1917 году, были колониальными интеллектуалами, их траектория и их затруднительное положение были непосредственно сопоставимы с любым количеством других групп в колониальном мире¹.

¹Khalid, 1996; Buttino, 1991; *idem*, 2003.

Генерал-лейтенант М.А. Терентьев (1837-1909), самый известный историк русского завоевания Туркестана, посвятил более раннюю книгу «Россия и Англия в Средней Азии»¹.

К сравнению имперских целей и позиций Великобритании и России с яростным опровержением большей части литературы на английском языке по этому вопросу: «Наша политика в отношении подвластных народов заключается в обеспечении равных прав граждан. Жители городов, которые только что были взяты, Кульджа и Ташкент, Самарканд и т.д., как так считаются такими же гражданами России, как, например, жители Москвы, или, возможно, даже имеют большие привилегии. В этой политике, в этом христианском космополитизме заключается наша сила. В этом наше будущее»².

Другими словами, все подданные царя пользовались равными (или, скорее, равными немногочисленными) правами, независимо от того, были они русскими или нет – хотя, как указывал М.А. Терентьев, некоторые нерусские районы, такие как Финляндия и Польша, пользовались большими правами, чем сама Россия, в то время как русский крестьянин платил гораздо более высокие налоги, чем его азиатский коллега, который, в отличие от него, не подлежал призыву в армию³.

Брошюра генерала М.А. Анненкова (1835-99) «Оазис Ахал-Техинский и дорога в Индию» также содержала неоднократные сравнения британской и российской политики в управлении азиатскими народами, в основном неблагоприятной для управления Британской Индией⁴. А.Е. Снесарев (1865-

¹Terent'ev, M.A. Rossiia i Angliia v Srednei Azii, St Petersburg, 1875 (hereafter, Rossiia i Angliia), and Istoriia zavoevaniia Srednei Azii, 3 vols, St Petersburg, 1906. Terent'ev, a noble from Voronezh province who was educated at the Alexander Military-Judicial Academy, served in Turkestan from 1867 to 1875: М.К. Басханов, Русские военные востоковеды, Москва, 2005 (далее-Русские военные востоковеды), с. 233.

²Басханов М.К. Русские военные востоковеды, Москва, 2005 (далее-Русские военные востоковеды). С.361.

³At approximately 29k per desiatina in 1899 the Land Tax in European Russia was much lower than in Turkestan, but it made up only 4 per cent of the total tax burden; peasants had also to make redemption payments for their emancipation and pay *mir* and *zemstvo* levies, and effectively paid over seven roubles for every desiatina they farmed, as opposed to an average of three roubles in Turkestan: Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Uzbekistana (hereafter, TsGARUZ) fond I-1, opis 1, delo no. 63, pp. 61–9. See Francis Watters, 'The Peasant and the Village Commune', in W. S. Vucinich (ed.), The Peasant in Nineteenth-Century Russia, Stanford, CA, 1968, pp. 149–51.

⁴Анненков М.А. Ахал-Техинский оазис и пути Индии, Санкт-Петербург, 1881 (далее - Ахал-Техинский оазис).

1937) был штабным офицером в Ташкенте, который писал об Индии и Афганистане, а позже стал одним из ведущих индологов Советского Союза: он ездил в Индию и написал пространный донос на британское правление там¹.

В.Ф. Новицкий (1869-1929), капитан русской армии, который провел четыре месяца в качестве гостя индийской армии в 1888 году, живо писал об Индии. В русских трудах об Империи, фоном для их собственного космополитизма и терпимости в Азии чаще всего была Британская империя в Индии. Это само по себе не удивительно: удивительно то, что многие утверждения «восточников» так долго принимались историками за чистую монету. В то время как некоторые путешественники и администраторы девятнадцатого века, британцы и русские, действительно поддерживали этот взгляд на имперскую судьбу России, другие современники рассматривали Российскую империю в Центральной Азии совсем иначе. Англичане или русские, французы или американцы, они не считали это, *sui generis*, странным и уникальным явлением, совершенно непохожим на другие Западные империи. Они прочно поместили его в контекст европейского империализма девятнадцатого века, как еще одно проявление цивилизационной миссии Европы, хотя, возможно, и более отсталой².

Первым зарегистрированным русским посетителем Субконтинента (1466-72) был Афанасий Никитин, купец, чье путешествие по Трех морям³ было хорошо известно русским индологам XIX века, которые с гордостью отмечали, что он достиг Индии раньше Васко да Гамы⁴.

Индийские товары доставлялись в Россию либо через Степи через Оренбург, вверх по Волге от Астрахани до большой ярмарки в Нижнем Новгороде, либо морем на британских и других европейских судах в Санкт-

¹Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в Среднеазиатском вопросе, Санкт-Петербург, 1906 (далее Индия как главный фактор //Русские военные востоковеды, с. 217-18.

²Новицкий В.Ф. Военные очерки Индии, Санкт-Петербург, 1899 (далее-Военные очерки Индии) //Русские военные востоковеды, с. 172-73.

³Адрианова-Перец В.П. "Хождение за три морей Афанасия Никитина", Ленинград, 1958. Старый перевод доступен в Р. Н. Мајор, Индия в пятнадцатом веке, Лондон, 1857, с. 4-32.

⁴Комаров Е.Н. В России и Индии: из воспоминаний и наблюдений индолога, Москва, 1998, с. 116.

Петербург и порты Черного моря. Как и в случае с британцами сто лет назад, в начале восемнадцатого века новая могущественная Россия стремилась торговать непосредственно с субконтинентом без посредников из Центральной Азии или Европы. Первым разведывательным экспедициям, отправленным на восточный берег Каспия, было поручено найти устье Окса (ошибочно предполагалось, что оно впадает в Каспий) и посмотреть, можно ли превратить его в судоходный путь в Индию¹.

В XIX веке интерес России к Индии вышел за рамки этого относительно простого стремления к беспрепятственной торговле. В то время как Константинополь оставался величайшим имперским призом, поскольку граница России в Степях двигалась на юг, некоторые из более диких духов в царском офицерском корпусе говорили о том, чтобы полностью изгнать британцев из Индии, особенно после того, как война на Кавказе наконец была закончена в 1864 году. Речь шла о британском расизме против русского ассимиляционизма, который, как считалось, настолько ослабил правление первых, что их владения созрели для завоевания. Это вылилось в почти непоколебимый оптимизм по поводу готовности индийцев миллионами восстать против британцев, если произойдет русское вторжение (угроза, к которой британцы отнеслись очень серьезно). Эти идеи были актуальны еще до Мятежа, который подтвердил в глазах Русских ненависть, по крайней мере, их мусульманских подданных к англичанам², но они могли принять некоторые довольно маловероятные повороты. В яростном обращении к царю, призывавшем его к немедленному завоеванию Индии, чтобы разрушить британскую власть в мире, Николай Муравьев, ведущий российский сторонник политики «вперед» в Центральной Азии, предсказал, что наиболее важная поддержка России в Индии будет исходить от англо-индийского (то

¹See Catherine Poujol, 'Les voyageurs russes et l'Asie Centrale: Naissance et declin de deux mythes, les réserves d'or et la voie vers l'Inde', in *Central Asian Survey*, 4, 1985, 3, pp. 59–73.

²See "'Donesenie russkogo voennogo agenta v Londone polkovnika Ignat'eva N. P. voennomu ministru o sipaiskom vosstanii'" 26th July 1857', Шаститко П.М. Русско-индийские отношения в XIX в., Москва, 1997 (далее-Русско-индийские отношения), с. 106.

есть евразийского) населения: Этот класс жителей – полукровки, не пользующиеся политическими правами, явно восстает против политики правительства в Индии: они требуют равных политических и гражданских прав с англичанами, и их петиция была отклонена английским парламентом. Постоянная деградация этого достаточно значительного класса людей с полным европейским образованием от рук тех, кто приехал с Британских островов, сделала их постоянными и тайными врагами британского правительства¹.

Столь же причудливо, возможно, генерал Михаил Скобелев, «мясник» Геок-Тепе, полагал, что от двадцати пяти до тридцати миллионов туземцев в Верхней Индии можно ожидать поддержки его планов вторжения в 1876 году, составленных, когда он был в первом разгаре своих побед в Коканде².

Такие идеи подпитывались утверждениями индийских диссидентов, таких как Рао Раджа Тула Сингх Бахадур, Рамчандра Баладжи (который утверждал, что является родственником Нана-Сахиба), Баба Рам Сингх и, самое главное, махараджа Дулип Сингх из Пенджаба, который в письме Александру III, умоляя его «освободить около 250.000.000 моих соотечественников от жестокого ига британского правления», утверждал, что: Большинство могущественных принцев Индии поручили мне приехать в Россию и молиться императорскому правительству, чтобы оно взяло их дело в свои руки. Эти князья имеют в общей сложности около 300 000 солдат на своей службе и готовы восстать. Я гарантирую легкое завоевание Индии. Ибо, помимо обещанной помощи принцев Индии с их армиями, в моей власти поднять весь Пенджаб на восстание (...) Я признанный глава и суверен

¹Государственный архив Российской Федерации, фонд 811, опись 1, дело № 27, с. 21. Николай Николаевич Муравьев-Карский (1794-1866) (не путать с его тезкой Н. Н. Муравьевым-Амурским) служил на Кавказе с 1816 по 28 год, но прославился в дерзкой экспедиции в Хиву через страну туркмен в 1819-20 годах. См. Басханов, Русские военные востоковеды. С. 166-167, и Nikolay Murav'yov, Journey to Khiva through the Turcoman Country (Calcutta, 1871), London, 1977.

²Посмертная бумага М. Д. Скобелева III — Туркестанская и английская Индия 1876", в Туркестанском сборнике, т. 330, с. 225.

примерно 20 000 000 (...) людей всего Пенджаба, страны, населенной самыми воинственными расами Индии¹.

Это произошло из-за пророчества, якобы сделанного последним сикхским Гуру Гобиндом Сингхом в 1725 году, о чем Баба Рам Сингх также упоминал в своем послании туркестанскому генерал-губернатору. Дулип Сингх был довольно печальной (чтобы не сказать неуравновешенной) фигурой, и, хотя кто-то много читал и комментировал его письмо, мало полагался на его утверждения или на утверждения других упомянутых лиц. Тем не менее, Санкт-Петербург приветствовал давление, которое армия теперь могла оказывать на северные границы Индии, что делало Британию гораздо более сговорчивой в балканской сфере. Царям было удобно позволить англичанам поверить, что у них есть серьезные имперские амбиции в Индии, и нет никаких сомнений в том, что многие в российских военных тоже верили в это.

Вместе с этим интересом к Индии как потенциальному полю завоеваний некоторые российские интеллектуалы и администраторы стали рассматривать Азию в целом и Индию в частности, как играющую решающую роль, политическую и моральную, в определении судьбы России. Армейские офицеры и колониальные чиновники проявляли огромный интерес к тому, как британцы управляли своей империей, а также к особенностям англо-индийского общества (интерес, который, по большому счету, не был взаимным). Британия была величайшей державой в мире, и ключом к этой державе, как было почти повсеместно признано в то время, был ее контроль над Индией. Иван Павлович Минаев (1840-1890), выдающийся исследователь индийской религии, писал в своем отчете о поездке в Индию и на Цейлон в 1876-1877 годах, что детальное знание этого богатейшего и самого важного заморского владения Великобритании будет иметь решающее значение в соперничестве России с ней в Азии. Хотя его поездка была якобы с чисто

¹Загородникова Т.Н. "Племянник Наны Сахиб в России", Е. Ванина, История Индии, с. 17-26.

научными целями, он подготовил подробные отчеты о политической и военной ситуации в Индии для Генерального штаба, вместе с (в основном негативными) оценками перспектив серьезного восстания среди сикхов. Эта жажда знаний об Индии была широко распространена среди русских чиновников и солдат на Востоке, и не только по военным причинам.

Русские одновременно восхищались и критиковали это великое предприятие, и они видели в нем много уроков для своих собственных довольно поздних попыток выгодного контроля над большим населением оседлых азиатских народов. Азиатская пресса, издававшаяся в Сибири и в Ташкенте, проявляла значительный интерес к индийским делам (особенно к националистическому или «революционному» движению в 1890-х годах), и эти сообщения, в основном переводы статей из «Таймс оф Индия», «Англичанин» и «Лахорский пионер», были широко прочитаны колониальными чиновниками и собраны в Туркестанской публичной библиотеке в Ташкенте. Некоторые отправились в путешествие и вернулись с рассказами о том, как это было. Среди них были некоторые младшие офицеры, отправленные в Индию в рамках штабного курса на хинди, а также более старшие офицеры, чиновники и ученые¹.

Великий разрыв почти во всей русской мысли XIX века – между славянофилами и западниками – присутствует и здесь; в то время как некоторые комментаторы усматривали уроки для собственной азиатской колонии России в Туркестане в британской модернизации Индии с помощью железных дорог и внедрения западного образования, другие размышляли о мистических связях симпатии, связывающих русских и индийцев вместе как братские азиатские народы, и оплакивали преобладание безвкусного импорта с Запада в индийской культуре. Независимо от того, исходили ли они из славянофильского или вестернизирующего угла, вряд ли нужно говорить, что эти наблюдения исходили из довольно смешанных мотивов: подтекст

¹Рапорт поручика А. И. Выгорницкого Управляющему делами Военно-Ученого Комитета о его командировке в Индию. № 140, 4 марта 1897 г. Shastitko, Russko-Indiiskie otnosheniia, pp. 305–311.

заключался не в том, что индийцы должны быть свободны править сами, а в том, что русские станут гораздо лучшими имперскими хозяевами либо из-за их большей симпатии к азиатскому образу мышления, либо потому, что они были более искренними модернизаторами, чем британцы. Таким образом, Индия была навязчивой идеей как для столичных восточников, так и для военных офицеров; они видели в нем ключ к имперскому будущему России как величайшей мировой державы, как мирской, так и духовной.

Привлекательность восточной мысли, или «азиатизма», как ее иногда называют, для русской интеллигенции очевидна. Выдающиеся писатели, интеллектуалы, публицисты и политики попали под чары идеологии, которая обещала нечто большее, чем имперское величие, способность изменить нравственную судьбу мира, и которая не сделала Россию отсталой по сравнению с Западной Европой. В конце концов Николай II позволил себе поддаться влиянию восточников при дворе (которые сами находились под влиянием шарлатана-бурятского врача по имени Бадмаев) и пуститься в злополучные приключения на Дальнем Востоке¹.

Безусловно, самым важным из восточников, написавших об Индии, был Взгляд Ухтомского на российские имперские отношения, который, если бы не религиозные ссылки, мог быть написан советским пропагандистом, является распространенным. Было много других, интеллектуалов, генералов и чиновников, которые, если и не были такими яркими, как Ухтомский, то, по крайней мере, на словах поддерживали идею расовой гармонии в царских владениях, противопоставляя ее нетерпимости и дискриминации, практикуемым англичанами. Минаев просто написал: «Народ их не любит и не понимает. «Негры» (так белые британцы называют черных индейцев) сильно не любят англичан и мало знают о них»².

¹See Riasanovsky, 'The Emergence of Eurasianism', pp. 58–61; Schimmelpenninck van der Oye, *Towards the Rising Sun*, pp. 42–49, 199–200.

²Minaev, *Ocherki Tseilona i Indii*, vol. 2, p. 15.

Несколько лет спустя исследователь и администратор полковник Венюков разделял эту точку зрения – что расизм был величайшей слабостью Британской Индии, в то время как, наоборот, гений русского смешения и ассимиляции был его величайшей силой: Мы не англичане, которые в Индии делают все возможное, чтобы не смешиваться с туземцами, и которые, кроме того, рано или поздно могут заплатить за это потерей этой страны, где у них нет расовых связей. Напротив, наша сила заключается в том, что до настоящего времени мы ассимилировали подчиненные расы, дружелюбно общаясь с ними¹.

Тем временем генерал Анненков в оазисе Акал-Текке и на дороге в Индию отметил, что тяжелое бремя налогообложения сводит на нет любые возможные выгоды, которые могли бы вытекать из внедрения европейской «цивилизации». Понятно, что Анненков был не очень хорошо информирован об Индии – его описание государственной службы, укомплектованной аристократическими младшими сыновьями, деловито обогащавшимися, устарело на пятьдесят лет, основанное на речах Берка и эссе Маколея о Клайве и Уоррене Гастингсе, которые с интересом читали и другие русские офицеры².

Он также осудил британскую отчужденность от своих азиатских подданных, утверждая, что «В Туркестане быстро завязалось знакомство между сартом и русскими, которые посещают друг друга и поддерживают дружеские отношения, которые с российской стороны не имеют ни тени презрения к побежденным»³, области, которые он критиковал или находил трудными для понимания, чрезвычайно интересны. Анненков недоумевал, почему англичане не колонизировали Индию, чтобы укрепить свои позиции, как это делали русские в Туркестане (его предложение состояло в том, что ирландские эмигранты должны были поселиться там, а не позволить им уехать

¹Quoted in Hauner, *What Is Asia to Us?*, p. 43.

²Снесарев, *Индия как главный фактор*, с. 46-47.

³Barthold V.V. 'Sart', in *Encyclopaedia of Islam*, vol. 4, S–Z, Leiden and London, 1934, pp. 175–76; Н. П. Остроумов, *Сарты - этнографические материалы*, Ташкент, 1890 (далее Сарты - этнографические материалы), стр. 7; см. также ид., *Значение названия 'сарт'*, Ташкент, 1884, с. 48.

в Америку и Австралию). Это может показаться нелепой идеей для тех, кто имеет опыт в истории Южной Азии, но на самом деле это вопрос, который стоит задать. Идеологические и практические причины, по которым Индия так и не стала колонией поселений, изучены слишком мало. Русские всегда считали власть Британии над Индией слабой, потому что число европейцев там было таким крошечным – они не думали, что огромная разница в численности между правителями и управляемыми была чем-то, чем можно гордиться: «Похоже, никому не приходило в голову направлять колонизацию в Индию. Трудно определить, каковы были реальные причины, по которым колонизация так и не состоялась, но этот факт несомненен.

Анненкова больше всего интересовало сравнение военных возможностей двух империй, и он поддерживал обычную русскую точку зрения, что англичане совершили серьезную ошибку, полагаясь на туземные войска в Индии. Хотя с 200 тыс. человек индийская армия намного превосходила численностью примерно 30 тыс. русских войск, дислоцированных в Туркестане, обычно предполагалось, что индийские войска окажутся ненадежными во время войны, как это было в 1857 году, и что в любом случае европейские солдаты будут обладать моральным и физическим преимуществом. Он твердо верил, как и большинство других администраторов и солдат в Туркестане, что европейское господство в Азии может быть обеспечено только европейскими войсками и европейскими колонистами. Минаев пришел к такому же выводу в 1878 году: «Здесь нет колонистов, здесь нет оседлых англичан. Англичанин в третьем поколении в Индии – редкость»¹, что в его глазах означало, что британское правление в Индии было неизбежно хрупким. Парадоксально, но, хотя они и осуждали британский расизм, русские считали свою зависимость от индийских подчиненных и коллаборационистов врожденной слабостью и не верили, что косвенное правление, поддерживаемое британцами, может стать прочной

¹Минаев И.П., Очерки Цейлона и Индии, т. 2, с. 16.

основой для правления в Азии. В 1898 году Генеральный штаб в Туркестане опубликовал перевод интервью с русским генералом (имя неизвестно), который был в охотничьей экспедиции у озера Балхаш, взятого из Лахорской пионерской почты. Генерал был озадачен британской политикой на Северо-Западной границе, заявив, что он не может понять, почему, если малики (вожди племен и землевладельцы), действовавшие в качестве британских агентов в регионе, были уличены в попустительстве набегам племен, они не были немедленно казнены, вместо того чтобы тратить время на судебные разбирательства. Если бы он был на месте генерала Локхарта, сказал он, он бы сокрушил афридии «железным кулаком», изгнал их с их земель и поселил их с 20 000 казаков. Русские офицеры также проявляли живой интерес к росту индийского национализма. В некоторых из этих описаний британских страданий с их растущей воинственностью было больше, чем оттенок злорадства, писал А.Е. Снесарев в «Голосе правды» в 1908 году: Ситуация в Индии превращается в затянувшийся кошмар. Во времена Маколея один англичанин мог обратиться в бегство тысячи бенгальцев, а сегодня те же самые «черные тусы» начинают обращаться в бегство не только полицию, но и конные войска британцев, жалея английских государственных служащих; они научились делать и имеют наглость бросать бомбы¹.

А.Е. Снесарев, как главный фактор в центральноазиатском вопросе была в значительной степени посвящена анализу пропасти, возникшей между правителями и управляемыми в Индии из-за британской жестокости и расизма. Он привел ряд анекдотов, почерпнутых из других русских путешественников, а также немецких и итальянских жителей в Индии, призванных продемонстрировать, насколько расистски настроены англичане: один, например, касался жены капитана, которая отказалась быть приглашенной на ужин махараджей Кашмира на одном из приемов вице-короля лорда Рипона, описав его как «грязного индуса». Он также сослался на

¹Снесарев А.Е. У Англии и Австрии. Голос Правды, 1908, Н. 782, Туркестанский сборник, вол. 465, п. 27.

непристойный «Дурбар» мадам Блаватской в Лахоре как на свидетельство жестокого обращения британцев с Дулипом Сингхом¹.

Британское правление в Индии, по-видимому, является хищническим, коммерческим правлением иностранцев, которые считают людей, которыми они управляют, низшими интеллектуально, физически и морально. В результате этой системы среди туземцев возникло отвращение и неуважение к своим завоевателям, что сделало свободу страны от британского ига предметом самого горячего желания лучшей части местного населения.

А.Е. Снесарев был уверен, что военный деспотизм англичан в Индии, основанный на лояльности индийских войск, окажется их ахиллесовой пятой. Он обратил внимание не только на растущий радикализм среди образованных классов, но и на беспокойство британцев, когда, как это случалось все чаще, они терпели поражение в крикете или поло, «вопрос жизни и смерти для сынов Альбиона». Хотя они сильно недооценивали устойчивость британского правления перед лицом того, что они всегда называли «революционным движением» в Индии, русские были странно равнодушны к перспективе распространения таких идей среди коренного населения Туркестана, даже после персидской конституционной революции 1906 года, о чем также сообщалось очень широко. Вместо этого они сосредоточились на противодействии панисламской и пантюрокской угрозе со стороны своих «фанатичных» исламских подданных (что стало их главным страхом после Андижанского восстания 1898 года), предполагая, что революционные движения были ограничены русскими железнодорожниками и городскими классами в Туркестане².

Большинство российских наблюдателей безоговорочно приняли британские радикальные и индийские националистические аргументы об обнищании Индии под британским правлением. А.Е. Снесарев процитировал Монтгомери Мартина и Дадабхая Наороджи, подсчитав, что «со времен

¹Снесарев А.Е. В Индии как главный фактор. с. 139–41.

²Снесарев А.Е. 'Англия и Афганистан', "Голос правды", 1908, нет. 782, Туркестанский сборник, т. 465, с. 27.

Клайва» Британия извлекла из Индии 450 миллионов фунтов стерлингов, или 4,5 миллиарда рублей. Далее он добавил, возможно, несколько задумчиво, что, если бы Россия получала такую щедрость, она могла бы покрывать все свои государственные расходы в течение пятнадцати лет, не собирая ни пенни налогов. Глинка, писавший для правой газеты «Русская земля», писал в такой же цензурной манере: И что стало с некогда богатой Индией? Несмотря на плодородную почву, южный климат и обильный урожай, индейцы периодически страдают от голода, и десятки тысяч умирают от крайнего голода. Народ порабощен и не может даже мечтать о каком-то равенстве с победителями. Они отданы в эксплуатацию английским фирмам, и все административное учреждение приспособлено к потребностям англичан с минимальными возможными расходами со стороны самих англичан. Далее он неблагоприятно противопоставил британские достижения в Индии великим достижениям России в области цивилизации в Туркестане и ее политике расового равенства, в то время как в Лакхнау Ухтомский встретился с Сайидом Мухаммедом Хусейном, автором брошюры под названием «Наши трудности и нужды», в которой рассказал о сокрушительной сельской бедности и недавнем голоде в северо-западных провинциях. Он использовал это в качестве основы для финансовой критики британского правления, которая очень похожа на критику современных индийских националистов. Также, как и Наороджи, большую часть денежных переводов принц отправляет в Англию в виде пенсий и процентных платежей: Ухтомский был не в восторге от культурного и образовательного импорта из Европы в Индию. Вскоре после своего прибытия в Бомбей он с большим сожалением отметил, насколько прочно европейская цивилизация, по-видимому, укоренилась в Индии, выделив Университет для особого порицания как экзотическое и чуждое учреждение. Однако многие русские считали Британскую Индию образцом для своих собственных попыток распространить рациональное просвещение посредством образования, и, хотя баланс русской литературы об Индии был отрицательным, это было не всегда так. Сам Ухтомский восхищался

британскими усилиями по предотвращению голода, как в расширении ирригации, так и в строительстве железных дорог, отмечая, что они посрамили усилия русских в Туркестане. Минаев, несмотря на свою неприязнь к англичанам и их отношениям с индейцами, писал в 1878 году, что тот, кто видел британское правление на месте в Индии, избегает увлечения патриотическим непониманием и не закрывает глаза на все хорошее, что сделали там британцы, окажется далек от любых мыслей о возможности новой иностранной гегемонии над индийцами¹.

Автор статьи 1883 года о необходимости светских школ для уроженцев Туркестана в Восточном обозрении чрезвычайно восхищался англо-индийской сетью государственных технических школ, которые не давали религиозного образования: Британское правительство убеждено, и совершенно справедливо, что рано или поздно просвещение, понимаемое этими рациональными средствами, объединит многие народы и племена Индостана и породит среди них культурное благополучие².

В 1886 году туркестанская администрация обратилась к Британской Индии за моделью сельскохозяйственной реформы, как А.И. Гиппиус подготовил документ, озаглавленный «Решение проблемы децентрализации сельского хозяйства в Британской Индии», в котором, среди прочего, цитировались Джон Стюарт Милль и сэр Генри Мэн в рамках предпринятой программы земельной реформы в Туркестане после доклада Комиссии Гирса. Даже Снесарев был вынужден признать, что англичане вложили почти 200 миллионов фунтов стерлингов в строительство железных дорог в Индии и 29,5 миллиона фунтов стерлингов на ирригацию, суммы, о которых администрация в Туркестане могла только мечтать. Он также отметил, что в 1899-1900 годах в Индии было издано 675 ежедневных газет и 465 периодических изданий, а также 1164 книги на английском языке и 6724 на родных языках. В то время в

¹Минаев, Очерки Цейлона и Индии. Т. 1. с. 4.

²Русская школа для мусульман в Туркестане, Восточное обозрение, 1883, № 38, в Туркестанском сборнике, т. 358 с. 155.

Туркестане было всего две газеты, обе принадлежали правительству, хотя их число увеличилось, когда законы о цензуре были смягчены после 1905 года¹.

Многие рекомендации графа К.К. Палена по внутренней реформе Туркестана были в значительной степени основаны на примере Британской Индии. Он видел в передаче полномочий вице-королю и существовании преданной, образованной гражданской службы в Индии модель для российских попыток реформировать коррумпированную и чрезмерно централизованную систему в Туркестане, которая была укомплектована необученными солдатами, откомандированными из своих полков: «Эти недостатки особенно ясно проявляются при сравнении нашей системы управления регионом с системой других правительств над азиатскими владениями, особенно с самой заметной и обширной – Британской индийской колонией»².

В Индии, писал он, вице-королю и его совету были предоставлены чрезвычайно широкие полномочия: только вопросы высокой политики решались государственным секретарем в Лондоне, и эта децентрализация и опора на местную инициативу продолжались вплоть до самых низких уровней индийской гражданской службы. Во время своей миссии по реформированию Пален также пытался (безуспешно) создать единый кодекс законов шариата для народных судов, или (кази, которые все еще занимались основной судебной работой в Туркестане. Полагая, что индийская юриспруденция предлагает решение, он выбрал в качестве своей модели кодекс англо-мусульманского права Вильсона, переведенный на русский язык³.

Встречи русских с англо-индийскими офицерами на Афганской границе, на Памире и в самом Туркестане являются несколько более привычной территорией для изучения их взглядов на Индию и ее правителей и помогают

¹Adeeb Khalid, 'Printing, Publishing and Reform in Tsarist Central Asia', *International Journal of Middle-Eastern Studies*, 26, 1994, p. 188.

²Центральный Государственный исторический архив (далее-ЦГИА), фонд 1396, опись 1, дело № 437, с. 31-33.

³ЦГИА. Ф. 1396, опись 1, дело 362; Scott Alan Kugle, 'Framed, Blamed and Renamed: The Recasting of Islamic Jurisprudence in Colonial South Asia', in *Modern Asian Studies*, 35, 2001, pp. 257–315.

подчеркнуть тот факт, что в конечном счете обе державы были вовлечены в общее предприятие. Наиболее известной из таких встреч, вероятно, была встреча между Фрэнсисом Янгхасбендом и капитаном Б.Л. Гронбчевским на Памире в октябре 1892 года, когда они «сели за очень основательный обед из супов и тушеного мяса, запив его обильным запасом водки»¹.

Водка действительно является повторяющейся темой в отчетах об этих встречах, которые становились все более частыми в годы, предшествовавшие Первой мировой войне. Хотя Б.Л. Громбчевский был вынужден изгнать «Молодого Мужа» с Памирского плато, сообщив ему, что оно только что было аннексировано царем, двое мужчин расстались на условиях взаимного уважения. Они встретились как собратья – европейцы и собратья-империалисты, занятые общей задачей, и из рассказа Янгхусбэнда (кажется, Б.Л. Громбчевский никогда не писал ни одного) 96 совершенно ясно, что эта связь была гораздо важнее, чем те, которые каждый человек имел со своим сопровождающим поездом азиатов – у Б.Л. Громбчевского также был отряд казаков, о которых Янгхусбэнд заметил, что они были «Белокурами по цвету лица, совершенно европейскими по внешнему виду и очень напоминали наших английских сельских рабочих» (по-видимому, до сих пор у него были некоторые сомнения на этот счет.). Другими словами, оба человека были связаны не только цивилизацией, но и классом. Б.Л. Громбчевского, в свою очередь, больше всего впечатлил эскорт гуркхов Янгхусбэнда, поскольку до сих пор он полагал, что индийские туземные войска были не более чем иррегулярными войсками (распространенное русское заблуждение). Заключил молодой человек: Мне очень понравилась эта встреча с русским офицером. Мы и русские-соперники, но я уверен, что отдельные русские и английские офицеры любят друг друга гораздо больше, чем отдельные представители наций, с которыми они не соперничают. Мы оба играем в одну большую игру, и нам не должно быть ни на йоту лучше, если мы попытаемся скрыть этот

¹Francis Younghusband, *The Heart of a Continent*, London, 1904 (hereafter, *The Heart of a Continent*), p. 235.

факт. Менее известным, но, возможно, столь же показательным примером того, как представители этих двух правящих рас относились друг к другу, является этот отчет об обеде близ Мерва в то время, когда англо-русская пограничная комиссия проводила границу Афганистана с Российской империей. Офицеры индийского уланского полка пригласили своих бывших русских нападавших на их временную столовую, и один из них под псевдонимом «Вареник» (буквально «вареный» или «клецка») написал этот отчет о происходящем для местной газеты: Справа от входа стоял стол с закусками, это в явном желании соответствовать нашим вкусам, так как сами англичане не закусывают (лит. «перекусите немного») перед обедом, и это было видно из закусок: блюда с прогорклой икрой, сливки и хлеб, намазанный маслом, – вот и все; рядом стояло крепкое испанское белое вино, коньяк и наша собственная водка «Вдова Попова», купленная у нас в лагере (...) На первое блюдо нам дали какой-то суп, в котором плавали зеленый горошек, оливки и еще какие-то ягоды. Он показался нам безвкусным и таким горьким от огромного количества индийских специй, что положительно обжег рот от непривычки: во всех блюдах было больше соусов, с сильным привкусом перца, корицы и гвоздики. Вина было много, но они пьют в основном шампанское, которое начинается после первого блюда. Десертом был неизменный пудинг. Это блюдо является таким же деликатесом для англичан, как различные виды расстегаев и караваев для русских (хотя они, конечно, сладкие). После всего этого, к нашему удивлению, нам принесли сардины с солониной, сыром и икрой. Это было выше наших сил, и мы отказали в этом мужчине (...) Как обычно делают англичане, они предложили тост за здоровье нашего правителя Императора и благополучие России, дружеское «Хип-хип ура! Еще раз! Ура!» смешался с нашим «Ура» в ответ на них¹.

Вряд ли будет новостью писать о том, как представители соперничающих имперских держав, особенно в девятнадцатом веке,

¹Вареник “С русско-афганской границы”, Туркестанский сборник, т. 411, 1886, с. 189-192.

встречались и братались таким образом, в то время как их правительства враждовали, и они сами могли оказаться стреляющими друг в друга на следующий день. Как сказал полковник Соболев Чарльзу Марвину в 1881 году: «Зачем двум великим европейским державам ссориться из-за нескольких азиатов?». Находясь в Индии, под крылом мании величия Ухтомского (который тоже не любил карри), Николай II, по-видимому, проводил большую часть своего времени, играя в бильярд и курия с офицерами индийской армии. Такие вещи являются материалом имперского мифа, и вряд ли можно спорить с предположением, что классовая лояльность и общая культура могут легко преодолеть национальные разногласия, когда европейцы оказались в окружении людей, гораздо более чуждых, чем они были друг другу. Люди, служившие на местах в российских колониальных владениях, в этом отношении мало отличались от чиновников и солдат других европейских держав. Они интересовались Индией, поскольку она была военным соперником, и британский опыт мог бы послужить уроком для их собственных экспериментов по управлению мусульманами. Они не смотрели ни на своих собственных имперских подданных, ни на подданных Британии в Индии как на братьев-азиатов, с которыми они должны объединиться против сил вестернизации. Крайне трудно с какой-либо определенностью определить, можем ли мы ожидать, что мусульманское население области выйдет из состояния, которое, хотя и далеко не дикое, является, что еще хуже, неправильно развитым (...) Легче предвидеть, что уже долгое время сарты Туркестанской области останутся торговцами, без энергии, без воли, без любви к своему отечеству и без всех тех высших чувств и качеств, которые необходимы для создания чего-либо прочного, истинного и рационального.

В заключении можно сказать, что такое презрительное отношение к мусульманам Центральной Азии как к культурно неполноценным, диким, фанатичным и отсталым, сильно напоминает расовые и религиозные предрассудки британцев и имели аналогичные последствия в создании этнического и религиозного разделения между правителями и управляемыми.

Возможно, парадоксально, но русский страх перед мусульманским «фанатизмом» также означал, что христианская прозелитизация была запрещена в Туркестане, в то время как почти не было вмешательства в пожертвования вакфа, от которых зависели мечети и медресе, а усилия по регулированию хаджа были «половинчатыми».

Следует отметить, что на основе проведенных сравнительных анализов можно выделить лишь несколько черт, которые либо обобщали, либо отличали все части империи друг от друга. Во-первых, колония, независимо от ее содержания или характера, даже ее географического положения, каким бы оно ни было, является колонией; во-вторых, основное различие заключалось в политической ситуации и историко-географическом положении колонии; в-третьих, это была унификация или дихотомия в системе управления в колониях; в-четвертых, это была идентичность, близость или отдаленность в религии, культуре, образовании и экономике.

Поскольку в любом имперском измерении происходили идентичные процессы, например, угнетение, приводящее к социальным потрясениям, экономическое закрепощение, снижение экономического уровня колонии, политическая зависимость, национальная политика. Эти факторы вскоре дали свои результаты в разных формах, в конечном счете, полной независимости.

3.2. Англо-русское торговое соперничество в Средней Азии

В истории европейского империализма Россия якобы была в авангарде стремления исключить иностранцев из экономической эксплуатации своих колониальных владений. Что касается Центральной Азии, заметил Олаф Каро, «царские правительства постоянно с завистью и раздражением смотрели на вторжение других на ее азиатские территории и строго следили за всеми мерами контроля. Новые железные дороги, считавшиеся стратегическими, не

стали магистралями международной торговли, и разрешения на поездки, как известно, было трудно получить»¹.

И все же, несмотря на привилегированное положение российских предприятий в экономическом проникновении в Центральную Азию, нерусские предприятия смогли сыграть важную роль в раннем развитии ключевого коммерческого сектора региона – торговли хлопком. Причины этого довольно просты. Во-первых, еврейское меньшинство Центральной Азии, с его прочно укоренившимся положением в местной торговле, имело стратегически хорошие возможности для участия в развитии торговли хлопком между регионом и Центральной Россией. А во-вторых, для тех западноевропейских фирм, которые были традиционными поставщиками хлопка в российскую текстильную промышленность, расширение торговой деятельности в Центральной Азии рассматривалось как логическое развитие их бизнеса. Такие фирмы хорошо практиковались в том, чтобы избегать дискриминационных законов против иностранного участия, используя простые способы получения российского гражданства и создания своих российских фирм в соответствии с российскими законами. В эпоху резкого русского национализма после русско-японской войны они старались не оскорблять восприимчивость русских, слишком откровенно рекламируя свой нерусский характер, хотя для таких фирм могли возникнуть трудности, когда они хотели купить землю.

Но в любом случае входящие фирмы с историей поставок российской текстильной промышленности, как правило, были больше заинтересованы в том, чтобы участвовать в местной торговле хлопком, а не в выращивании хлопка, и явным преимуществом, которое они имели до того, как российские банки начали расширять свои филиальные сети в Центральной Азии с 1890-х годов, был доступ к источникам кредитования, часто из-за пределов России.

¹Olaf Caro, *Soviet Empire: The Turks of Central Asia and Stalinism* (London, 1967), pp. 5-6.

Хотя внедрение улучшенных сортов американского хлопка в Туркестан и развитие его транспортных связей с Центральной Россией были предметом западных исследований, вклад фирм, действующих в качестве посредников между производителями хлопка в Центральной Азии и потребителями хлопка в Центральной России, в значительной степени игнорировался¹.

Кроме того, при активном участии в регионе таких крупных российских хлопчатобумажных текстильных фирм, как Большая Ярославская мануфактура и был признан текстильный концерн Морозова, что не привлекло внимания западной науки, так это роль нерусских фирм, как местных, так и западноевропейских, упомянутых выше. Именно вклад таких фирм в развитие центрально-азиатской торговли хлопком и их успех (или как-то иначе) в условиях жесткой конкуренции российских банков в первые годы этого столетия является основным предметом настоящего исследования. Но поскольку иностранные капиталы в российских банках были значительными, необходимо рассмотреть вопрос о том, в какой степени контроль над торговлей хлопком приравнивался к русификации этой торговли.

В сравнение с Афганистаном, например, в равнинных округах буржуазия формировалась преимущественно из числа богатых землевладельцев, которые по мере развития товарно-денежных отношений переводили часть своих накоплений сначала в торговлю, а затем и в зарождавшееся промышленное производство.²

Хотя причины, по которым Россия расширила свое господство в Центральной Азии, были различными, нет никаких сомнений в том, что в начале 1860-х годов хлопковый голод, вызванный Гражданской войной в Америке, усилил интерес России к потенциалу Центральной Азии как региона выращивания хлопка. Цена хлопка в Москве выросла с четырех до пяти рублей

¹Whitman J., 'Turkestan Cotton in Imperial Russia', *American Slavic and East European Review*, XV (1956), pp. 190-205; and D. Spring, 'Railways and Economic Development in Turkestan before 1917' in L. Symons and C. White (eds.) *Russian Transport: An Historical and Geographical Survey* (London, 1975), pp. 46-74.

²Темирханов Л. Восточные пуштуны в Новое время (этносоциальная характеристика) / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М.: Наука, 1984. - С. 60

за пуд (1 пуд = 16,38 килограмма) в 1861 году до 22-23 рублей за пуд в 1864 году, что сделало привлекательным предложение альтернативного источника поставок, который мог бы находиться под более тесным контролем России¹.

В этом случае только с 1880-х годов Центральная Азия стала значительным поставщиком хлопка для российской промышленности. Как только Гражданская война в Америке закончилась, цены на хлопок упали, и площадь, отведенная под хлопок в Центральной Азии, резко сократилась. Однако к 1913 году российская текстильная промышленность получала около 55 процентов своего хлопка из империи; среднеазиатские сорта хлопка значительно уступали американским, и в любом случае в регионе не было технологий для извлечения семян или прессования их в тюки для удобства транспортировки².

Для того, чтобы Центральная Азия стала крупным поставщиком хлопка для российской промышленности, необходимо было не только улучшить качество выращиваемого хлопка и уменьшить проблемы транспортировки и переработки, но и оказать поддержку российскому правительству. Правительство было обеспокоено растущими счетами империи за импорт хлопка, сырья для хлопчатобумажного текстильного сектора, крупнейшей и одной из самых быстрорастущих отраслей промышленности России. Стоимость его производства на рубеже веков составляла более 520 млн. рублей, что было больше, чем в любом другом промышленном секторе. Стоимость хлопка-сырца, потребляемого им в 1900 году, составляла около 171 млн. рублей, что давало все стимулы режиму, заботящемуся о поддержании активного торгового баланса для стимулирования внутреннего производства. После более чем десятилетних экспериментов с американскими сортами хлопка было установлено, что ряд подвидов американского высокогорного хлопка наиболее подходят для условий выращивания в Туркестане. Их

¹Prince V. I. Masalskiy, *Turkestanskiy Kray, Povnoye Geograficheskoye Opisanie Nashogo Otechestva*, (The Turkestan Region: The Complete Geographical Description of our Fatherland) xix (St. Petersburg, 1913), pp. 454-66.

²Whitman J. Op. cit., pp. 190-205.

использование активно поощрялось колониальной администрацией, в результате чего на рубеже веков местные сорта практически исчезли в Туркестане, хотя они продолжали выращиваться в протекторатах Бухары и Хивы¹.

Улучшение связи с Центральной Россией произошло с развитием железнодорожной системы. До этого среднеазиатский хлопок, предназначавшийся для России, должен был идти через опасные и дорогие верблюжьи караваны в Оренбург. До тех пор, пока Оренбург не был связан с российской железнодорожной сетью завершением строительства линии Самара-Оренбург в 1870 году, дальнейший транспорт в Центральную Россию оставался проблематичным. Поскольку караванам из Центральной Азии могло потребоваться два-три месяца, чтобы добраться до Оренбурга, риск колебаний цен в этот период усугублял коммерческую неопределенность. Первая Всероссийская конференция промышленников в 1870 году определила высокую стоимость транспорта как главное препятствие для широкого использования центрально-азиатского хлопка российской текстильной промышленностью. Он пришел к выводу, что открытие торгового пути через Красноводск на побережье Каспия является наилучшим решением. В период с 1854 по 1880 год было выдвинуто около 40 проектов железнодорожного сообщения между Россией и Центральной Азией, но только в 1880 году железнодорожная линия от Каспийского побережья была продлена во внутренние районы Туркестана. Основной мотив для этого был скорее военным, чем коммерческим; тем не менее к 1888 году центральноазиатская железная дорога пересекла Амударью и продолжила движение вверх по Зеравшанской долине до Самарканда. Экономическое значение, которое эти расширения придавали линии, было еще более усилено строительством линии связи с глубоководным портом Красноводск на Каспии в 1896 году и

¹Rozhkova M. K. *Ekonomicheskiye svyazy Rossii So Sredney Azii: 40-ye gody XIX veka* (Russia's economic links with Central Asia from the 1840s to the 1860s) (Moscow, 1963), pp. 76-87; and D. Spring, *op. cit.*, pp. 46-74.

расширением линии до Андижана в Ферганской долине с ответвлением на Ташкент, завершённым в 1899 году. Дальнейший толчок связям в регионе был дан с завершением строительства линии Оренбург-Ташкент в 1906 году. Устраняя необходимость в перевалке через Каспийское море, что является недостатком центральноазиатской железной дороги, эта новая линия обеспечила более прямую связь с хлопчатобумажными фабриками Центральной России¹.

Развитие железных дорог само по себе не было достаточным для решения транспортной проблемы, не говоря уже о том, чтобы позволить центральноазиатскому хлопку эффективно конкурировать с хлопком из Соединенных Штатов. Из-за фактического отсутствия дорог от основных деревень, производящих хлопок, до железных дорог транспортные проблемы продолжали оставаться основным препятствием для развития торговли хлопком на протяжении всей царской эпохи. Однако защитные меры правительства компенсировали этот недостаток. Импортные пошлины на хлопок, которые были отменены во время гражданской войны в США, были вновь введены в 1878 году в размере 40-50 копеек за пуд, затем с расширением производства в Центральной Азии они были постепенно увеличены до 5,75 рубля в 1915 году. Хотя повышение пошлин было вызвано в первую очередь фискальными причинами, оно имело сильный протекционистский эффект для Центральной Азии и позволило хлопку из региона конкурировать с американским импортом, который в противном случае имел бы заметное ценовое преимущество. Налоговые льготы для производителей хлопка и низкие ставки фрахта на государственных железных дорогах были дополнительными преимуществами, как и низкие железнодорожные тарифы с 1893 года на пшеницу, перевозимую в регион, что позволило выделить больше орошаемых земель для выращивания хлопчатника².

¹"Туркестанские ведомости", 15 июля 1914 г. и 16 июля 1914 г.

²Масальский, соч., стр. 454; Pierce, *op. cit.*, pp. 166-67; Whitman, *op. cit.*, pp. 198-99; and P. G. Galuzo, *Turkestan-Koloniya: Trudy Nauchno-Issledovatel'skoy Assotsiatsii pri Kommunisticheskoy Universitete Trudyashchikhsya Vostoka Imeni J. V Stalina* (The Colony of Turkestan: Transactions of the Scientific Research Association attached

В период с 1885 по 1889 год цены на хлопок в Центральной Азии выросли почти на 2 процента в то время, когда транспортные расходы снижались и решались проблемы выращивания американских сортов хлопка. Большое количество новичков, часто неопытных, были привлечены в местную хлопковую экономику, но большинство из них встретили равнодушный успех. Директор Департамента мелиорации земель, который отвечал за увеличение производства хлопка в Российской империи.

С каждым годом число плантаторов американского хлопка увеличивалось, посевы увеличивались, и параллельно с развитием хлопкового бизнеса происходило улучшение средств очистки, упаковки и прессования хлопка, которые до тех пор были неудовлетворительными в регионе. Мало-помалу туркестанский хлопок, выращенный из американских семян, завоевал прочное место на московском и других рынках. Туркестан охватила хлопковая лихорадка; торговцы, чиновники, офицеры, административный персонал, все, кто мог найти немного денег, бросились сеять хлопок, приобретать плантации и создавать хлопкоочистительные заводы. Многие из этих плантаторов, работая на деньги, взятые под высокие проценты, и не имея ни малейшего представления о выращивании хлопка, потерпели неудачу и потеряли весь капитал, который они вложили в предприятие; более опытные и энергичные, имеющие возможность выждать свое время, остались, однако, и, приобретая с каждым годом все больше опыта и практики в хлопковом бизнесе, продолжали и расширяли новое выращивание. Местные жители, чей многовековой консерватизм первоначально заставил их с подозрением относиться к американскому хлопку, выжидали, пока они быстро не увидели превосходство новых растений, и во многих населенных пунктах они перестали выращивать местный хлопок и начали культивировать американский сорт¹.

to the Communist University of Toilers of the East named after J. V. Stalin) (Moscow, 1929) Reprinted by the Society for Central Asian Studies (Oxford, 1986), pp. 32-33 and 40.

¹Prince V. I. Masalskiy, *Khlopkovoye Delo v Sredney Azii* (The Cotton Business in Central Asia) (1892), pp. 19-20.

В течение нескольких лет большинство плантаций оказались неудачными, и многие были ликвидированы. Российским фирмам оказалось выгоднее ликвидировать свои плантации и принять политику покупки хлопка у местных производителей. Отдача от операций по покупке и кредитованию была выше, чем на плантациях, где административные и трудовые затраты были высокими по сравнению с затратами мелких независимых производителей. Отчет о Ташкентской экспериментальной плантации за 1878 год хорошо иллюстрирует этот момент. В этом году его административные расходы составили 72 процента от общей суммы расходов. В других странах ферганская плантация текстильных фабрик «Большая Ярославская», одного из наиболее динамично развивающихся российских текстильных концернов, обеспечила доходность вложенного капитала всего около 3,2%¹.

В Центральной Азии хлопок редко покупали за готовые деньги. В подавляющем большинстве случаев он был куплен ранее по контракту с предоставлением аванса. Они, в свою очередь, доходили до крестьянина-земледельца (дехан) через посредников, занятых торговлей. Фабрики перерабатывали не только купленный ими хлопок, но и хлопок так называемых чистачей, лиц, не имеющих собственных фабрик, которые скупали хлопок в сельской местности, а затем продавали его фабрикам. В 1907 году было подсчитано, что на закупку хлопка-сырца в Туркестане было выделено около ста миллионов рублей кредита на сумму 8,2 миллиона пудов. Крупные фирмы по закупке хлопка полагались на сложную сеть мелких покупателей, которые разъезжали по деревням, скупая хлопок у дехан².

Российские компании по торговле хлопком, выходящие на туркестанский рынок, придерживаются осторожного подхода. Их капитал первоначально шел на кредитные и покупательские операции. Эта стратегия открывала возможности для местной торговли, которая во время русского

¹Галузо П.Г. Туркестан - колония, с. 32.

²Вяткин М.Р. Монополистический капитал в Средней Азии (монополистический капитал в Центральной Азии) (Фрунзе, 1962) - с. 24.

завоевания была относительно слабой. Тем российским фирмам, которые занимались кредитными операциями, было чрезвычайно трудно контролировать своих многочисленных мелких кредиторов на рынке, с которым они были незнакомы, и они предпочли использовать местных посредников. Российские банки предпочитали предоставлять кредиты для развития крупномасштабных торговых операций и промышленных предприятий, а не заниматься мелким кредитным бизнесом¹.

В любом случае они не спешили расширять свои филиальные сети в Центральной Азии. В результате только в десятилетие, предшествовавшее Первой мировой войне, банки уделяли большое внимание предоставлению мелких кредитов. Затем это стало частью более широкой стратегии, принятой рядом ведущих российских банков, не только для предоставления кредитов, но и для участия в торговле хлопком за свой счет. Это отражало то, что происходило в Европейской России².

Как отмечал британский обозреватель Д. Маккензи Уоллес, российские банки в то время были «крупными коммерческими предприятиями, занимавшимися бизнесом самого разнообразного рода...» к началу двадцатого века российские банки, укрепляли свое влияние на внутреннюю торговлю хлопком в Европейской России, оказывая большое давление на частных торговцев и комиссионеров, особенно в Московском регионе. Более двух третей хлопка, потребляемого российской текстильной промышленностью, к этому времени продавалось через банки, в первую очередь через Русско-Азиатский банк, Азово-Донской банк и Российский банк внешней торговли. Торговля импортным хлопком оставалась в руках частных фирм, по большей части возглавляемых нерусскими, и частично в руках российских текстильных производителей. По словам одного наблюдателя довоенного рынка, российские банки «мечтали захватить этот бизнес для себя»³. Несмотря на их

¹Галузо П.Г. соч., с. 119.

²Каценеленбаум З.С. Коммерческие банки и их торгово-комиссионные операции (Москва, 1912), с. 83.

³Donald Mackenzie Wallace, *The Times Book of Russia* (London, 1916), p. 13.

поздний выход в Центральную Азию, российские банки к 1914 году обеспечили себе значительную часть местной торговли хлопком.

Позднее вступление банков в местную торговлю хлопком, и первоначальная осторожность российских фирм по торговле хлопком создали условия для того, чтобы местные предприниматели прочно закрепились в местной торговле хлопком. Основными бенефициарами были члены еврейской общины Центральной Азии, обычно называемые бухарскими евреями. Бухарские евреи традиционно активно участвовали в кредитных операциях, и аналогичная картина сложилась в Бухарском протекторате. Но здесь конкуренция российских банков в начале XX века была не столь выражена. Накануне Первой мировой войны сообщалось, что бухарские евреи держали в своих руках почти всю крупномасштабную торговлю¹. Местные торговцы в любом случае имели ряд явных преимуществ перед коммерческими конкурентами из-за пределов региона. Они хорошо знали местный рынок и часто были хорошо знакомы с экономическим положением крестьянина-хлопкороба².

Покупка хлопка у производителей оказалась ключевой операцией в хлопок перерабатывающей промышленности. Бухарские евреи, как следствие, были стратегически расположены, чтобы играть важную роль в этой развивающейся промышленности, которая быстро доминировала в обрабатывающей промышленности региона. К 1916 году в Туркестане насчитывалось 204 хлопкоочистительных завода из общего числа 220 в Российской империи. В том же году они произвели 6,8 млн. пудов хлопкового волокна и 9 900 пудов корпии, а также семена хлопчатника и шелуха, которая была важным сырьем для других местных отраслей промышленности. Стоимость хлопкоочистительного производства в 1916 году составила 111

¹Prince V. I. Masal'skiy, *Turkestan'skiy Kray*, 19 of *Povnoye Geograficheskoye Opisaniye Nashego Otechestva* (St Petersburg, 1913), pp. 411 and 701.

²Юлдашев А.М. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX—Начало XX вв.). (Аграрные отношения в Туркестане на рубеже веков) (Ташкент, 1969), с. 112.

млн. рублей из общего объема промышленного производства Туркестана в 131 млн. рублей¹.

Российское правительство проводило политику «Туркестан для русских» и выступало против проникновения в регион иностранного и еврейского капитала (т.е. евреев из Европейской России). Она всячески поощряла российские фирмы и банки, торгующие хлопком, расширять свою деятельность в регионе².

Как мы видим, барьер для иностранных инвестиций не был полностью водонепроницаемым, но он был достаточно ограничительным, чтобы позволить местным предпринимателям укрепить свой экономический контроль над торговлей.

На ранних этапах становления Туркестана как крупного поставщика хлопка на текстильные фабрики Европейской России ряд местных фирм, по большей части принадлежащих бухарским евреям, находились в авангарде. Наиболее известными из них были братья Яушевы, Р.Ш. Потеляхов, Ю. Давыдов, А. Симхаев и, самое главное, братья Вадяевы, которые в начале XX века скупили около 30 процентов хлопка-сырца Ферганской области. Такие фирмы смогли преуспеть в своей роли покупателей хлопка при финансовой поддержке московских банков и, в меньшей степени, при поддержке российских фирм, занимающихся торговлей хлопком³.

Они смогли выйти за рамки своих ролей покупателей хлопка и поставщиков кредитов для производителей хлопка, чтобы стать, в некоторых случаях, крупными игроками в переработке хлопка и смежных отраслях. Некоторые из них достигли достаточной финансовой устойчивости, чтобы выдержать конкурентное давление российских банков в начале двадцатого века и оставаться важными игроками в этих секторах.

¹Аминов А.А. Экономическое развитие Средней Азии (Ташкент, 1959). с. 71.

²Юлдашев А.М. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX—Начало XX вв.). (Аграрные отношения в Туркестане на рубеже веков) (Ташкент, 1969). с. 117.

³Там же: 217; История Ташкента (История Ташкента) (Ташкент, 1988), с. 185.

Братья Яушевы владели двумя хлопкоочистительными заводами и хлопковыми плантациями в Сырдарьинской области в Алимкенте, Келесе и Черняеве (ныне Чимкент). Фирма перерабатывала более 200 000 пудов хлопко-сырца в год. Юсуф Давыдов более 40 лет торговал в Ферганской и Сырдарьинской областях, главным образом хлопком, но также и промышленными товарами. Давыдов владел шестью хлопкоочистительными заводами в Ташкентской области, поставляя на внутренний рынок России миллион пудов хлопкового волокна в год на сумму около 15 миллионов рублей. У него были кредитные линии с рядом частных банков, но его основным источником кредитования был Азово-Донской банк. Концерн А. Симхаева, действовавший на основе кредитов Московского торгового банка, имел десять хлопкоочистительных заводов, а также занимался бизнесом по дроблению нефти. Его завод на станции Ассак закупал около 200 000 пудов хлопковых семян в год¹.

Из местных фирм, занимающихся закупкой хлопка и очисткой хлопка, наиболее заметным был торговый дом братьев Вадяевых. Его оборот рос год от года, достигнув к 1912 году нескольких десятков миллионов рублей, из которых около 30-35 миллионов приходилось на торговлю хлопком. Фирма ежегодно закупала около 8,5 млн. пудов хлопка, на что предоставляла производителям кредит в размере 6-8 млн. рублей. В нем было девять фабрик по очистке хлопка, дроблению масла и варке мыла, а также сеть из десятков офисов по продаже хлопка. Его завод по переработке нефти, построенный в 1910 году в Ферганской долине, был описан как последнее слово в Американские технологии, общая стоимость его основных средств составила более четырех миллионов рублей².

Масштабы торговли хлопком были таковы, что ей пришлось прибегнуть к кредитам ряда ведущих российских банков. До 1912 года он действовал на основе векселей на сумму 250 000 рублей из Кокандского отделения

¹Юлдашев А.М. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX—Начало XX вв.). (Аграрные отношения в Туркестане на рубеже веков) (Ташкент, 1969). С. 113, 219 и 226; Так же: Туркестанские ведомости, 24/1/1916.
²Туркестанские ведомости 5 февраля 1914 года.

Государственного банка. С июля 1912 года он также получил кредитную линию в миллион рублей от Московского отделения Государственного банка. Кроме того, Русско-китайский банк (после 1910 года Русско-Азиатский банк) предоставил Вадяевым возобновляемый кредит в размере 500 000 рублей в хлопковом сезоне 1909 года, к октябрю 1910 года этот кредит увеличился до 4,7 млн. рублей. Вскоре Русско-Азиатский банк перешел от предоставления кредитов Вадяевым к финансовой заинтересованности в фирме. В ноябре 1911 года она достигла соглашения со своими учредителями о создании акционерного общества «Торгово-промышленная компания Вадяева», важным акционером которого был Русско-Азиатский банк. В собственность компании перешли хлопкоочистительные фабрики в Коканде, Андижане, Скоболеве, Чусте и в селах Ассака и Тюри-Курган, а также заводы по прессованию масла и варке мыла в Коканде. В общей сложности новая компания владела 30 хлопкоочистительными заводами и пятью крупными маслодробильными заводами. Кроме того, в соответствии с уставом ему было разрешено строить новые мельницы, покупать и продавать хлопок и строить мукомольные заводы. Вадяевы скупили около 30% хлопка-сырца Ферганской области, всего около 7-8 млн. пудов, а также закупили хлопок в других районах Туркестана. Во время Первой мировой войны Вадяевы начали проникать в российскую текстильную промышленность, распространив свою деятельность как на Центральную Россию, так и на западные провинции и приобретя половину акций Иваново-Вознесенской текстильной компании. Вадяевы также были тесно связаны с фирмой «Жуков и Ко», которая создала фирму по переработке масла и животных жиров под названием «Салонин»¹.

Новая компания получила императорскую санкцию в апреле 1913 года с уставным капиталом в 3 млн. рублей, разделенным на 3000 акций по одной тысяче рублей каждая. В 1914 году правительство Санкт-Петербурга разрешило Вадяевым разделить свои тысячерублевые акции на сторублевые.

¹К.Е.Житов. Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октябрьской революции. Ташкент. 1973, с. 46.

То, что разрешение было дано на это, казалось бы, незначительное изменение, свидетельствует о положении компании в Российской империи, несмотря на ее еврейское происхождение. Как отмечали в то время «Туркестанские ведомости», такое разрешение «было очень трудно получить и было выдано в данном случае из-за огромной услуги, оказанной Туркестану этой компанией»¹. Вадяевы также стремились повысить свой престиж, делая благотворительные пожертвования. В начале 1917 года они пожертвовали 75 000 рублей Кокандскому биржевому комитету на строительство ремесленного училища, в котором должно было быть инженерное и химическое отделение. Они также пообещали 10 000 рублей в год на его содержание, а также купили большой участок земли, на котором можно было бы построить школу².

Семье удалось сохранить твердую власть над управлением компанией, несмотря на участие банков. Его поведение бросает вызов традиционному советскому представлению о том, что хлопковые торговые компании подчиняются банкам. В 1914 году А.А. де Сево, директор Русско-Азиатского банка, основного акционера Вадяевых, был вынужден покинуть компанию по настоянию Я.Х. Вадяева, который дал понять, что больше не будет нести никакой ответственности за фирму, если останется. Его замена была описана как «не знакомая с торговлей хлопком и практически неизвестная в США». Московский рынок³. Акционерный капитал в это время был увеличен с 3 до 6 млн рублей, а прибыль за год составила почти миллион рублей⁴.

Хотя российские банки оказались главной конкурентной угрозой для местных фирм, первая внешняя конкуренция исходила от небольшого числа российских фирм по торговле хлопком и производителей хлопчатобумажной ткани. Важными среди них были *L. Кноор & Со.*, Владимир Алексеев, И. К. Познанский, Братья Шлоссберг, братья Краффт, Мейеркорт и компания «Большая Ярославская текстильная фабрика». Из одних их названий будет

¹Туркестанские ведомости, 12 марта 1914 года.

²Туркестанские ведомости, 8 января 1917 года.

³Туркестанские ведомости, 24 апреля 1914 года.

⁴Туркестанские ведомости, 31 декабря 1915 года.

ясно, что их происхождение было разнообразным и в основном нерусским. Некоторые из этих фирм стали участвовать в эксплуатации хлопковых плантаций, а также в хлопкоперерабатывающей промышленности. Им тоже пришлось заняться конкуренцией русских банков, которые с 1890-х годов были очень агрессивны в стремлении увеличить свое влияние в туркестанской хлопковой экономике. Это часто включало присоединение к крупным комбайнам. Результатом этого стала быстро развивающаяся коммерческая структура, которую можно хорошо проиллюстрировать, описав судьбы ведущих участников торговли хлопком.

Компания «Большая Ярославская текстильная фабрика» была основана в 1722 году русским купцом М.С. Затрепезновым и голландцем по фамилии Теймс. Он был продан в 1857 году московским купцам И.А. Карзинкину и Г.М. Изумновому, которые в 1858 году преобразовали его в акционерное общество. Впоследствии его мощность была расширена, и к 1912 году он стал второй по величине прядильной фабрикой в России. Это была одна из двух компаний из-за пределов Центральной Азии, которые покупали хлопок непосредственно у производителей. Как и большинство российских хлопчатобумажных текстильных фабрик, она первоначально обрабатывала американский хлопок, но после завоевания Туркестана Россией стала пионером в использовании центральноазиатского хлопка. Она создала собственные хлопковые плантации и создала сеть офисов и складов для закупки и хранения хлопка. В 1885-86 годах она приобрела участки в Ташкенте и Ферганской области для создания офисов, складов и ручных хлопчатобумажных прессов для тюков хлопка для отправки в Ярославль. Она расширилась до хлопкоочистительной промышленности, построив хлопкоочистительные и прессовальные заводы сначала в Ташкенте, Коканде, Намангане, а затем в Хиве, Бухаре, Чарджу и Мерве. В конечном итоге она владела 16 хлопкоочистительными заводами в Центральной Азии с ежедневной мощностью переработки 6000 пудов и арендовала еще шесть. В общей сложности в этом районе насчитывалось 2750 десятин (1 десятина= 1,09 га) хлопковых плантаций. В сезоне 1915-16 годов

она закупила 791 638 пудов хлопка. В 1915 году он присоединился к хлопкоперерабатывающему комбинату «Беш-Бош»¹.

Другим производственным концерном, который закупал хлопок непосредственно в Центральной Азии, была Лодзинская фирма «И.К. Познанский Ко». В период с 1890 по 1897 год его среднегодовые закупки хлопка превысили 1 120 000 пудов. Из них 162 500 пудов поступило из Бухарского эмирата, 220-230 000 пудов – из Самаркандской области, но основная часть, до 620 000 пудов, поступила из Ферганской области. Компания арендовала, а затем приобрела несколько хлопкоочистительных фабрик в Центральной Азии.

Москва и Коканд, входили в состав международного торгового концерна немецкого происхождения. Очевидно, она прочно укоренилась в российской торговле хлопком, поскольку ее председатель А.Н. Краффт был вице-президентом Комитета по хлопку Московской биржи. Братья Краффт получали хлопок как из Соединенных Штатов, так и из Центральной Азии. У них были тесные связи с Дж. Мейеркортом, Москва, который в 1890 году основал хлопковую плантацию в 200 десятин в Самаркандском уезде (районе), и компанией «Мейеркорт и Ко», Нью-Йорк, которые были членами Нью-Йоркской и Новоорлеанской хлопковых бирж, а также Ливерпульской хлопковой ассоциации. В 1909 году они приняли участие в создании в Бремене импортно-экспортной фирмы «Краффт, Мейеркорт и Хагемейер». Будучи основными поставщиками хлопка и красителей для российской текстильной промышленности, они, очевидно, считали целесообразным получать свои поставки как из внутренних, так и из иностранных источников. В 1903 году они снабдили текстильные фабрики Егоровых Хлудовых хлопком на сумму 750 000 рублей, что дает некоторое представление о масштабах их деятельности. Братья Краффт получили часть своих кредитов от двух

¹Иоксимович Ч.М. Мануфактурная промышленность, Накануне мировой войны (Текстильная промышленность накануне Великой войны) (Москва, 1915), с. 140-50; Туркестанские ведомости, 24/11/1904; Юлдашев, оп. цит., с. 111; и Вексельман, оп. цит., с. 33.

приемных домов Лондонского сити, *A. Kleinwort & Co.* и от братьев Ралли, но в какой степени такие кредиты использовались для финансирования операций в Центральной Азии (в отличие от трансатлантической торговли хлопком), неясно. Во всяком случае, в 1880-х и 1890-х годах у них была кредитная линия от Kleinworts в размере от 10 до 20 000 фунтов стерлингов¹.

В 1909 году фирма была описана как «крупнейший дилер азиатского хлопка», клиентами которого были все главные фабрики в Москве и Санкт-Петербурге. Она арендовала дюжину заводов по очистке и прессованию хлопка в Центральной Азии, чтобы облегчить свой бизнес, а затем в 1915 году присоединилась к комбинату Беш-Бош. Братья Шлоссберг получили кредит в берлинском *Deutsche Bank*, и в 1909 году они попытались диверсифицировать свои источники кредитования, запросив кредит в размере 30 000 фунтов стерлингов у *Baring Bros*, Лондон².

Наиболее важной компанией, занимавшейся поставкой хлопка в российскую текстильную промышленность до 1917 года, была «*L. Knoop & Co.*», многонациональный конгломерат, связанный с *De Jersey & Co.*, Манчестер, с основными интересами в США, а также в российском текстильном секторе³.

Учитывая ее давнюю роль в качестве поставщика американского, египетского и индийского хлопка для российской текстильной промышленности, неудивительно, что она стремится участвовать в торговле хлопком в Центральной Азии. Действительно, компания была тесно связана с развитием как местной торговли хлопком, так и хлопкоочистительной промышленности. «*L. Knoop & Co.*» начала торговлю хлопком в Центральной Азии в 1890-х годах. Его опыт иллюстрирует препятствия на пути

¹William Brandt's Sons & Co. Circulars, University of Nottingham, 1897-98, pp. 44, 68 and 226; 1901-02, pp. 26, 125 and 229; 1905-06, pp. 256, 538 and 579; and 1907-08, pp. 397, 507 and 605; *A. Kleinwort & Co. Papers*, Guildhall Library, London, Customer Reference Books, 444, p. 83, 445, p. 114 and 457, pp. 149-150; M. P. Vyatkin, *Monopolisticheskiy Kapital v Sredney Azii (Monopoly capital in Central Asia)* (Frunze, Kirgiz SSR Academy of Sciences, Frunze, 1967), p. 45; and Yuldashev, op. cit., pp. 108-09.

²*Baring Bros*, Company Archives, Bishopsgate, London Credit Registers, 2, p. 219; and Veksel'man, op. cit., pp. 33-34.

³Stuart Thompstone, Ludwig Knoop: "The Arkwright of Russia", *Textile History*, XV (1984).

приобретения земли, которые могут возникнуть на пути фирмы, основатели которой не были русскими по происхождению. В октябре 1891 года фирма обратилась в Военное министерство, отвечавшее за управление Туркестаном, с просьбой разрешить ей приобрести там собственную землю и имущество. Несмотря на то, что родившийся в Бремене основатель компании Людвиг Кноп (1821-94), принявший российское гражданство вскоре после поездки в Россию в 1839 году и ставший потомственным русским бароном в 1877 году за свой непревзойденный вклад в развитие российской текстильной промышленности, его фирма получила разрешение только в мае 1898 года. После этого «*L. Knoop & Co.*» развернула обширные операции в области закупок хлопка. Она не только открыла свои собственные филиалы в Центральной Азии – в Андижане и Намангане, но и установила прямые связи с производителями хлопка и рядом торговых фирм. Она приобрела две хлопкоочистительные фабрики в Кокандском уезде (районе) мощностью 355 000 пудов хлопка-сырца в год¹.

В 1910 году Кноп участвовал в переговорах с рядом московских промышленников, в том числе с президентом Московской биржи Г.А. Крестовниковым о приобретении земли в Туркестане для выращивания хлопка. Схема для этого, по-видимому, была разработана совместно с Министерством сельского хозяйства и Государственными доменами. Кноп, со своей стороны, активно участвовали в разработке ирригационных схем в Закаспийской области. В начале 1910 года два представителя фирмы, американские граждане А. Фон Грабер и Джон Харт начали бурить артезианские скважины на государственной земле в Байрам-Али, причем казначейство несло часть расходов. Однако их усилия не увенчались успехом. В июле 1910 года фон Грабер открыл отдел буровых работ в городе Мерв, куда было передано буровое оборудование. Он стремился получить бесплатно 10 000 десятин земли в Закаспийской области, которая должна была орошаться

¹Туркестанские ведомости, 27 марта 1910 г.; и Вексельман, соч., с. 78-79.

артезианской водой. Через 66 лет земля вернется в казну. Более года его запрос передавался из отдела в отдел, но положительного ответа не последовало. Попытки американского финансиста Джона Хейса Хаммонда продвинуть аналогичный проект в 1911 году также провалились. Хотя ему было разрешено проводить разведочные работы в пустыне Каракумы в Закаспийской области, он решил, что земля не подходит для орошения, но его просьба о проведении разведочных работ в Голодном районе Сытеппе не была удовлетворена¹.

Хотя Кнопы не владели хлопковыми плантациями в Центральной Азии и имели лишь ограниченный прямой интерес к хлопкоочистительным заводам там, они начали на рубеже веков покупать существующие предприятия. При поддержке российских банков фирма приступила к реализации программы инвестирования в ряд акционерных торговых и хлопкоперерабатывающих компаний из существующих частных компаний. Наиболее важными из них были Торгово-промышленная компания Андреева и Торгово-промышленная компания Потеляхова. Кноп был одним из основателей в 1905 году Андреевской торгово-промышленной компании с основным капиталом в 750 000 рублей, который через год был увеличен до двух миллионов рублей. В Намангане и Ферганской долине фирма располагала хлопкоочистительными, маслодробильными, нефтеперерабатывающими и мыловаренными заводами, объем производства которых достигал трех миллионов рублей в год. Массовое увеличение его основного капитала в 1906 году было связано с существенным расширением его деятельности по торговле хлопком: его годовой оборот вскоре достиг 15-16 миллионов рублей. Это предшествовало решению Кноп распустить свои американские отделения по торговле хлопком в 1907 году, чтобы сосредоточиться на рынке хлопка в Центральной Азии. К 1911 году Кноп владел всеми 2000 акциями компании, но в том же году он продал 1800 из них Русско-Азиатскому банку по цене 1475 рублей за каждую тысячу рублей².

¹Туркестанские ведомости, 27 марта 1910 г.; и Вексельман, соч., с. 78-79.

²Thompstone S. The Organisation and Financing of Russian Foreign Trade before 1914 (Unpub PhD., London, 1991), pp. 410-419.

Хотя у Кнопа был покупатель в Русско-Азиатском банке, готовый предложить высокую цену за свои акции, причина, по которой они отказались от контрольного пакета акций *Andreyev & Co.*, неясна. Но есть соблазн предположить, что это было связано с решением использовать другую центральноазиатскую компанию, *Potelyakhovs*, в качестве средства для своей деятельности по торговле хлопком в регионе. Это предприятие принадлежало местному еврейскому купцу П.Ш. Потеляхову и его сестре¹.

В 1912 году, через год после продажи основной части своих акций «Андреев и компания», Кноп принял участие в создании торгово-промышленной компании «Потеляхов» с основным капиталом в два миллиона рублей акциями по 250 рублей. Компания владела семью хлопкоочистительными заводами, маслодробильными заводами и мыловаренными заводами в Коканде, Андижане, Скоболеве (Фергана), Намангане, Ходженте и Старом Маргелане. «*L. Knoor & Co.*» смогли обеспечить компании хороший доступ к банковским кредитам. Московский торговый банк заключил с «*L. Knoor & Co.*» соглашение о финансировании всех сделок купли-продажи, согласованных между домом «*L. Knoor & Co.*» и Потеляховыми. В 1913 году размер кредита по таким сделкам составил семь миллионов рублей, а впоследствии был увеличен до восьми миллионов рублей. Компания к этому времени была в значительной степени под контролем «*L. Knoor & Co.*». В соответствии с условиями соглашения, все члены правления и администрации этой Компании должны были быть выбраны по указанию «*L. Knoor & Co.*». В феврале 1913 года, когда в Москве состоялось первое собрание акционеров, ведущие члены организации «*L. Knoor & Co.*» решили присутствовать, и в первую очередь бароны А. Л. Нуп, Т. Л. Нуп, А. Т. Нуп и Р. Р. Форстер. Вместе они контролировали 6200 акций из 8000. Несмотря на это, «*L. Knoor & Co.*» не стремился к полному доминированию в управлении, решив предоставить только двух из четырех

¹Вяткин, соч. цит., с. 51-52.

директоров, А. Т. Нупа и А.Г. Штайнера. Компания росла год от года, и в июне 1917 года ей было разрешено увеличить свой основной капитал до 4 миллионов рублей.

В 1914 году основатель Потеляхова отказался от своего личного участия в фирме, и впоследствии «*L. Knoop & Co.*» и Московский торговый банк продвигали компанию еще более энергично¹.

Вполне понятно, что коммерциализация хлопководства привела к заметному увеличению спроса на кредиты, который реально мог быть удовлетворен только из источников за пределами огромного региона. Это делало участие банков весьма желательным, если не необходимым. До 1890 года в Туркестане фактически существовало только два отделения банка: Ташкентское отделение Государственного банка, открытое в 1875 году, и Волжско-Камский банк Санкт-Петербурга в Коканде. После этого проникновение банков в Центральную Азию в их традиционной роли поставщиков кредитов стало более интенсивным, и с начала в двадцатом веке некоторые из них перешли от кредитных операций к участию в самой торговле хлопком, обычно приобретая или покупая существующие компании по торговле и переработке хлопка. Этот процесс, связанный с ростом монополии в местной торговле хлопком, был освещен в советской историографии, но волатильность владения и контроля банков над компаниями по торговле хлопком оставалась необъяснимой. Из опыта Вадяевых (упомянутого выше) можно предположить, что напряженность, возникшая в результате того, что банкиры, не знающие о торговле хлопком, были вовлечены в управление хлопковыми торговыми фирмами, возможно, сыграла свою роль.

Возможно также, что московские банки с их традиционным нежеланием участвовать в концернах, которым они предоставляли кредиты, рассматривали свое участие в центрально-азиатских фирмах как защитную меру. Сделали ли они это в первую очередь из желания обеспечить сырьем промышленность, с

¹Лаверычев В.Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России, 1900-1917 (Монополистический капитал в российской текстильной промышленности) (Москва, 1963), с. 129.

которой было связано большинство их директоров, или это было вызвано националистическим импульсом русифицировать торговлю, остается предметом спекуляций. Они, безусловно, были бы обеспокоены ранним участием в центрально-азиатской торговле хлопком банков Санкт-Петербурга с их сильными зарубежными связями. Участие банков в местной торговле хлопком описывается как борьба между базирующимся в Санкт-Петербурге «Русско-азиатским банком», с одной стороны, и «старым хозяином туркестанского хлопкового рынка, Московским торговым банком, с другой»¹.

На самом деле конкуренция между банками в регионе была гораздо более сложной, как покажет следующий опрос. В сентябре 1890 года в Самарканде было открыто еще одно отделение Государственного банка, за которым в марте 1893 года последовало еще одно отделение в Коканде. Последний вскоре стал важным центром торговли хлопком, привлекая к себе ряд важных московских и лодзинских фирм по торговле хлопком, которые, в свою очередь, приносили с собой капитал. В других странах Центральной Азии, в Бухарском эмирате, в 1894 году открылся филиал Государственного банка, за которым вскоре последовали филиал Московского международного торгового банка и Русско-китайский банк (объединенный с Северным банком в 1910 году, чтобы стать Русско-Азиатским банком). Они сыграли свою роль в оживлении его торговли. В Закаспии Ашхабадское отделение Государственного банка было открыто в 1895 году, но открытие пяти отделений Государственного банка в центральноазиатском регионе не означало, что оно доминировало в предоставлении кредитов в регионе².

Другие российские акционерные банки, действовавшие на рынке Центральной Азии до 1914 года, включали Российский банк внешней торговли, Объединенный банк, Азово-Донской банк, Сибирский банк и московский дисконтный банк. Хотя Русско-Азиатский банк развил обширную сеть филиалов в Центральной Азии, а Московский Дисконтный банк имел там

¹К.Е.Житов. Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октябрьской революции (Ташкент, 1973), с. 49.

²Юлдашев, соч., с. 246.

шесть из семи своих филиалов, российские акционерные банки, как правило, вели свой бизнес в Центральной Азии с небольшим количеством местных филиалов, если таковые вообще имелись. Однако некоторые ведущие банки были представлены в регионе косвенно через их контроль над местными фирмами по торговле хлопком¹. Хотя расширение участия российских банков на рынке Центральной Азии можно рассматривать как «русификацию» торговли хлопком, это должно быть квалифицировано значительными запасами иностранного капитала в некоторых наиболее важных участвующих банках, и особенно в банках со штаб-квартирой в Санкт-Петербурге.

Вклад Московского дисконтного банка, у которого было шесть из семи отделений в Центральной Азии, также не успокоил бы русских националистических настроений. имевшие совместное российское и немецкое гражданство, владели значительными пакетами акций банка. Фактически, с 1902 года «*L. Knoor & Co.*» расширила свою деятельность в банковской сфере, вероятно, мотивируясь своими интересами в торговле хлопком в Центральной Азии, приобретя крупные пакеты акций в других российских банках. Его партнеры стали директорами некоторых из них: в частности, «*L. Knoor & Co.*» стал председателем Российско-китайского банка, самого важного банка в торговле хлопком в Центральной Азии, а «*L. Knoor & Co.*» - председателем Московского дисконтного банка².

Сведения о масштабах кредитных операций в Средней Азии скудны, но данные за ноябрь 1912 года показывают, что задолженность перед Государственным банком частных лиц, в основном крестьян-хлопкоробов, составляла 27,5 млн. рублей по сравнению с 129,2 млн. рублей коммерческим банкам и 35 млн. рублей хлопковым торговым фирмам. Спрос на кредиты как со стороны торговцев хлопком, так и со стороны производителей хлопка был

¹Туркестанские ведомости, 8 февраля 1913 г.

²Гиндин И.Ф. "Московские банки в эпоху империализма", (Московские банки в эпоху империализма), Исторические записки, 1956 (58), с. 49-51; Иоксимович, соч., с. 140-50; Туркестанские ведомости, 24/11/1904; Юлдашев, соч., с. 111; и Вексельман, соч., с. 33.

высоким. В отношении последнего, по оценке 1913 года, кредитная потребность крестьян-хлопкоробов составляла 150 рублей за десятину, предполагая потенциальный кредитный спрос, значительно превышающий 500 млн. рублей. Но высокая процентная ставка, взимаемая некоторыми торговцами хлопком (до 60 процентов в год), указывает на то, что спрос был удовлетворен неадекватно. Будущее хлопководства, как считалось, зависит от того, в какой степени может быть увеличен объем доступных кредитов¹.

Это утверждали в 1913 году крестьяне-хлопкоробы и даже хлопко перерабатывающие фирмы столкнулись с кризисом из-за нехватки кредитов. Стратегия банков заключалась в открытии специальных складов, аренде хлопкоочистительных заводов и предоставлении кредитов местной торговой буржуазии, при условии предоставления им банку монопольного права на продажу российским текстильным фабрикам².

Кредитные проблемы крестьянских хлопководов были несколько смягчены законом 1904 года о мелком кредите, который способствовал развитию кредитных кооперативов под опекой банков, но из примерно 1200 таких организаций, необходимых в Ферганской области, например, к 1914 году было создано только около 170. В целом по Центральной Азии к этому времени было создано около 500 кредитных кооперативов. Доминирующее мнение в правительственных кругах состояло в том, что банки должны сосредоточиться на финансировании крупномасштабных торговых операций и производства, а не на мелком кредитном бизнесе³.

С начала двадцатого века банки начали торговать хлопком напрямую во многом так же, как они вошли в другие отрасли торговли товарами в Европейской России. Для московских банков, многие из директоров, которых были текстильными фабрикантами и торговцами, прямое участие в торговле хлопком в Центральной Азии усилило их контроль над поставками сырья их производственным интересам, а также служило националистическим

¹Туркестанские ведомости, 8 февраля 1913 г.

²Туркестанские ведомости, 12 января 1888 г. и 29 мая 1912 г.

³Туркестанские ведомости, 8 февраля 1913 г.

интересам усиления российского контроля над российской имперской торговлей. Московские акционерные банки как правило, они сосредоточивали свои операции на предоставлении краткосрочных, строго коммерческих кредитов и стремились ограничить свое кредитование давно зарекомендовавшими себя фирмами с солидной репутацией.

Санкт-петербургские банки, такие как «Русско-Азиатский» с его одиннадцатью филиалами в Центральной Азии, доминировали в этом секторе, и вполне возможно, что участие московских банков было вызвано нежеланием видеть, что в местной торговле хлопком доминирует конкурент из Санкт-Петербурга. Движущей силой деятельности Русско-Азиатского банка был Л.Н. Бауэр, который в 1890-х годах произвел впечатление на знаменитого российского министра финансов Витте. Это привело к тому, что Бауэр был избран директором Русско-китайского (после 1910 года Русско-азиатского) банка в Самарканде, и этот город стал центром его местных операций. При Бауэре Банк развивал обширные торговые и дилинговые операции по всему Туркестану¹.

Первоначально банк осуществлял свою деятельность по торговле хлопком частично через свои местные филиалы, но также и через ряд ведущих местных фирм, которым он предоставлял обширные кредиты. Не желая по-прежнему полагаться на независимые фирмы по торговле хлопком, она стремилась в большей степени контролировать свою торговлю хлопком, приобретая собственные местные фирмы. В 1911 году она приобрела у L. Кноор & Со. контрольный пакет акций крупной хлопковой торговой компании «Андреевская компания». Затем он достиг соглашения с Торговым домом Вадяева о создании акционерного общества «Торгово-промышленная компания Вадяева», при этом банк приобрел 50 процентов акций, а другая половина находилась в руках Торгового дома Вадяева. Последний, в свою очередь, приобрел крупный пакет акций компании Андреева².

¹Вексельман, соч., с. 40-42.

²Вексельман, соч., с. 65-66.

Кроме того, как Андреевское, так и Вадяевское акционерные общества заключили пятилетнее соглашение о передаче банку для последующей продажи по комиссионным ценам всего хлопка с их собственных и арендованных заводов, а также всего хлопкового масла, произведенного на их заводах. В июне 1912 года под эгидой Банка две компании были объединены, и произошло разделение их функций. Однако формально они по-прежнему считались независимыми. Впоследствии Торгово-промышленная компания Вадяева сосредоточилась на закупке хлопка-сырца, его очистке и прессовании на собственных и арендованных фабриках, а дальнейшая продажа хлопкового волокна осуществлялась московским филиалом Русско-Азиатского банка. С другой стороны, компания Андреева сосредоточилась на производстве хлопкового масла и жмыха на своих собственных заводах, а продажами занимался банк¹.

В результате этих приобретений и реорганизации Русско-Азиатский банк создал синдикат, который управлял 25 хлопкоочистительными заводами (восемь собственных и 17 арендованных), а также несколькими заводами по дроблению масла и варке мыла, обрабатывая от 30 до 40 процентов хлопка, продаваемого в Центральной Азии. В конце 1912 года банк приобрел пакет акций Волжского акционерного общества «Салолин», и представитель банка был избран председателем правления. В 1913 году под его председательством было заключено соглашение с Русско-Азиатским банком и Торговым домом Вадяевых о приобретении Салолиным 1800 акций Андреевых за 2,7 млн. рублей. Затем в 1915 году она продала свои акции торгово-промышленной компании Вадяева торговому дому «Братья Вадяевы»².

С 1910 года Русско-Азиатский банк развивал свои интересы в области добычи нефти. Первоначально она договорилась о продаже за комиссию нефти, добытой Торговым домом Вадяевых и Потеляховыми, хотя в 1910 году эти сделки были незначительными. По условиям этого соглашения Торговый

¹Вексельман, соч., с. 42-44.

²Туркестанские ведомости, 8 июля 1914 г.

дом Вадяева и его партнеры должны были в течение пяти лет оставаться вне бизнеса по дроблению нефти, не строить завод по дроблению нефти или арендовать такой завод не только в Центральной Азии, но и во всей России. В январе 1913 года Салолин заключил пятилетнее соглашение с Вадяевыми о покупке всего производства семян хлопчатника у их собственных и арендованных хлопкоочистительных фабрик, за которые они будут платить компании на две копейки за пуд выше рыночной цены. Салолин также купил нефтяные мельницы Вадяева в Коканде, так что к середине 1913 года в его руках была значительная доля нефтедобывающего бизнеса в Ферганской области. В связи с расширением бизнеса правление «Салолина» ходатайствовало об удвоении основного капитала до 7 млн рублей. Результатом этого стало то, что Русско-Азиатский банк стал одним из основных акционеров с 21 502 из 70 000 акций. Через Салолина банк мог продолжать оказывать влияние на компанию Андреева. Об этом свидетельствует избрание в правление Андреева в сентябре 1913 года трех представителей банка. В период с 1913 по 1917 год банк стремился монополизировать бизнес по производству хлопкового масла, связывая Salolin с другими концернами, в которых он имел финансовую долю, такими как «М. Соловьев и компания» и нефтепрессовая фирма «Саломас», которая была основана в 1913 году. В результате на долю Банка в конечном итоге пришлось 70 процентов хлопкового масла, экспортируемого из Центральной Азии¹.

Русско-Азиатский банк по-прежнему продолжал торговать хлопком через свои центральноазиатские филиалы, а также занимался продажей хлопка по комиссионным для ряда фирм, которым он также предоставлял кредиты. Затем в 1916 году Русско-Азиатский банк вновь увеличил свою долю в хлопковом бизнесе Центральной Азии. Она сотрудничала с фирмой «И.Г. Стахеев и Ко» для создания нового предприятия – Русско-Азиатской хлопковой компании с базовым капиталом в миллион рублей, при этом банку

¹Вексельман, соч., с. 64-67. The London loan is recorded in about 2, 1908. p. 115.

принадлежал 51 процент акций, а Стахееву – 49 процентов. Его функция должна была заключаться в покупке, торговле и переработке хлопка, для чего будут построены хлопкоперерабатывающие заводы. В качестве временной меры до утверждения устава Русско-Азиатской хлопковой компании Стахеевы открыли офисы в Москве и Коканде, а банк предоставлял кредиты на хлопковые операции как в Туркестане, так и в Москве¹.

Другие банки стремились увеличить свои продажи хлопка за комиссионные, предоставляя кредиты центральноазиатским хлопковым фирмам. В качестве примера можно привести банк «Санкт-Петербург», Российский банк внешней торговли. У нее были филиалы только в Коканде и Бухаре, но через них и через свой московский филиал она осуществляла крупные сделки с хлопком. Она была особенно активна в годы войны, предоставляя крупные кредиты крупным торговцам хлопком. В июне 1916 года, например, московский филиал открыл 5 м. рублевый кредит для Торгово-промышленной компании Вадяева, за который компания должна была заплатить 61/4 процента от цены продажи в качестве комиссии. Аналогичную стратегию принял и Азовский Донской банк, штаб-квартира которого находилась в порту Таганрога. Его торговые операции осуществлялись через центральноазиатские филиалы в Ташкенте, Самарканде, Бухаре. В феврале 1910 года банк заключил такие соглашения с торговыми домами «Братья Яушев» и «Ю. Давыдов» о комиссионной продаже купленного ими хлопка в Средней Азии. Только от этих двух фирм банк получил миллион пудов хлопка для комиссионных продаж².

Отношения банка с еврейской семейной фирмой Давыдовых примечательны тем, что они дают представление о различных позициях российского министерства финансов, с одной стороны, и Военного министерства, управляющего администрацией Туркестана через генерал-

¹Вексельман, соч., с. 46-49.

²Вексельман, соч., с. 54.

губернатора, с другой. Первый был заинтересован в содействии экономическому развитию Империи в целом.

В целом, в то время как последние отдавали более высокий приоритет политике русификации. Когда весной 1913 года Азовский Донской банк предложил схему преобразования семейной фирмы Давыдовых в акционерное общество, Министерство финансов выступило в поддержку этого предложения, но Военное министерство, выступавшее за русификацию, было против того, чтобы еврейская фирма могла приобретать недвижимость в регионе. В случае, если вопрос был решен фирмой, идущей на ликвидацию. Она оказалась не в состоянии погасить свои долги перед семью банками, и 1 апреля 1914 года она рухнула, задолжав банкам 6 млн. рублей¹. Другой Петербургский банк, Волжско-Камский банк, имел четыре филиала в Центральной Азии, которые торговали хлопком за свой счет. Его стратегия предоставления кредитов не давала утешения русским националистическим настроениям. Она сосредоточила свою кредитную деятельность на фирмах по торговле хлопком, управляемых западноевропейскими экспатриантами с давним опытом торговли в Центральной России, такими как «*L. Knoop & Co.*» и «*Krafft Bros*». В 1915 году она объединила свои операции по закупке хлопка с операциями братьев Краффт в соответствии с пятилетним соглашением².

Московский торговый банк был, безусловно, самым важным представителем интересов Москвы в торговле хлопком в Центральной Азии. С 1907 года он предоставил кредиты в размере 8 млн. рублей для хлопковых операций Кнопа там. После открытия своего Кокандского филиала в 1910 году объем операций с хлопком заметно увеличился, но, в отличие от Русско-Азиатского банка, Московский торговый банк мало участвовал в комиссионных сделках и до 1915 года не торговал хлопком за свой счет. С другой стороны, она заключила соглашения о разделе прибыли с рядом

¹Вексельман, соч., с. 55.

²Вяткин, соч. цит., с. 45.

крупных московских фирм по торговле хлопком, в результате чего получила долю их чистой прибыли в дополнение к обычным процентам по кредиту.

У него были особенно крупные сделки с Кнопамми, с которыми он совместно предоставлял кредит Потеляховым. В сезоне 1910-11 годов Московский торговый банк профинансировал операции Потеляхова на сумму более 6,2 млн рублей, а в 1911-12 годах - более 11,3 млн рублей. В апреле 1914 года вместе с «*L. Knoop & Co.*» она приобрела 4400 акций Потеляховых, но, следуя обычной схеме поведения московских банков, не вмешивалась в управление компанией. Банк заключал другие сделки по совместному финансированию с «*L. Knoop & Co.*», хотя они, как правило, были в меньшем масштабе. В 1912-13 годах он открыл кредиты в размере 400 000 р. для торгового дома «Братья Яушев» с половиной риска быть рожденным «*L. Knoop & Co.*». Она также заключила целый ряд сделок совместно с компанией «А. В. Швецов и сыновья». Кроме того, Банк предоставил многомиллионные кредиты таким фирмам по торговле хлопком, как В. Алексеев, Ведяев и Большая Ярославская текстильная фабрика. В марте 1915 года Банк и «*L. Knoop & Co.*» прекратили совместное финансирование Потеляховых, и Банк выплатил 400 000 рублей «*L. Knoop & Co.*» за расторжение контракта. По-видимому, это было связано с решением Банка создать собственную торговую фирму по хлопку «Московская торговая компания», которая была организована в августе 1911 года с базовым капиталом в один миллион рублей и возглавлялась директором торгового департамента Банка. Компании были предоставлены кредиты в размере первых 2 млн. рублей, впоследствии увеличенные до 6 млн. рублей. Банку удалось сосредоточить в своих руках до 30 процентов хлопка, экспортируемого из Центральной Азии¹.

Процесс консолидации в торговле хлопком продолжался на протяжении всей Первой мировой войны. Заметной вехой стало создание летом 1915 года крупного торгово-промышленного комбината «Беш-Бош», объединившего

¹Вексельман, соч., с. 54.

пять крупных фирм: Московскую торгово-промышленную компанию (принадлежавшую Московскому торговому банку), братьев Шлоссберг, компанию В. Алексеева, Большую Ярославскую текстильную фабрику и Акционерное общество для торговли в Персии и Средней Азии. У комбината было слишком мало времени, чтобы оказать значительное влияние на торговлю хлопком в Центральной Азии, но его создание, по-видимому, было защитной мерой московских текстильных интересов против местного господства Русско-Азиатского банка, тем более что Беш-Бош финансировался Московским торговым банком¹.

В царскую эпоху в Туркестане практически не было развития современной хлопчатобумажной текстильной промышленности. Он был запрещен на том основании, что это нанесло бы ущерб хлопчатобумажной текстильной промышленности в Центральной России и отвлекло бы поставки хлопка-сырца от российской промышленности и создало бы конкуренцию российскому текстилю на рынке Центральной Азии и, возможно, за ее пределами. Советские критики имперской политики царской России придавали этому большое значение. До революции 1917 года Центральная Азия занимала до 15% всего хлопчатобумажного текстиля, производимого в России². Это был важнейший рынок для российской текстильной промышленности, и несколько крупнейших текстильных концернов России должны были создать там маркетинговые организации. Но общим для всех них является то, что они были текстильными фирмами, созданными по большей части иностранцами, и основными акционерами в них были не русские. Независимо от того, что такие нерусские долгое время проживали в России и независимо от того, что некоторые из них, возможно, родились там, русские того времени все еще считали их иностранцами³.

¹Юлдашев, соч. цит., с. 216.

²Искандеров И. Текстильная промышленность Узбекистана (Ташкент, 1974), с. 22 и 38.

³Ruckman J.A. The Moscow Business Elite (DeKalb, 1984), p. 22.

Фирма по печати ситца «Emil Tsindel & Co.» одна из первых вышла на рынок Центральной Азии. Истоками фирмы были текстильные типографии в Москве, созданные в 1823 году швейцарцем по имени Бухер и последовательно перешедшие к красильщику из Мюлуза Георгу Штайнбаху, а в 1847 году к другому эльзасцу Эмилю Цинделю, под руководством которого она процветала. После его смерти в 1874 году оно стало акционерным обществом, основными акционерами которого стали «*L. Knoor & Co.*» «Зенкер и Ко», а также такие светила российской текстильной промышленности, как Хлудовы и Ю.Т. Солдатенков. В 1898 году он заручился поддержкой генерал-губернатора для приобретения помещений в Туркестане для этой цели и в том же году открыл склады в Самарканде, Коканде и Ташкенте, а затем склады в Бухаре и Хиве в 1899 и 1901 гг. соответственно¹ около 1224 акций из общего числа 4500 принадлежали иностранцам, за исключением акций, принадлежащих таким семьям, как «*L. Knoor & Co.*», которые имели российское гражданство, но которые, тем не менее, рассматривались современными русскими как иностранцы.

Французская текстильная фирма «A. Hubner», основанная в 1876 году, попыталась выйти на рынок Центральной Азии и в 1901 году он запросил разрешение на покупку земли для складов в Туркестане. В этом случае иностранная собственность компании привела к официальному отказу, который был отменен только в 1909 году, когда было выдано разрешение на аренду таких земель в Коканде и Ташкенте. К этому времени произошла некоторая смена собственников компании с рядом российских текстильных магнатов, таких как Н. Второв, Н.И. Гучков, а также «*L. Knoor & Co.*» стать акционерами².

Еще одним текстильным концерном иностранного происхождения, активно работавшим в Центральной Азии, была красильно-полиграфическая фирма «Л. Рабенек», основанная прусским гражданином Людвигом Рабенеком

¹Июксимович, соч., с. 53-64.

²Вексельман, соч., с. 64-67.

в 1832 году, она стала акционерным предприятием в 1879 году. Им управляли последовательные поколения семьи Рабенек, которые в 1900 году расширили свою деятельность на прядение и ткачество. У него были оптовые склады в Старой Бухаре, Коканде и Самарканде. В 1914 году 2964 акции из общего числа 4500 принадлежали иностранцам¹.

Шлиссельбургская текстильная типография, принадлежавшая английской компании «Англо-Русская хлопковая компания», также продавала свою продукцию в Центральной Азии. До 1900 года основные акционеры и менеджеры фирмы, семья Хаббард, продавали свою продукцию в Российской империи через небольшое количество посредников, но к 1900 году им пришлось обращаться непосредственно к розничным торговцам. В случае со Средней Азией речь шла о создании складов в Ташкенте и Коканде. Несмотря на заявления Вексельмана о том, что компания получала огромные прибыли, ее результаты в начале двадцатого века были тусклыми, ее английскому руководству было трудно адаптироваться к меняющимся рыночным условиям².

Более успешной британской компанией на рынке Центральной Азии была «*J. & P. Coats*», которая через несколько лет смогла доминировать на местном рынке ниток. Спрос на это был вызван обширными продажами там швейных машин (певцами). Компания «*J. & P. Coats*» начала экспортировать нитки в Россию в 1865 году и в 1889 году приняла решение о производстве там, чтобы противостоять угрозе, создаваемой для их доли на рынке расширением Невского завода и повышением импортных тарифов. Для этой цели компания приобрела в Санкт-Петербурге небольшую Невкинскую мельницу с целью расширения ее производства для производства нитей нижнего и среднего количества, которым российская тарифная политика подвергала наибольшему риску. Используя свою маркетинговую мощь, пальто

¹Ioksimovich, op. cit., pp. 168-71.

²Thompstone S. 'British Merchant Houses in Russia before 1914', in L. Edmonson and P. Waldron (eds), *Economy and Society in Russia and the Soviet Union, 1860-1930* (London, 1992), pp. 107-130; Veksel'man, op. cit., p. 125.

смогли добиться слияния с Невским заводом, принадлежащим жене видного российского государственного служащего А.А. Половцова, тем самым доминируя на российском рынке ниток¹.

В начале двадцатого века компания «*J. & P. Coats*» организовала свои продажи ниток по всей Российской империи на основе огромных и отдельных торговых регионов, каждый из которых имел склад и торговую организацию, подотчетную российскому головному офису в Санкт-Петербурге². Одним из таких регионов была Центральная Азия. «*J. & P. Coats*» ходатайствовал о том, чтобы ему разрешили приобрести участок земли в Ташкенте для его местного офиса и склада, но поскольку устав компании указывал, что это был производственный концерн, которому было запрещено работать в Туркестане, его просьба была первоначально отклонена Военным министерством. Однако наличие видного российского государственного служащего А.А. Половцова в качестве акционера доказало свою состоятельность. Из-за его вмешательства Военное министерство отступило, и в апреле 1903 года компания получила императорское согласие на приобретение участка в Ташкент, но с оговоркой, что это не должно служить предлогом для присоединения к петициям, представленным другими промышленными компаниями, которые находились под значительным иностранным влиянием³.

После 1910 года в сфере сбыта текстильных изделий в Центральной Азии наметилась тенденция к созданию синдикатов, которая была столь очевидна в хлопкоперерабатывающей промышленности региона. Она приняла форму акционерного общества, Компании по импорту и экспорту промышленных товаров, которая была создана для продажи текстиля по всей Российской империи, включая Центральную Азию, где у нее была сеть складов. Его учредителями были три крупнейших текстильных производителя в Московской области: Н.Н. Коншин, Даниловские текстильные фабрики и

¹K. Hunter J. B. A History of J & P Coats: A Study in Economic Development and Organisation (Unpublished Company History, Glasgow, n.d.), pp. 116-17; P. A. Zaonchkovsky (ed), Dnevnik Gosudarstvennogo Sekretarya A. A. Polovtsova (The diary of State Secretary A. A. Polovtsov), 2, p. 266, 20 Mar 1890; and Russkaya Mysl' (Russian Reflections) Oct, 1903.

²Каценеленбогене И. "История Невской ниточной мануфактуры", Красная летопись\ 1-2 (1932), с. 206.

³Вексельман, соч., с. 129.

«А. Хубнер.», «*L. Knoop & Co.*» была основным акционером в последних двух¹.

Поскольку большая часть центральноазиатского рынка ниток и хлопчатобумажных тканей находится в руках «российских» текстильных компаний, основными акционерами которых являются нерусские, запрет на текстильные производственные концерны, установленный там на том основании, что это будет противоречить интересам российских производителей, потеряет свою силу. В этом случае накануне Первой мировой войны были явные признаки того, что российское противодействие развитию такой промышленности ослабевало. В 1912 году «Туркестанские ведомости» обратились к вопросу о развитии местной хлопчатобумажной текстильной промышленности и высказали мнение, что «рано или поздно ситцевые фабрики Московской области переедут в Туркестан»².

В 1913 году в московских производственных кругах шла дискуссия о создании первой в Средней Азии хлопчатобумажной прядильно-ткацкой фабрики. Инициатором этой схемы выступила местная еврейская фирма «Пинхас Абрамов и сыновья», которую поддержали «*L. Knoop & Co.*», «*Krafft Bros*» и «*V. Алексеев*». Фирмы приобрели оборудование компании «*Caspian Textile Co.*», Петровск, Дагестан, которая была ликвидирована с намерением отремонтировать его и использовать в Центральной Азии. Впоследствии Абрамов обратился в Совет Министров за разрешением на строительство такого завода в Самарканде. В любом случае проект получил зеленый свет от московских промышленников, которые не предполагали, что он представляет угрозу для их собственной промышленности³. В начале 1917 года сообщалось, что Вадяевы захватили старый сахарный завод рядом со станцией Кауфмана с целью создания там ткацкой фабрики и использования обильной энергии воды на этом участке⁴.

¹Вексельман, соч., с. 125.

²Туркестанские ведомости, 11 апреля 1912 года.

³Туркестанские ведомости, 22 мая 1913 года, 8 августа 1913 года и 1 сентября 1913 года.

⁴Туркестанские ведомости, 29 января 1917 года.

Подводя итог можно отметить, что в период с 1880 по 1917 год хлопководство в Центральной Азии превратилось из сельскохозяйственного сектора чисто местного значения в основного поставщика хлопка для российской текстильной промышленности. Такая экспансия требовала вливания большого объема кредита и учреждений, которые его предоставляли. В течение этого короткого периода была сосредоточена серьезная трансформация сектора торговли хлопком. Местные торговые фирмы расширились, чтобы выступать в качестве посредников между местными производителями и текстильными фабриками в Центральной России. Когда торговля стала ареной для коммерческой конкуренции между банками, в основном в результате активной деятельности Русско-Азиатского банка, местная торговля сосредоточилась в относительно небольшом количестве рук. Однако примечательно, что некоторым местным фирмам, которые стали пионерами торговли хлопком, и в первую очередь Вадяевым, удалось сохранить определенную степень независимости, чтобы оставаться важными участниками торговли вплоть до революции 1917 года.

Хотя российское правительство было обеспокоено тем, что развитие торговли хлопком в Центральной Азии осуществлялось российским, а не иностранным и еврейским капиталом, иностранное участие в российских банках и торговых концернах было настолько обширным, а финансовое давление для увеличения внутреннего производства хлопка было настолько велико, что менее чем достаточный приток капитала в регион был во многом обязан нерусским предприятиям. Это был санкт-петербургский банк, Русско-Азиатский, с контрольным иностранным пакетом акций, а не представитель российского капитала, Московский торговый банк, который был основным каналом капитала в хлопковый сектор региона. Действительно, эпитет Московского торгового банка «старый хозяин» туркестанского хлопкового рынка показался бы довольно причудливым.

В случае как фирм по переработке хлопка, с одной стороны, так и фирм по сбыту хлопчатобумажных тканей, с другой стороны, вклад иностранного

капитала был значительным, хотя иностранный характер таких фирм не был особенно выражен. Более либеральный подход российских властей к привлечению иностранного капитала, несомненно, привел бы к более быстрому развитию хлопкового сектора региона и уменьшил бы преимущество Туркестана в качестве колонии относительно отсталой имперской державы. Но, как было показано, доктрина Туркестана для русских едва ли распространялась на коммерциализацию торговли хлопком. Учитывая враждебное отношение российского общественного мнения к иностранному участию в российском частном предпринимательстве после русско-японской войны, это вполне объяснимо.

В развитии, а главным образом в вывозе сырья весьма важную роль сыграла железная дорога и способствовала такому оптимизму. Начатая в 1880 году для поддержки кампании Скобелева в Туркмении, она вскоре изменила стратегическую и экономическую ситуацию в регионе. Прокомментировал немецкий наблюдатель: Железная дорога ... прорезал пустынный пояс, который Англия рассматривала как защиту Индии... сделало возможным одновременное усиление больших масс войск из Туркестана, Кавказа и Поволжья в Ашхабад и Мерв и прочно связало провинцию Закаспия с ее истинным природным центром-Туркестаном; укрепился престиж России в Центральной Азии; ... Русификация ... из его азиатских владений было передано целое поколение¹.

Несмотря на сомнения Скобелева и других генералов, Военное министерство продолжило его в Самарканде и Ташкенте. Генерал Черняев оспаривал военный и экономический потенциал железной дороги и сомневался, что она может быть построена через пустыню², но в 1889 году лорд Керзон писал: «Он больше не был благоразумным вспомогательным средством для одной кампании, он стал признаком определенной политики, имперской по своему качеству и размерам. До тех пор сами русские

¹Curzon G. Russia in Central Asia in 1889 (London, 1889), pp. 44.

²Бродовский М. Колониальное значение наших среднеазиатских владений (Москва, 1891). с. 3.

рассматривали линию как изолированное и ограниченное предприятие, а не как часть великого замысла. Теперь это стало угрозой для Англии и предупреждением для Азии. Железная дорога объединила русскую Среднюю Азию, ранее разделенную пустыней, и сделала Бухару зависимой от России. Керзон справедливо считал, что ее коммерческое будущее чрезвычайно радужно; в конечном счете Англия могла бы рассматривать ее как более грозного антагониста своей меркантильности, чем ее имперскому господству на Востоке»¹.

Стимулируя торговлю Туркестана и производство хлопка, Центральноазиатская железная дорога доставляла русскую продукцию на азиатские рынки и сырье Туркестана на российские заводы.

Таким образом, подводя итоги данного раздела, можно сказать, что Центральная Азия была регионом с преимущественно аграрной экономикой, особое внимание имперские власти уделяли полному подчинению этой отрасли интересам метрополии, в частности, ужесточая систему налогообложения земледельческих хозяйств и контроль за землепользованием и водопользованием. Нехватка воды вынудила население левобережья ограничить орошение своих полей и садов, виноградников и бахчей и оставить большие площади без воды. Это заставило администрацию провести дополнительные исследования оросительной системы (оросительных каналов) главных рек региона – Сырдарьи и Амударьи.

В заключение можно констатировать, что экономическое развитие в основном зависело от уровня ремесел и промышленности, а также от уровня административной поддержки и капиталовложений. До прихода русского капитала некоторые важные отрасли, такие как горнодобывающая промышленность, не развивались на должном уровне. Причин этому существует ряд. Во-первых, до этого времени капиталовложения в эту сферу

¹Черняев М. Г. "Академическая железная дорога", Новое время № 3623. № 3624.

были слишком низкими; во-вторых, геология региона практически не изучалась; в-третьих, отсутствие предпринимательской активности.

Таким образом, в регионе развитие промышленности приобрело новый и широкий импульс с деятельностью русской банковской системы, а также с приходом русского капитала и передовых технологий. С другой стороны, несмотря на внешнее влияние, в регионе сохранились и на определенном этапе составили конкуренцию традиционные ремесла, которые также имели большое значение в повседневной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате англо-русского противостояния Россия одержала верх в завоевании Средней Азии, имевшей для империи большое политическое и экономическое значение, тем самым обеспечив себе полное господство над Каспийским морем и его рынками, укрепив контроль над иранскими делами и предоставив ей новые и ценные рычаги влияния в отношениях с Великобританией. Наследство для армии, как и в случае с Кавказом, было скромным и недолговечным. Внезапная смерть М.Д. Скобелева, чья легенда приобрела героические масштабы, отчасти объяснила этот факт. Офицеры, служившие в Средней Азии, не нашли нового театра, на котором они могли бы перенести свой опыт. Россия все больше втягивалась в европейские дела и в борьбу за рынки и влияние на Дальнем Востоке. Таким образом, взгляд русских офицеров на великие походы в степи и пустыни, возможно, лучше всего иллюстрируется этим взглядом: Туркестан, то же, что Алжир для Франции, - «своего рода школа подготовки к более серьезной работе. Очень многие из наших молодых офицеров извлекут свои первые уроки из этой экспедиции и станут для них намного лучше; но в целом азиатская война вряд ли является хорошей школой для европейских солдат».

Помимо этого, Туркестан был и хорошим полигоном для подготовки к нетрадиционной войне, как и Кавказ до этого. Аналогия неназванного офицера с ним и Алжиром была более подходящей, чем он думал. Точно так же, как

французы узнали, что нетрадиционные враги могут истощить волю и ресурсы могущественного государства, так и Россия в двадцатом веке обнаружила, что нетрадиционное сопротивление высокомотивированного противника чрезвычайно трудно подавить обычными военными средствами.

Царские военные и дипломатические чиновники постоянно исследовали пределы российской власти в Центральной Азии. Создавая административный аппарат для обеспечения безопасности Туркестана для империи, они все еще смотрели на восток – на «Новый Китай». Граница (Синьцзян) – и на юг – в Британскую Индию, Афганистан и Персию. События в Европе и на Дальнем Востоке часто определяли масштабы возможностей России на ее приграничных территориях. Тем не менее царские элиты рассуждали о том, что их способность проецировать власть в Азии также зависит от имиджа России в этих странах.

Анализ материалов по исследуемой теме привело к следующим выводам:

1. Соперничества английских колонизаторов на афганских границах и в самом Афганистане в течение 70-х годов вызывали все возрастающее недовольство не только народных масс, но и правящих кругов страны. В ответ на бесцеремонное вмешательство англо-индийских властей во внутренние дела Афганистана Шир-Али-хан с 1877 года начал готовиться к оборонительной войне против английских захватчиков. С целью срыва подготовительных мероприятий афганцев и организации меж-феодальной борьбы внутри страны, английские колонизаторы всемерно использовали высшее турецкое духовенство, агентуру турецкого султана.

2. Разгром турецких войск в 1877-1878 годах, Сан-Стефанский мирный договор привели к значительному усилению русского влияния на Балканах, к резкому обострению англо-русских и австро-русских противоречий в Юго-Восточной Европе.

3. Английская историография пытается доказать, что основной причиной англо-афганской войны было прибытие в Кабул русской миссии во

главе со Столетовым. Это является очередной фальсификацией английских колонизаторов. В действительности, англичане много лет готовились к захватнической войне против Афганистана, рассчитывая закабалить его и использовать его как плацдарм для агрессии против Средней Азии.

4. Английская агрессия в Афганистане вызвала мощный подъем народно-освободительного движения. Народы Афганистана, не желая добровольно надеть на себя цепи рабства, вели против английских оккупантов героическую борьбу, что вынудило последних после смерти Шир-Али-хана пойти на компромиссное соглашение с новым эмиром Абдурахман-ханом и вывести свои войска из страны. Англия признала его эмиром Афганистана. В результате второй англо-афганской войны (1878-1879 гг.) англичане установили свой протекторат над Афганистаном.

5. Великобритания, готовясь к новому агрессию в Средней Азии использовали соглашение с Абдурахман-ханом. Их агентура, действуя через Герат и персидский Хорасан, начала проявлять большую активность в Туркмении. Они организовали разбойничьи шайки и, снабдив оружием и деньгами, рассылали их во все стороны оазиса, чтобы вызвать возмущение народа против России. В этот же период в 1883 году афганские власти под давлением англичан, в нарушение русско-афганского соглашения 1873 года, присоединили Шугнан и Рушан.

6. Русское правительство в 1884 году повторило свое, сделанное в 1882 году, предложение о проведении англо- русских переговоров относительно полной демаркации русско-афганской границы. Англия, дав формальное согласие, в то же время рассматривали англо-русские переговоры о демаркации как ширму, за которой они готовили новую агрессию. С этой целью проводилась концентрация англо-индийских войск на северо-западных рубежах Индии, усиливалась шпионская диверсионная деятельность в Средней Азии. Генерал-квартирмейстер индийской армии Мак-Грегор разработал план войны с Россией, предусматривавший отсечение Средней Азии и расчленение всей страны.

Русское правительство считало, что предстоящее разграничение должно являться дополнением к соглашению 1873 года, и предложило начать определение афганской границы от Ходжа-Салеха, признанного на основании указанного соглашения крайним пунктом владений афганского эмира. Однако английское правительство не согласилось с этим и заявило о том, что его наиболее существенные интересы связаны с западной частью афганской границы, примыкающей к р. Герируду. Поэтому комиссары должны определить исходный пункт названной границы на Герируде и от этого пункта направиться к Ходжа-Салеху. Русское правительство, избегая осложнений, согласилось начать работы по разграничению от Герируда.

7. 30 июля 1884 года русское правительство официально заявило английскому правительству о том, что «для успеха его политики все племена туркмен-сарыков, живущие от Иолотани до пограничных постов Афганистана, должны быть подчинены влиянию русских властей и Абдурахман-хан должен отказаться от всяких притязаний на расширение своих владений за счет территории туркмен-сарыков, не являющихся подданными Афганистана.

Однако английские колонизаторы стремились под марки демаркации русско-афганской границы осуществить свои агрессивные планы в Средней Азии. Поэтому они провоцировали афганского эмира Абдурахман-хана на захват туркменских земель с целью вызвать русско-афганский конфликт. В этом случае англичане пришли бы на помощь афганцам и приступили бы к осуществлению своих агрессивных планов. Именно такие цели преследовала английская комиссия по разграничению, выехавшая в Афганистан.

8. Всемерно затягивая переговоры о разграничении, английские империалисты толкали афганцев на развязывание конфликта в районе Пендинского оазиса. В результате 18 марта 1885 года в Пендинском оазисе произошло спровоцированное английским империализмом вооруженное столкновение русских и афганских войск.

Англо-индийское правительство срочно пригласило Абдурахман-хана в Раульпинди, предложило начать серьезные военные действия против России в Средней Азии, укрепить Герат и заявило, что будет поддерживать его своими военными силами и снабжать деньгами и оружием. Абдурахман-хан не желал войны. Он согласился уступить России Пенде и этим решить вопрос афганского разграничения мирным путем. Столкновение при Таш-Кепри вызвало резкое обострение англо-русских отношений. Разгром афганских войск при Таш-Кепри был серьезным ударом по агрессивным планам английского империализма в Средней Азии.

Напряженная обстановка в Европе, обострение англо-французских и англо-германских противоречий из-за раздела Африки и Юго-Восточной Азии лишили Англию союзников против России. Со своей стороны, русское правительство также стремилось к мирному урегулированию конфликта. В этих условиях в 1885-1887 годах были завершены англо-русские переговоры о русско-афганском разграничении. Была установлена русско-афганская граница.

На основе полученных результатов исследования данного периода, разработаны следующие рекомендации и предложения:

- Рекомендуются использовать материалы и выводы диссертации в подготовке фундаментальных исследований, учебников, учебных пособий по всеобщей истории, истории Средней Азии, или для чтения специального курса по политико-экономической истории и международные отношения как у студентов, так и у магистрантов.

- Разработать многовекторный аспект для усовершенствования межгосударственных отношений в системе международных отношений, международных доктрин в контексте исторического опыта.

- Разработать динамику развития межнациональных и межэтнических отношений.

- Бурно развивающиеся политические события общества в целом некоким образом не должны отражаться на конструктивном подходе к

освещению истории Центральной Азии в рамках «Большой игры», а главное не должны влиять на их взаимосвязи. При этом необходимо максимально стараться находить закономерности, исторические события в контексте исторической реальности того периода. При анализе и определении степени того или иного события исходить из степени их влияния на определенные исторические тенденции, которые послужат стимулом для общего прогресса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы:

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации)

1. Фонд 954 (К. П. фон Кауфман), индекс 1, файл 112.
2. Фонд 102, Департамент полиции МВД, Особый отдел.
3. Фонд 1369, оп. 1, д. 264.

ЦГИА (Центральный Государственный исторический архив)

4. Фонд 1396, опись 1, д. 437, д. 362.
5. Фонд 811, опись 1, д. 27.

ЦГА РУз. Центральный государственный архив Республики Узбекистан

6. Фонд И-1, опись 1, дело. 63, стр. 61-9.
7. Фонд 1396, опись 1, дело. 437, лл. 31-33.
8. Фонд 1396, опись 1, дело. 362.
9. Фонд И-164, опись. 1, дело 3, лл. 1-3 об.
10. Фонд И-164, опись 1, д. 2, лл. 1.
11. Фонд И-164, опись 1, дело 2, лл. 2.
12. Фонд И-362, опись 1, дело 59, лл. 6-10.
13. Фонд И-362, опись 1, дело 59, лл. 7-22.
14. Фонд И-362, опись 1, дело 59, лл. 11, 19-20.
15. Фонд И-362, опись 1, дело 59, лл. 7.
16. Фонд И-1, опись 25, дело 65, лл. 2-2 об.
17. Фонд И-1, опись 13, дело. 25, л. 2.
18. Фонд И-1, опись 22, дело 115, лл. 20-22.
19. Фонд 954 (К. П. фон Кауфман), индекс 1, файл 112, листы 1-8.
20. Фонд 1369, оп. 1, д. 264, лл. 213-213об.

Литературы на английском языке:

21. Alder, G. J. The Key to India? Britain and the Herat Problem 1830-1863. Part 1. Middle Eastern Studies: Published By: Taylor & Francis, Ltd. Vol. 10, No. 2. May. 1974. – P. 24.

22. Alder, G.J. The 'Garbled' Blue Books of 1839-Myth or Reality? *The Historical Journal* Published By: Cambridge University Press. Vol. 15, No. 2 Jun., 1972. – P. 229-259.
23. Anderson, M.K. "Islamic Law and Colonial Encounter in British India" in J. Connors and Ch. Millat (eds.), *Islamic Family Law*, with a foreword of A. Allott, London: Graham & Trotman. 1993. – P. 205-223.
24. Ashley, E. *The life of Henry John Temple, Viscount Palmerston 1846-1865 (with selections from his speeches and correspondence): V.1: Bentley & son.* 1876. – P. 394.
25. Bassin, Mark. «Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space» /*Slavic Review: Cambridge University Press (USA).* Coverage: 1961-2017. Vol. 50. №1. 1991. – P. 1-17.
26. Balci Bayram et Motika Raoul. *Religion et politique dans le Caucase post-soviétique.* Paris. Maisonneuve et Larose. 2007. – P. 368.
27. Ben-Ghiat Ruth and Mia Fuller. *Italian colonialism.* Palgrave Macmillan: New York and Basingstoke, 2005. – P. 266.
28. Bacon, Elizabeth. *Central Asians Under Russian Rule: A Study in Culture Change.* Ithaca, NY: Cornell University Press. 1980. – P. 191.
29. Beckert, Sven. *Emancipation and empire: Reconstructing in worldwide web of cotton production in the age of the American Civil War.* *American Historical Review.* 2004. 109(5). – P. 36.
30. Becker, S. *Protectorates of Russia in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865-1924.* Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1968. – P. 370.
31. Brower, Daniel R. *Turkestan and the fate of the Russian Empire,* London: Routledge Curzon. 2003. – P. 238.
32. Brower, Daniel R. and Edward, J. Lazzerini. *Russia's Orient: Imperial borderlands and peoples. 1700-1917.* Bloomington: Indiana University Press. 1997. – P. 339.

33. Burbank, Jane and David, L. Ransell. Imperial Russia: new histories for the Empire. Bloomington: Indiana University Press. //Social History. Vol. 25. № 1. Jan. 2000. 1998. – P. 117-119.
34. Buttino, Marco. Turkestan 1917. La Rivoluzione capovolta: L'Asia centrale tra il crollo dell'impero Zarista e la formazione dell'URSS, Naples: L'Ancora del Mediterraneo. La rivoluzione capovolta. L'Asia centrale tra il crollo dell'impero zarista e la formazione dell'URSS. Naples, L'ancora del mediterraneo. 2003. – P. 492.
35. Crews, Robert. Islamic Law, Imperial Order: Muslims, Jews, and the Russian State //Ab Imperio. 2004. №3. – P. 467-490.
36. Crews, Robert. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 2006. – P. 463.
37. Caro, Olaf. Soviet Empire: The Turks of Central Asia and Stalinism. New York: St. Martin's Press, 1967. – P. 308.
38. Crawford, Young. The African colonial state in comparative perspective. Princeton: Princeton University Press. 1994. – P. 356.
39. Chirol Cf. "The downfall of the Ottoman khilafat" //The Journal of Modern History. Published By: The University of Chicago Press Vol. 13, No. 3. Sep. 1941. – P. 335-356.
40. Charalambous, Vasiliki. La Guerre Russo-Turque de 1877-78, vue par la presse française et anglaise de l'époque. Histoire. 2014. – P. 106.
41. Darity, Willaim Jr. "Review of The Modern World System III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730s-1840s by Immanuel Wallerstein" //The Journal of Economic History. 52. 1 Mar. 1992. – P. 261-262.
42. Demko, George. The Russian Colonization of Kazakhstan, 1896-1916. Bloomington: Indiana University Press. 1969. – P. 271.
43. Dudden, Alexis. Japan's colonization of Korea: discourse and power, Honolulu: University of Hawai'i Press. 2005. – P. 232.

44. Dudoingnon, Stephane D. "Status, Strategies, and Discourses of a Muslim 'Clergy' under a Christian Law: Polemics about the Collection of the Zakat in Late Imperial Russia", in S.D. Dudoingnon and H. Komatsu (eds.), *Islam in Politics in Russia and Central Asia (Early Nineteenth and Early Twentieth Centuries)*. London, New York: Routledge. 2001. – P. 43-73.
45. Dudoignon, S.A. and Georgeon, F. 'Le Reformisme Musulman en Asie Centrale. Du "premier renouveau" a la Sovietisation 1788-1937. Paris: Éditions de l'EHESS (Cahiers du monde russe: 37/1-2). 1996. – P. 240.
46. Eschment B. and H. Harder. *Looking at the Coloniser: Cross-Cultural Perceptions in Central Asia and the Caucasus, Bengal, and Related Areas (Mitteilungen Zur Sozial- Und Kulturgeschichte der Islamische)*. Wtirzburg: Ergon Verlag. 2004. – P. 384.
47. Erkinov, Aftandil. *Praying For and Against the Tsar. Prayers and Sermons in Russian-Dominated Khiva and Tsarist Turkestan (Anor; 16)*. Berlin: Klaus Schwarz Verlag. 2004. – P. 112.
48. Even Kaye, 'the paramount importance of Herat, as the "gate of India', *Edinburgh Review*, 1857, CV. – P. 284.
49. Frank, Allen J. *Muslim Religious Institutions in Imperial Russia. The Islamic World of the Novouzensk District & the Kazakh Inner Horde, 1780-1910*. Leiden: Brill. 2001. – P. 341.
50. Francis, Watters. *The Peasant and the Village Commune*. W.S. Vucinich. *The Peasant in Nineteenth-Century Russia*. Stanford. CA. 1968. – P. 149–151.
51. Gladwin, Transl. F. Ayeen Akbery Or, *The Institutes of the Emperor Akberor*. Translated from the original Persian, in Two Volumes. Calcutta 1783-1736. Edit. Published January 2nd 2014 by Cambridge University Press. – P. 1010.
52. Gleason, John Howes. *The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1950. – P. 314.
53. Geraci, Robert P. *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. By Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2001. – P. 389.

54. Great Britain, foreign office. Mohammedan history. Peace handbooks. Vol. 10, N 57. London. 1920. – P. 44-50.
55. Graziosi, Andrea. "The New Soviet Archival Sources. Hypotheses for a Critical Assessment". Cahiers du Monde Russe. Archives et nouvelles sources de l'histoire soviétique, une réévaluation. Sources Published by: EHESS. Vol. 40, No. 1/2, Jan. - Jun. 1999. – P. 13-63.
56. Geoffrey, Wheeler. The modern history of Soviet Central. Asia-Africa series of modern histories. London: Weidenfeld and Nicolson. 1964. – P. 272.
57. Gero, Fedtke. 'Jadids, Young Bukharans, Communists and the Bukharan Revolution: From an Ideological Debate in the Early Soviet Union', in Von Kugelgen et al. (eds), Muslim Culture in Russia and Central Asia. Vol. 2: Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations. Berlin. 1998. – P. 483-512.
58. Guerre d'Orient. Passage du Danube par l'armee russe. Operations de l'armee roumaine pendant la guerre de l'independance. 1877. //The Journal of Modern History Published By: The University of Chicago Press. Vol. 13, No. 3 (Sep. 1941). – P. 335-356.
59. Gerber, Haim. Islamic Law and Culture 1600-1840. Leiden: Brill. 1999. – P. 156.
60. Guildhall Library, London, Customer Reference Books, 444, p. 83, 445, p. 114 and p. 457, 149-150.
61. Hablemit oglu Necip and Timur Kosa oglu. "Behbudi'nin Tirkistan Medeni Muhtariyeti Layihasi," in Timur Kosa oglu (ed.), Turkistan'da Yenilik Hareketleri ve Ihtilaller, 1900-1924: Osman Hoca Anisina Incelemeler, Haarlem: SOTA. 2001. – P. 436-466.
62. Habberton, William. Anglo-Russian relations concerning Afghanistan, 1837-1907. Illinois studies in the social sciences. Vol. XXI. No. 4. Urbana. 1937. – P. 102.
63. Hallaq, Wael B. "From Fatwas to Furu': Growth and Change in Islamic Substantite Law". Islamic Law and Society. 53/1. 1994. – P. 17-56.

64. Hansard. Parliamentary debates (3d ser.). CCXXXIV. London. 1877. – P. 156-166.
65. Hunter, J.B., Sugiyama, S. The History of Anglo-Japanese Relations, 1600–2000. A History of J & P Coats: A Study in Economic Development and Organisation. Unpublished Company History. Glasgow. 2002. – P. 355.
66. Holdsworth, Mary. "Turkestan in the Nineteenth Century: A Brief History of the Khanates of Bukhara, Kokand and Khiva". Issued by the Central Asian Research Centre in association with St Anthony's College (Oxford) Soviet Affairs Study Group. 1959. – P. 81.
67. Hosking, Geoffrey. Russia: people and empire, 1552-1917. London: Harvard University Press. 1997. – P. 548.
68. Hurewitz, J.C. Diplomacy in the Near and Middle East. 1535-1956. New York: Printed on acid free paper. 1956. – P. 750.
69. Journal of Modern History. Vol. VIII. 1936.
70. Journal of Asian History. Vol. XIV. 1972.
71. Kazemzadeh, F. Russia and Great Britain in Persia, 1864-1914. New Haven: Yale University Press. 1968. – P. 711.
72. Kappeler, Andreas. The Russian Empire A Multi-ethnic History. Published: Routledge. 2001. – P. 480.
73. Kemper Michael. Adat Against Shari'a: Russian Approaches Toward Daghestani "Customary Law" in the 19th Century. London, Ab Imperio. 2005. – P. 147-173.
74. Kohn, Hans. The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background. New York: The Macmillan Co. 1944. – P. 735.
75. Khalid, Adeb. "Tashkent 1917: Muslim Politics in Revolutionary Turkestan," Slavic Review. Vol. 55. 1998. – P. 270-296.
76. Khalid, Adeb. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley: University of California Press. 1996. – P. 270-296.

77. Kugelgen A., M. Kemper and A. J. Frank (eds.), *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries*. Vol. 2, Berlin: Klaus Schwarz Verlag. 1998. – P. 660.
78. Kugle, Scott Alan. *Framed, Blamed and Renamed: The Recasting of Islamic Jurisprudence in Colonial South Asia*. *Modern Asian Studies*. No 35. 2001. – P. 257-315.
79. Lothrop, Stoddard. *The new world of Islam*. New York: Charles Scribner Sons 1921. – P. 381.
80. Lowe, C. J. *The Reluctant Imperialists*. New York: Routledge. 1967. – P. 139.
81. Lee, D.E. *Great Britain and the Cyprus Convention policy of 1878*. Cambridge: Mass. 1934. – P. 216.
82. Lynch, H.E.B. *The Anglo-Persian Commercial Treaty*. *The Imperial Quarterly Review*. 16. 1903. – P. 223-234.
83. Louise, Young. *Japan's total empire: Manchuria and the culture of wartime imperialism*. Berkeley: University of California Press. 1998. – P. 500.
84. Makdisi, George. *The Rise of Colleges. Institutions of Learning in Islam and the West*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 1981. – P. 355.
85. MacKenzie, David. *Kaufman of Turkestan: An Assessment of His Administration, 1867*. – P. 1881.
86. Messick, Brinckley. *The Calligraphic State: Textual Domination and History in a Muslim Society*. Berkeley: University of California Press. 1993. – P. 341.
87. Mosse, W.E. *Alexander II and the Modernization of Russia*. New York: The Macmillan Company. 1958. – P. 191.
88. Morrison, Alexander. *Russian Rule in Samarkand, 1868-1910: A Comparison with British India*. Oxford University Press. 2008. – P. 395.
89. Muravev N.N. *Lockhart, William Stephen Alexander Sir. Muraviev's journey to Khiva through the Turcoman country, 1819-1820*. Calcutta: Foreign dept Press, 1871. – P. 178.

90. Mostashari, Firouzeh. *On the Religious Frontier. Tsarist Russia and Islam in the Caucasus*. London, New York: Tauris. 2006. – P. 203.
91. Moore, Jason. *The Modern World System as Environmental History? Ecology and the Rise of Capitalism*. *Theory and Society*. No.32, 3. Jun. 2003. – P. 359-360.
92. Miller, Alexei, and Rieber, Alfred J. *Imperial Rule*. Budapest: Central European University Press. 2004. – P. 212.
93. Naganawa, Norihiro. *Molding the Muslim Community through the Tsarist Administration: Mahalla under the Jurisdiction of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly after 1905*. *Acta Slavica Iaponica*. 2006. No.23. – P. 101-123.
94. Pierce, Richard A. *Russian Central Asia, 1867-1917: a study in colonial rule*. Berkeley, Calif: Univ. of Calif. Pr., 1960. – P. 359.
95. Powers, David S. *Law, Society, and Culture in the Maghrib, 1300-1500*. Cambridge: Cambridge University Press. 2002. – P. 278.
96. Pottinger, Henry. *Travels in Beloochistan and Sinde*. London. 1816.
97. Public Record Office (London), Foreign Office, 85/869, Lumley's remarks, 15 June 1867.
98. Palumbo, Patrizia. *A place in the sun: Africa in Italian colonial culture from post-unification to the present*. Berkeley: University of California Press. 2003. – P. 332.
99. Pushkarev, S. *The Emergence of Modern Russia*. New York. 1963. – P. 339-343.
100. Public Record Office (London), Foreign Office, 85/869, Lumley's remarks, 15 June 1867.
101. Poujol, Catherine. 'Les voyageurs russes et l'Asie Centrale: Naissance et declin de deux mythes, les réserves d'or et la voie vers l'Inde'. *Central Asian Survey*. No.4. 1985. – P. 59-73.
102. *Review of the Statistics of Spain down to the Years 1857 and 1858; Chie Founded on the Spanish Census Returns of Those Years*. *Journal of the Statistical*

- Society of London Published by: Wiley for the Royal Statistical Society. Vol. 23, No. 2 Jun. 1860. – P. 147-200.
103. Reports of international arbitral awards recueil des sentences arbitrales. Aitcheson Treaties. Volume XI. 1898. – P. 340.
104. Russian-British relations in the Eighties. *Slavic Review* 3. №.7. June 1924. – P. 179-180.
105. Sahadeo, Jeff. Russian colonial society in Tashkent, 1865-1923. Bloomington: Indiana University Press. 2007. – P. 336.
106. Sahadeo J. F. Creating a Russian Colonial Community: City, Nation and Empire in Tashkent. 1865-1923. University of Illinois at Urbana-Champaign unpublished PhD thesis, 2000 (hereafter, *Creating a Russian Colonial Community*); id., 'Epidemic and Empire: Ethnicity, Class and Civilisation in the 1892 Tashkent Cholera Riot. *Slavic Review*. 64. 2005. – P. 117-139.
107. Sahadeo, Jeff. Epidemic and Empire: Ethnicity, Class, and "Civilization" in the 1892 Tashkent Cholera Riot. *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. No.1, 117-139 pp.
108. Saray, Mehmet. "Russo-Turkmen Relations up to 1874"? *Central Asian Survey* 3. No 4. 1984. – P. 15-48.
109. Sartori, Paolo. Tashkent 1918: giurisperiti musulmani e autorità sovietici- che contro 'i predicatori del bazar"', *Annali di Ca 'Foscari, Serie Orientale*. 2006. Vol. XLV, No 3. – P. 113-139. 2008a; La nazione nella tradizione. Millat nella pubblicistica degli 'ulama' di Tashkent (1917-1918). *Rivista degli Studi Orientali*. Vol. LXXIX, Supplemento. No1, 2008. – P. 110.
110. Symons and L.C. White. Russian Transport. An Historical and Geographical Survey. London. 1975. – P. 46-74.
111. Seton-Watson, G.H.N. The Russian Imperia 1801-1917. London: Oxford, Clarendon P. 1967. – P. 441.
112. Slocum, John W. Who, and when, were the inorodtsy? The evolution of the category of 'aliens' in imperial Russia. *Russian Review*. Vol. 57. 1998. – P. 173-190.

113. Skrine F.H. and E.D. Ross, *The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan*. London: Routledge. 1901. – P. 532.
114. Schuyler, Eugene. *Turkistan. Notes on a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja*. London: Sampson & Lowe. 1876. – P. 540.
115. Thompstone, S. *The Organisation and Financing of Russian Foreign Trade before 1914*. Unpub PhD. London. 1991. – P. 410-419.
116. Toynbee, Arnold J. *The World After the Peace Conference*. New York: Oxford University Press, 1925. – P. 91.
117. Toynbee, Arnold J. *Survey of International Affairs, 1920-1923*. New York: Oxford University Press, 1925. – P. 526.
118. Tucker, Judith. *In the House of the Law. Gender and Islamic Law in Ottoman Syria and Palestine*. Berkeley: University of California Press. 1998. – P. 232.
119. Togan Zeki Velidi. *Hatiralar: Turkistan ve Diger Musluman Dogu Turklerinin Milli Varlik ve Kultur Mucadeleleri*. Ankara Türkiye Diyanet Vakfi. 1999. – P. 298.
120. *The Modern World System*. New York: Academic Press (I) 1974, (II) 1980, (III) 1989. New York: Academic Press. Berkeley: University of California Press, [1974-1989] 2011. – P. 146.
121. Vambery A. *The Life and Adventures of Arminius Vambery*. London: T.F. Unwin. 1914. – P. 422.
122. Vambery A. *Pan-Islamism // Nineteenth Century*. 1906. Vol. LX. – P. 547-558.
123. Vicomte, A. de la Jonquière, *Histoire de l'Empire Ottoman depuis l'origine jusqu' au Traité de Berlin*. Editor: Librairie Hachette, 79 Boulevard Saint-Germain, Paris Year of publication: 1881. – P. 675.
124. Virginia. Martin. *Law and Custom in the Steppe. The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century*. Surrey Eng.: Curzon Press. 2001. – P. 244.
125. Webster, C.K. Urquhart, Ponsonby, and Palmerston. *English Historical Review*. Nol. 1947. – P. 327-51.

126. Whitman, J. Turkestan Cotton in Imperial Russia. *American Slavic and East European Review*. Vol. XV. 1956. – P. 190-205.
127. Wheeler, Geoffrey. "Russian Conquest and Colonization of Central Asia," in *Russian Imperialism: From Ivan the Great to the Revolution*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press. 1974. – P. 270.
128. Westwood, J.N. *Endurance and Endeavour: Russian History, 1812-1917*. London: Oxford University Press. 1973. – P. 480.

Литература на русском языке

129. Адрианова-Перетц В.П. *Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466-1472*. Ленинград: АН СССР. 1958. – С. 302.
130. Азадаев, Ф. *Ташкент во второй половине XIX века. Очерки социально-экономического и политической истории [Ташкент во второй половине XIX века. Труды по его социальной, экономической и политической истории]*. Ташкент: Издательство Академии наук Узбекской ССР. – 1959. – С. 233.
131. Азаматов, Д.Д. *Муфтии и Оренбургское духовное собрание в XVIII и XIX веках*. Уфа: Гилем. – 1999. – С.194.
132. Аминов, А.М. *Экономическое развитие Средней Азии*. Ташкент: Госиздат УзССР. – 1959. – С. 298.
133. Алекторов, А.Е. *Иностранцы в России; современные вопросы: финны, поляки, латыши, каждый, немцы, армяне, татары [Иностранцы в России; современные вопросы: финны, поляки, латыши, евреи, немцы, армяне, татары]*, Санкт-Петербург. Типография И.В. Леонтьева, Басков переулок, дом 4. – 1906 г. – С.134.
134. *Азиатская Россия*. Т. 3 тома. Санкт-Петербург: Товарищество А.Ф. Маркс. Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. – 1914 г. – С.1865.
135. Арапов, Д.Ю. *Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.) Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя*

- треть XVIII в. - начало XX в.). М.: Московский государственный университет. – 2004. – С. 287.
136. Арапов, Д.Ю. Императорская Россия и мусульманский мир. //Сборник статей [Императорская Россия и мусульманский мир. Сборник статей. М.: Наталис. – 2006. – С. 480.
137. Агзамходжаев, С. История Туркестанской автономии. Ташкент: Шарк. – 2006. – С. 185.
138. Азадаев, Ф. Ташкент во второй половине XIX века. Очерки социально-экономического и политической истории [Ташкент во второй половине XIX века. Труды по его социальной, экономической и политической истории. Ташкент: Издательство Академии наук Узбекской ССР. – 1959. – С. 233.
139. Аминова, А.А. Экономическое развитие Средней Азии. Ташкент: Госиздат Уз.ССР. – 1959. – С. 298.
140. Бабаджанов, Б.М. Духчи Ишан и андижанское восстание 1898 г. [Духчи Эшон и Андижанское восстание 1898 года] "Подвижники ислама: культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М.: Восточная литература. 2003. – С. 251-277.
141. Бартольд, В.В. Сарт. В энциклопедии ислама. Том 4. S–Z. Лейден и Лондон. – 1934. – С. 175-76.
142. Бартольд, В.В. История культурной жизни Туркестана, переиздано в Сочинении. Москва: Наука: Издательство восточной литературы. – 1963. – Т. II. Гл. 1.
143. Бакиров, Ф. Суд, шариат и обычаи в Царском Туркестане [трибуналы, шариат, и обычаи в Царском Туркестане]. Ташкент: Наука. – 1967. – 160 с.
144. Басханов, М.К. Русские военные востоковеды до 1917 года: библиографический словарь. Издательская фирма "Восточная литература" РАН. – 2005. – С. 293.
145. Бокиев О.Б. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и горного Бадахшана к России. Душанбе: Ирфон. 1994. – С. 268.

146. Быков, В. Беглый рассказ. // Военный сборник. №66, апрель 1869. – С. 306-308.
147. Бендриков, К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865-1925). - М.: Академия педагогических наук. – 1960. – С. 509.
148. Валиев А. Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Душанбе: РТСУ, –2013. – С. 229.
149. Вексельман, М.И. К вопросу о проникновении иностранного капитала в экономику Средней Азии до первой мировой войны /М.И. Вексельман. Общественные науки в Узбекистане. – 1961. – № 7.
150. Вексельман, М.И. Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии (конец XIX-начало XX вв.) / М.И. Вексельман. Ташкент: Фан. – 1987. – С.143.
151. Вяткин, М.П. Монополистический капитал в Средней Азии /М.П. Вяткин. Фрунзе: Изд. АН Кирг. ССР. – 1962. – С.161.
152. Галузо, П.Г. Туркестан – колония: очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года (Туркестан, колония: история Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года), Москва: Издание Коммунистического университета трудящихся востока. – 1929. – С. 162.
153. Гиндин, И.Ф. Московские банки IV периода империализма. Московские банки в империалистическую эпоху. //Исторические записки. – 1956 – №58. – С. 49-51.
154. Гейнс, А.К. Собрание литературных трудов. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича. 1897-1898. – 1897. – С. 589.
155. Голос. По поводу присоединения Ташкента, №289. 1866; По поводу толкований иностранцев. № 302. 1866; По поводу толкований завоевательных замыслов России. № 89. 1867.

156. Глуховский, М. Записки о значении Бухарского ханства в России. Санкт-Петербург. 1867; Он же. Плен в Бухаре. //Русский инвалид. 1868. № 97. – С. 100.
157. Гайсина Л.Т., Нуриев А.Д. «Маджалла» в истории мусульманского права /Л.Т. Гайсина, А.Д. Нуриев //Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 12. – С. 121-125.
158. Добросмыслов, А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк /А.И. Добросмыслов. Ташкент: Тип. Порша. 1912. – С. 521.
159. Духовской, С.М. Ислам в Туркестане: Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора генерала от инфантерии Духовского [Ислам в Туркестане: Доклад генерала от инфантерии Духовского, генерал-губернатора Туркестана]. Ташкент. [б.и.] 1899. – С.18.
160. Демуров. Бой с текинцами к Денгелю приходит 28 августа 1879 года //Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1881, март. – С.188.
161. Дубовицкий, В.В. Усмотрения корпусных командиров (или о мотивах и характере присоединения Средней Азии к России) /В.В. Дубовицкий. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.cac.org/datarus/dubovicki.shtml>.
162. Еникеев, С. Несколько слов о народных судах. /Туркестанские ведомости. № 86. 15 НОЯБРЯ 1898. – С. 721-723.
163. Йоксимович, Ч. М. Мануфактурная промышленность в канун Мировой войны (Текстильная промышленность накануне Великой войны). Москва. 1915. – С. 140-150.
164. Заметки по среднеазиатскому вопросу / [Соч.] Д.И. Романовского; С прил. и карт. Туркестан. генерал-губ. [сост. ... штабс-кап. Люсилиным]. Санкт-Петербург: тип. 2 Отделения Собств. е. и. в. канцелярии. 1868. [2]. – С. 291, 2 отд. л. карт; 23.
165. Искандаров Б.И. Англо-русское разграничение 1872-1873 гг. // Вопросы истории Таджикистана. Сталинабад, 1961. – С. 84-103.

166. Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во 2-й пол. XIX в. Ч. 1-2. Душанбе. 1962. – С. 352.
167. Искандаров Б.И. Из истории Бухарского эмирата (Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX в.). М.: ИВЛ. 1958. – С. 132.
168. Искандаров К. Афганистан в период правительства национального единства. Политические процессы и проблемы безопасности. - Душанбе: Дониш, 2021. – С. 352.
169. Искандеров, И. Реактивная промышленность Узбекистана: текстильная промышленность Узбекистана. Ташкент. 1974. – С. 22-28.
170. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) /Сост. и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д.Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига». – 2001. – С. 367.
171. Каценеленбаум, З.С. Коммерческие банки и их Торгово-комиссионные операции. Москва: Издательство: Издание юридического книжного магазина "Правоведение", И.К. Голубева, Комиссионера Государственной Типографии. – 1912. – С. 164.
172. Касымов Н. Прогрессивное значение образование русских частей в городах Ходжента и Ура-Тюбе //Материалы по истории городов Таджикистана. Душанбе: Дониш. 1975. – С. 150.
173. Котюкова, Т.В. Турецкий эмиссар в России: документы ЦГА РУз, 1910-1914 гг. (Турецкие эмиссары в России: Документы из ЦГА РУз, 1910-1914 гг.). // Исторический архив. № 4. – 2004. – С. 85-94.
174. Комаров, Е.Н. В России и Индии: из воспоминаний и наблюдений в Болонье. Москва. – 1998. – С. 192.
175. Косимов, Бегали. Литературные источники и основные отличительные черты Туркестанского джадидизма начало XX века. //Тетради русского мира. Том 37. – 1996. – С.107-132.
176. Конрад, Н.И. Запад и Восток: Статьи. М.: Наука, 1966. 520 с.; (2-е изд.) М.: Наука. – 1972. – С. 496.

177. Киняпина, Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке. //Вопросы истории. №4. 1983. С. 42-43.
178. Куропаткин, А. Н. Из дневника А.Н. Куропаткина. //Красный архив. № 20. 1927. – С. 56-77.
179. Литвинов, П.П. Государство и ислам в русском Туркестане (1865-1917) //Ислам и государство в русском Туркестане. Елец: ЕГПИ. 1998. 320 с.
180. Проект Положения об управлении Семиреченской, Сырдарьинской областью. 1960. В материалах по истории политического строительства Казахстана. Алма-Ата: АН Каз. ССР. – С. 282-316.
181. Лыкошин, Н.С. Пол жизни в Туркестане: очерки быта туземного населения [Полжизни в Туркестане: Труды по культуре коренного населения], Петроград: Склад Т-ва "В. А. Березовский". – 1916. – С. 415.
182. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XI. Ч. I. – С. 134.
183. Масальский, В.И. Туркестанская область, полное географическое описание нашего отечества, (туркестанская область: полное географическое описание нашего отечества) СПб. 1913. – С. 860.
184. Мамадалиев, И.А. России и Средней Азии: особенности колониально-административного управления (вторая половина XIX – XX вв.). Худжанд: Ношир. – 2013. – С. 406.
185. Максименко, В.И. Расширенные тезисы к дискуссии. Форум: Геостратегическое значение Средней (Центральной) Азии в международных отношениях начала XXI века. // Восток, 2003. № 3. – С.73.
186. Масов, Р.М. Роль России в исторических судьбах таджикского народа и его национально -государственном строительстве // Мероси Ниёгон. 2001. №5. – С. 8-14.
187. Муравьев, Н.Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах. Часть 1-2. Москва: Типография Августа Семена. 1822. – С. 398.
188. Наливкин, В.П. Туземцы раньше и сейчас. Ташкент: А.Л. Кирснер. 1913. – С. 144.

189. Нуриддинов, Р.Ш. Место и роль России в формировании новой геополитической системы международных отношений в странах Среднего Востока/ Р.Ш. Нуриддинов. — Новосибирск. 2009. — С.170.
190. Остроумов, Н. П. Сарты - этнографические материалы. Ташкент: Типо-литография торгового дома "Ф. и Г. Бр. Каменские". 1896. — С. 274.
191. Пален, К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению Сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. Учебное дело //К.К. Пален. СПб: Сенатская типография. 1910. — С.177.
192. Пирумшоев Х. Российско-среднеазиатские отношения XVI - середины XIX веков в русской историографии. /Х. Пирумшоев. Душанбе: Маориф, 2000. — С. 335.
193. Пирумшоев Х., Маликов М. Россия – Таджикистан: История взаимоотношений. Душанбе: РТСУ. 2009. — С. 365-366.
194. Пясковский, А.В. Революция 1905-1907 гг. в Туркестане. Москва: АН СССР. 1958. — С. 616.
195. Рожкова, М.К. Экономические связи России со Средней Азией (40-е гг. XIX в.) /М.К. Рожкова. М.: Изд. АН СССР. 1963. — С. 237.
196. Рожкова, М.К. Из истории торговли России со Средней Азией. //Исторические записки №67. — 1960. — С.187.
197. Сафаров, Георгий. Колониальная революция: (Опыт Туркестана). М.: Государственное издательство. — 1921. — С.148.
198. Саидов Х.С. Афганистан в поисках путей национально-государственного развития - М.: РАГС, 2009. — С. 440.
199. Скобелев, М.Д. Туркестанская и английская Индия 1876. //Туркестанский сборник. Т. 330. — С. 225.
200. Снесарев, А.Е. Англия и Афганистан. //Голос правды. 1908. №782. /Туркестанский сборник. Т. 465. — С. 27.
201. Современная история Узбекистана. Т.1. Узбекистан в царский колониальный период. Ташкент: Шарк. 2000. — С. 270.

202. Темирханов Л. Восточные пуштуны в Новое время (этносоциальная характеристика) / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М.: Наука, 1984. – С. 88.
203. Тухтаматов Т.Г. Россия и Бухарский эмират в начале XX века. Душанбе: Ирфон. 1977. – С. 210.
204. Тухтаматов Т.Г. Антирусские происки иностранцев в Бухаре и на Памире, политические течения в эмирате // Вопросы истории Таджикистана. Ученые записки ДГПИ имени Т.Г.Шевченко. Т. XXVI. Серия общественных наук. Выпуск 4. Душанбе. 1961. – С. 140-178.
205. Туркестанские ведомости, 12 января 1888 г.
206. Туркестанские ведомости, 24. ноября.1904 г.
207. Туркестанские ведомости, 24. ноября.1904 г.
208. Туркестанские ведомости, 27 марта 1910 г.
209. Туркестанские ведомости, 27 марта 1910 г.
210. Туркестанские ведомости, 11 апреля 1912 г.
211. Туркестанские ведомости, 29 мая 1912 г.
212. Туркестанские ведомости, 8 февраля 1913 г.
213. Туркестанские ведомости, 8 февраля 1913 г.
214. Туркестанские ведомости, 22 мая 1913 г.
215. Туркестанские ведомости, 8 августа 1913 г.
216. Туркестанские ведомости, 1 сентября 1913 г.
217. Туркестанские ведомости, 8 февраля 1913 г.
218. Туркестанские ведомости, 15 июля 1914 г.
219. Туркестанские ведомости, 16 июля 1914 г.
220. Туркестанские ведомости, 5 февраля 1914 г.
221. Туркестанские ведомости, 8 июля 1914 г.
222. Туркестанские ведомости, 12 марта 1914 г.
223. Туркестанские ведомости, 24 апреля 1914 г.
224. Туркестанские ведомости, 31 декабря 1915 г.
225. Туркестанские ведомости, 24/1/1916.
226. Туркестанские ведомости, 8 января 1917 г.

227. Туркестанские ведомости, 29 января 1917 г.
228. Усманова, Диляра. Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906-1916. / Д. Усманова. Казань ФЭН. АН РТ. 2005. – С. 584.
229. Федоров, Г.П. Моя служба в Туркестанском крае 1870-1906. // Исторический вестник. СXXXIV. Санкт-Петербург. 1913. – С. 33-55, 437-67.
230. Халфин, Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке. (70-е годы XIX века) / Н.А. Халфин. Ташкент: Издательство Среднеазиатского государственного университета. – 1957. – С. 251.
231. Халфин, Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60-е 90-е гг. XIX в.) / Н.А. Халфин. М.: Наука. – 1965. – С. 468.
232. Юсупов, М.С. Суд в Бухаре. Судостроительство и судопроизводство в Бухарском эмирате в конце XIX-начале XX в. [Суды в Бухаре. Организация и деятельность судебной системы в Бухарском эмирате в конце XIX - начале XX вв.]. / М.С. Юсупов. Не опубликовано. РМИКИУ. Рукопись, дело № 828. Июнь 1941.
233. Юлдашев, А.М. Аграрные отношения в Туркестане (Конец XIX—начало XX в.). (Аграрные отношения в Туркестане на рубеже веков) / А.М. Юлдашев. Ташкент. 1969. – С. 256.
234. Хамдамова, Р.И. Значение присоединения Средней Азии к России и его влияние на развитие культуры и просвещение таджикского народа / Р.И. Хамдамова. Душанбе. 1987. (Депонировано в ИНИОН РАН)
235. Гайсина Л.Т., Нуриев А.Д. «Маджалла» в истории мусульманского права / Л.Т. Гайсина, А.Д. Нуриев // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 12. – С. 121-125.

Диссертации

236. Алимшоев М.М. История взаимоотношений Российской пограничной службы на Памире с местным населением в конце XIX – начале XX вв.: дисс... канд. ист. наук: 07.00.02/ М.М. Алимшоев. – Душанбе, 2003. – 178с.

237. Алимджанов, Б.А. Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве: вторая половина XXI - начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03/ Б.А. Алимджанов. – СПб, 2016. – 376 с.
238. Васильев, Д.В. Становление и развитие системы управления Туркестанского края, 1865-1886 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Д.В. Васильев. – Москва, 1999. – 286 с.
239. Гарбузарова, Е.Г. Геополитический аспект противостояния Российской и Британской империй в Центральной Азии в XIX веке.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02/ Е.Г. Гарбузарова. – Бишкек, 2010. – 193 с.
240. Джамалова, М.К. Завоевание северного Таджикистана царской Россией: дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / М.К. Джамалова. – Душанбе, 1990. – 197 с.
241. Данков, А.Г. Отечественная и британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии: XIX - начало XXI вв.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02/ А.Г. Данков. – Томск, 2008. – 248 с.
242. Егоренко, О.А. Бухарский эмират в период протектората России (1868-1920 гг.). Историография проблемы.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09/ О.А. Егоренко. – Москва, 2008. – 267 с.
243. Ёров А.Ш. Бухарский эмират на мировом рынке: Вторая половина XIX - начало XX столетия: дис. ...канд. ист. наук:07.00.02/А.Ш. Ёров. – Душанбе, 2005. – 153 с.
244. Лисицына, Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях: 1880-е - 1907 гг.: дис. ...канд.ист.наук: 07.00.03/ Н.Н.Лисицына – Москва, 2006. – 268 с
245. Мамадалиев И.А. Присоединение Средней Азии к России и особенности ее административного управления: вторая половина XIX - начало XX вв.: дис. ... док. ист. наук: 07.00.02/ И.А. Мамадалиев. – Душанбе, 2013. – 404 с.

246. Пирумшоев М.Х. Памир в русской историографии второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09/ М.Х. Пирумшоев. – Душанбе, 2011. – 218 с.
247. Соколов, В.В. Туркестанский край в составе Российской империи, вторая половина XIX в. - февраль 1917 г.: Проблемы социально-экономического и общественно-политического развития: дис. ... канд. док. наук: 07.00.02/ В.В. Соколов. – Москва, 2002. – 526 с.
248. Сальникова, А.В. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в последней трети XIX - начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03/ А.В. Сальникова. – Иваново, 2009. – 24 с.
249. Сапунов, Д.А. Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России: 40-90-е гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Д.А. Сапунов. – Челябинск, 2001. – 259 с.
250. Смирнова, Л.М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70 - 90-е годы XIX века.: дис. ...канд.ист.наук: 07.00.03/ Л.М. Смирнова. – Иваново, 2004. – 216 с.
251. Симонов, К.В. Афганистан в политике великих держав и Османской империи на Среднем Востоке, 1899-1918 гг.: дис. ...канд.ист.наук: 07.00.02/ К.В. Симонов. – Воронеж, 2001. – 236 с.
252. Терентьева, Н.В. Советская историография англо-русского соперничества в Средней Азии в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09/ Н.В. Терентьева. – Нижневартовск, 2003. – 171 с.
253. Шукурова, С.М. Освещение административно-политического устройства дореволюционного Таджикистана в трудах русских исследователей, конец XVIII - начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ С.М. Шукурова. – Душанбе, 1998. – 149 с.
254. Ходжибеков Э. Исмаилитские духовные наставники (пирь) и их роль в общественно-политической и культурной жизни Шугнана: Вторая половина XIX - 30-е годы XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Э.Ходжибеков – Душанбе, 2002. – 167 с.